Редкое издание

Редкая книга пополнила фонд Алтайского краевого архива. Это путевые записки А. Милюкова «Афины и Константинополь», изданные в Санкт-Петербурге в 1857 году. Книга была преподнесена автором проживавшему в Барнауле видному русскому исследователю С. Гуляеву, о чем свидетельствует дарственная надпись на ее титульном листе.

Н. ЧУЛИХИН.
(Наш соб. корр.).

БАРНАУЛ.

Сов. индустрия, 6.12.87

АѲИНЫ

и

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

АѲИНЫ

И

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

А. МИЛЮКОВА

1857 ГОДА

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

1859

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 4 Іюня 1859 года.

Цензоръ *С. Палаузовъ.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/afinyikonstantin008800

I.

Корфу.

Когда я вышелъ въ Тріестѣ изъ конторы Ллойда, я былъ веселъ и доволенъ, точно театралъ, которому въ потѣ лица удалось добыть мѣсто на какой-нибудь вожделѣнный спектакль. Какъ-же было и не радоваться! Въ карманѣ у меня лежалъ билетъ на право прогулки въ Аѳины и Константинополь и паспортъ, визированный уже въ греческомъ и турецкомъ консульствѣ. Наконецъ-то я увижу этотъ край, на который съ любопытствомъ смотритъ теперь вся Европа. Хоть въ одинъ мѣсяцъ и нельзя будетъ понять смысла всей мистеріи, разыгрываемой теперь на Востокѣ, но я увижу по-крайней-мѣрѣ эту любопытную сцену, съ декораціями Архипелага и Босфора, Акрополя и Сераля, взгляну на кого-нибудь изъ актеровъ, а можетъ-быть успѣю подмѣтить два-три явленія, которыя могутъ дать понятіе и о самой драмѣ.

Послѣ завтрака, въ жаркое іюльское утро, сѣлъ я въ лодку и переѣхалъ на Плутонъ. Тамъ собралась уже толпа довольно разнообразная, но съ характеромъ еще европейскимъ: изъ-за черныхъ и сѣрыхъ шляпъ кое-гдѣ только выглядывала красная феска, и среди итальянскаго и нѣмецкаго говора изрѣдка слышалась греческая фраза. Когда матросы,

послѣ третьяго звонка, забѣгали на палубѣ, кругомъ ворота, вытягивая якорную цѣпь, Тріестъ въ первый разъ показался мнѣ веселымъ. Скользящіе въ гавани паруса адріатическихъ барокъ, полосатые и клѣтчатые, словно маркизы на итальянскихъ балконахъ, бѣлые ряды амфитеатромъ подымающихся домовъ и за ними извилистая линія дымчатыхъ горъ, — все это отражалось въ морѣ такъ нарядно и кокетливо, что я забылъ скучную жизнь меркантильнаго наслѣдника Венеціи.

Весь переѣздъ нашъ по Адріатическому-морю похожъ былъ на увеселительную прогулку. Ни дождь, ни вѣтеръ не мѣшали любоваться южнымъ воздухомъ... да, именно любоваться! Кто видѣлъ только Балтійское да Нѣмецкое-море, тотъ и представить не можетъ всей прелести Адріатики. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Отрантскому-проливу, тѣмъ море и небо становились привлекательнѣе. Албанскія-горы такъ и таютъ въ солнечномъ свѣтѣ. По яхонтовой поверхности моря разбѣгаются свѣтлыя пятна и разводы, точно бѣлое моаре на синемъ атласѣ, а пѣна отъ колесъ парохода брызжетъ молочнымъ каскадомъ. Но что за ночи! Небо все въ золотомъ уборѣ. Звѣзды горятъ такъ ярко, какъ-будто ихъ раздуваетъ кто-нибудь. Вода свѣтится фосфорическимъ блескомъ; отъ пароходныхъ колесъ летятъ искры и огненными полосами гаснутъ за кормою. А въ воздухѣ какая-то теплая влажность. Если-бы не опасеніе познакомиться съ южной лихорадкой, то кажется цѣлыя ночи готовъ-бы просидѣть на палубѣ.

На третье утро пришли мы въ Корфу. Я выбѣжалъ изъ каюты взглянуть первый разъ на Грецію. И первое впечатлѣніе, по-крайней-мѣрѣ въ живописномъ отношеніи, было прекрасное. Огибая маякъ, входили мы въ гавань. Справа, на песчаныхъ холмахъ зеленѣютъ виноградники, и темныя группы тополей перемежаются блѣдной зеленью маслиновыхъ деревьевъ. Прямо на гранитныхъ скалахъ громоздится въ два уступа гранитная крѣпость, окруженная фортами, разбросанными на отдѣльныхъ утесахъ, и сливается съ ними

BIBLIOTECA SAVINE

въ одну твердыню. На бастіонахъ вѣетъ англійское знамя, и часовые въ красныхъ мундирахъ двигаются взадъ и впередъ по стѣнамъ, сверкая своими ружьями. Налѣво поднимается амфитеатромъ красивый городъ, съ высокими бѣлыми домами, которые тѣснятся и привстаютъ одни надъ другими, какъ-будто затѣмъ, чтобы посмотрѣться въ свѣтломъ заливѣ. А кругомъ синее море и голубыя горы, утопающія въ солнечномъ свѣтѣ.

Въ одну минуту налетѣло къ пароходу множество легкихъ феллукъ. Гребцы въ соломенныхъ шляпахъ, бѣлыхъ рубахахъ съ красной выпушкою и въ страшно-широкихъ черныхъ шальварахъ, прихваченныхъ у колѣнъ и болтающихся назади огромнымъ мѣшкомъ, шумно цѣплялись за пароходъ. Цѣлая толпа носильщиковъ и комиссіонеровъ наводнила палубу. Греческія, итальянскія, англійскія фразы слились въ одинъ хаосъ неопредѣленныхъ криковъ. И вся эта тревога была почти напрасна: большая часть пассажировъ оставалась на Плутонѣ, который шелъ кругомъ Мореи, прямо въ Смирну и Константинополь. Только я да двое грековъ съѣзжали на берегъ. Пароходъ, на которомъ предстояла мнѣ поѣздка въ Лепантскій-заливъ, долженъ былъ отправиться вечеромъ. Онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани. Надъ колесами его виднѣлась надпись: Oriente.

Я не успѣлъ опомниться, какъ увидѣлъ свой чемоданъ въ рукахъ какого-то господина, съ черной шелковистой бородою, очень прилично одѣтаго. Онъ кланялся мнѣ съ заискивающей улыбкою и, сверкая глазами, на какомъ-то французско-итальянскомъ нарѣчіи предлагалъ свои услуги для обозрѣнія города. Знакомый уже нѣсколько съ такими господами въ Италіи, я хотѣлъ напередъ условиться.

— Вы свезете только мою поклажу на пароходъ и покажете мнѣ какую-нибудь порядочную гостинницу! — сказалъ я.

— Si, monsieur! — отвѣчалъ онъ, прыгнувъ въ лодку прямо съ борта.

— Смотрите-же, я беру васъ только на часъ! — прибавилъ я, сходя въ феллуку.

— Oui, signore! — закричалъ онъ и уперся обѣими руками въ пароходъ, чтобы скорѣе оттолкнуть лодку.

Я сдалъ чемоданъ на Oriente и чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже на пристани. Передо мной открылась новая для меня картина. Къ самой набережной примыкаетъ рынокъ. Не смотря на раннее утро, здѣсь все уже было въ движеніи. На площади навалены грудами арбузы, желтые персики, свѣжія фиги, невиданная зелень, какія-то большія золотистыя рыбы. Вокругъ движется пестрая толпа: греки въ своихъ неизмѣримыхъ коленкоровыхъ шальварахъ и алыхъ курткахъ, мальчики на ослахъ въ привѣшенными съ обѣихъ сторонъ корзинами, полными зелени и плодовъ, женщины подъ черными кисейными покрывалами, разнощики съ античными лицами, торговцы съ профилью Аякса.

По гладкой макадамовской мостовой поднялись мы въ городъ. Прямыя улицы обстроены прекрасными домами въ итальянскомъ вкусѣ. На балконахъ раскинуты вездѣ полосатыя палатки, уставленныя цвѣтами; а большія окна, закрытыя зелеными рѣшетками, точно опустили рѣсницы отъ нестерпимаго сіянія солнца. Черезъ полчаса проводникъ привелъ меня къ Hôtel d'Europe.

— Сколько-же я вамъ долженъ? — спросилъ я.

— О, что пожалуете, signore! — отвѣчалъ онъ съ кротостью.

Я далъ ему два цванцигера. Въ одну минуту улыбающееся лице моего іонійца вытянулось какъ-то свирѣпо.

— Два цванцигера! — закричалъ онъ, возвышая голосъ. — Сеньоръ не за нищаго-ли меня принимаетъ?

— Но вѣдь здѣсь платится комиссіонеру четыре франка за весь день, а мы не проходили съ вами и часа.

— Да развѣ monsieur не знаетъ, что день и часъ для нашего брата одно и то-же? Вотъ такъ-таки все одно, какъ эти пальцы!

И онъ поднесъ мнѣ къ самому носу два растопыренные пальца.

Я подалъ ему еще цванцигеръ. Онъ торопливо схватилъ его, но въ ту-же минуту закричалъ такъ, какъ-будто я отнималъ у него и прежнія деньги. Мнѣ становилось неловко. Чтобъ отвязаться отъ него, я хотѣлъ уже заплатить за цѣлый день, какъ вдругъ проводникъ мой торопливо повернулся и исчезъ за угломъ. Это меня чрезвычайно удивило. Но загадка тотчасъ-же объяснилась: въ нѣсколькихъ шагахъ показалась рыжая фигура англійскаго полисмена.

Завтракъ мой былъ настоящимъ представителемъ Іоническихъ-острововъ. Мнѣ подали англійскій ростбифъ и цѣлую корзину фигъ и абрикосовъ, портеръ и черный кофе въ миніатюрной чашечкѣ.

Я вышелъ бродить по городу. Не смотря на палящій жаръ, улицы казались оживленными. На нихъ встрѣчаются безпрестанно коляски и кэбы съ англійской упряжью, островитяне въ алыхъ и голубыхъ курткахъ на неосѣдланныхъ ослахъ, католическіе падре подъ широкополыми шляпами à la don Basilio, англійскіе офицеры въ красныхъ мундирахъ, греческіе попы съ большими бѣлыми зонтиками. Все это придаетъ городу видъ очень живописный. Солнце загнало меня въ городской садъ, который называется здѣсь Эспланадой. Какая пышная растительность! Прямыя аллеи изъ колоссальныхъ акацій полны тѣнью и прохладой, а между ними — то темный кипарисъ взлетаетъ вверхъ тонкимъ обелискомъ, то вѣерная пальма широко раскидываетъ свои изящные листья. Но запахъ отъ лимонныхъ деревьевъ и цвѣтущихъ геранiй такъ густъ и поразителенъ, что черезъ часъ мнѣ стало душно въ этой благовонной атмосферѣ, и я вышелъ перевести духъ отъ ошеломляющаго избытка благоуханія.

На улицѣ встрѣтилъ меня мой утренній проводникъ. Съ необыкновенной кротостью и привѣтливой улыбкой освѣдомился онъ, доволенъ-ли я гостинницей. Я поблагодарилъ его за любезность, но онъ не отставалъ отъ меня.

— Сеньору надобно посмотрѣть городъ! — говорилъ онъ, забѣгая передо мною.

— Я и безъ васъ увижу!

— Какъ это можно! Non è possibile! Monsieur долженъ взглянуть на домъ графа Каподистри. Лучше меня никто не покажетъ. Да мнѣ и дѣлать-то больше нечего; я теперь совсѣмъ свободенъ. Мнѣ и денегъ не надо... Un zwanziger per tutto giorno, monsieur!

— Послушайте: ежели вы не оставите меня въ покоѣ, то я найду противъ васъ талисманъ.

— Талисманъ, signore! какой это?

— Полисмена! — сказалъ я, возвышая голосъ.

Это магическое слово подѣйствовало сильнѣе, чѣмъ я думалъ. Злой духъ мой исчезъ, точно въ-самомъ-дѣлѣ отъ какого-нибудь волшебнаго заклинанія.

Въ Корфу я замѣтилъ одну общую черту съ Миланомъ. Какъ ломбардцы вездѣ избѣгаютъ австрійцевъ, такъ и греки не сходятся никогда съ англичанами. Ни на улицахъ, ни въ кофейняхъ не видалъ я ни разу краснаго мундира подлѣ бѣлой фустанеллы. Видно, въ наше время отношенія между поработителемъ и притѣсненнымъ вездѣ одни и тѣ-же, будетъ-ли цѣпь между ними просто желѣзная, какъ въ Ломбардіи, или позолоченная конституціями и палатами, какъ на Іоническихъ-островахъ.

Я засталъ корфіотовъ въ сильномъ волненіи. Въ городѣ шли горячіе толки о проэктѣ Англіи колонизировать Корфу. Покровительница Іонической-республики, въ материнской заботливости о процвѣтаніи острова, вздумала заселить его англійскими земледѣльцами. Новость эта взволновала городъ. Затаенная ненависть къ англичанамъ вся вышла наружу. Палата протестовала и выразила народное желаніе о соединеніи острововъ съ Греческимъ-королевствомъ. Конечно, такія желанія передъ стѣнами гранитныхъ фортовъ и подъ сѣнью англійскихъ пушекъ, останутся не больше, какъ утѣшительными pia desideria. Но опасеніе-ли общественнаго

мнѣнія, какъ говорятъ греки, или скорѣе война въ Индіи подѣйствовала на «коварный Альбіонъ», только онъ на этотъ разъ уступилъ и отказался отъ своего плана іонической колонизаціи. Это чрезвычайно одушевило грековъ.

Когда я зашелъ послѣ обѣда въ кафе передъ Эспланадою, вокругъ столиковъ живописными группами сидѣли греки. Дымя изъ длинныхъ трубокъ, или перебирая зерна своихъ комболойо, они шумно толковали о колонизаціи и рѣшеніи палаты, гордо поглаживали усы и кидали вызывающіе взгляды на проходившихъ мимо англійскихъ солдатъ. Тутъ встрѣтилъ я одного изъ пассажировъ Плутона, пожилаго грека, съ которымъ познакомился на пароходѣ. Онъ подсѣлъ ко мнѣ, и мы разговорились.

— Слышали вы, какую гуманную мѣру придумалъ Пальмерстонъ? — сказалъ мой знакомецъ, — населить Корфу англичанами, стереть съ него совсѣмъ греческое населеніе! Какова мысль?

— Однако-же я слышалъ, что гроза прошла на этотъ разъ мимо! — замѣтилъ я.

— А надолго-ли? Англичане не скоро отказываются отъ того, что разъ засядетъ имъ въ голову. Мы сами виноваты: зачѣмъ было отдаваться въ руки Англіи! Видѣли форты? Вонъ въ какихъ гранитныхъ объятіяхъ держитъ она друзей своихъ.

— Такъ вы полагаете, что Іоническимъ-островамъ было-бы лучше подъ покровительствомъ Россіи?

— Во-сто-разъ лучше. Россія не давила-бы нашей торговли, не захватывала-бы флотовъ нашихъ по проискамъ какого-нибудь Пачифико, не поддерживала-бы въ Греціи разбойниковъ, чтобъ представить ее страной анархической!

— Но вѣдь англичане воздѣлали вашъ островъ, провели шоссе, построили мосты. У васъ есть университетъ, свобода книгопечатанья, палата... она вотируетъ соединеніе съ Греціей, и ее не распускаютъ. Согласитесь, что и это чего-нибудь стоитъ въ наше время!

— Такъ.... да зачѣмъ у насъ на шеѣ вотъ этотъ гранитный ошейникъ!

И онъ показалъ на фортъ, чернѣвшій вдали передъ окнами кофейни.

Солнце садилось, и горы начинали подергиваться темно-синей дымкой, когда я отправился на пристань. По улицамъ пахло миртами и лимонами, и на балконахъ мелькали женскія фигуры, подъ черными кружевными покрывалами. Въ городѣ начинали зажигать газъ, а крѣпость исполинскимъ темнымъ силуэтомъ вырѣзывалась на розовомъ свѣтѣ заката.

Гребецъ съ длинными сѣдыми усами перевезъ меня на Oriente, гдѣ собирались уже поднимать якорь.

II.

Лепантскій-заливъ.

Пароходъ, на которомъ предстояло намъ путешествовать до Корпноскаго-перешейка, былъ настоящій ковчегъ. Готовясь къ поѣздкѣ, онъ какъ-будто нарочно забралъ экземпляры всѣхъ животныхъ и образцы разныхъ народностей. Напереди стояла лошадь англійскаго офицера, уѣзжавшаго въ Санта-Мауру, подлѣ нея мычалъ теленокъ и неумолкаемо блѣялъ толстый баранъ; въ рѣшетчатыхъ ящикахъ кричали куры и утки и клохтали индѣйки. У самой пароходной печи, въ большой жестяной клѣткѣ сидѣли три зеленые попугая, и какой-то господинъ съ черными усиками давалъ имъ уроки новогреческаго языка. На палубѣ было неменьше разнообразія: капитанъ иллиріецъ, матросы — далматы, пассажиры — греки, англичане, итальянцы, французы. И все это населеніе ковчега шумѣло и кричало такъ, что казалось я попалъ на какой-нибудь рынокъ въ минуту вавилонскаго смѣшенія языковъ. Ночью куры, пассажиры и попугаи пріутихли, но баранъ кричалъ не переводя духу, и къ этому присоединилось богатырское храпѣнье англичанина, да рѣзкій говоръ двухъ итальянцевъ, которые перекидывались изъ одного угла каюты въ другой нестерпимо-звучными фразами. Я заснулъ только подъ-утро.

Меня разбудилъ шумъ на пароходѣ: мы пришли въ Превезу. Это первый турецкій городъ, который я вижу. Съ моря онъ очень-живописенъ. Бѣлые домики плотно тѣснятся на берегу залива, выступая впередъ верхними этажами; а надъ ними легко взлетаетъ остроконечный минаретъ, посреди группы такихъ-же тонкихъ, стрѣльчатыхъ кипарисовъ, которыхъ темная зелень пріятно гармонируетъ съ голубымъ отливомъ Эпирскихъ-горъ, замыкающихъ весь ландшафтъ.

Не смотря на раннее утро, картина была очень-оживлена. На берегу пестрѣли толпы грековъ и турокъ, а на рейдѣ взадъ и впередъ сновали легкія лодки. Кажется, мы пришли сюда затѣмъ, чтобы дополнить населеніе нашего ковчега новыми видами. На палубу легко взбѣжали двое эпиротовъ, въ сѣрыхъ овчинныхъ буркахъ, красиво наброшенныхъ на одно плечо, и въ бѣлыхъ вязанныхъ колпакахъ съ длинной кистью. Медленно поднялся турецкій офицеръ, молодой человѣкъ съ старческимъ, изношеннымъ лицомъ, въ однобортномъ форменномъ сюртукѣ и круглой малиновой фескѣ. За нимъ взобрался съ двумя круглыми чемоданами деньщикъ его, низенькій, толстый турокъ съ сѣдыми усами. Это была фигура довольно-оригинальная. На голое тѣло надѣта у него была зеленая куртка на истасканномъ лисьемъ мѣху, съ рукавами до локтей, и подъ нею виднѣлась загорѣлая мохнатая грудь. Шальвары, взятые съ какого-то великана и обрѣзанные выше колѣнъ, висѣли такъ низко, что казалось у него вовсе не было ногъ, а однѣ только ступни. На головѣ, сверхъ полинялой фески, повязанъ былъ желтый платокъ въ видѣ какого-то жалкаго подобія чалмы. И все это было въ состояніи близкомъ къ разрушенію.

Сложа чемоданы въ переднемъ концѣ парохода, онъ поглядѣлъ кругомъ и, не смотря на то, что на скамейкѣ были еще свободныя мѣста, подошелъ къ якорной цѣпи, сложенной грудою на палубѣ, приладился на ней, согнувшись на корточкахъ, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ закурилъ трубку.

Передъ Санта-Маурой мы позавтракали пилавомъ изъ ненавистнаго барана и высадили на берегъ англичанина съ лошадью, а передъ Кефалоніей съѣли за обѣдомъ куръ и теленка и избавились отъ крикливыхъ итальянцевъ. Все это обѣщало впереди болѣе спокойную ночь.

Когда послѣ обѣда я развернулъ свою дорожную карту, турецкій офицеръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ: есть-ли на ней дорога къ Стамбулу. Я показалъ ему.

— Далеко вы ѣдете? — заговорилъ онъ.

— Въ Аѳины, въ Константинополь.

— Вы французъ?

— Русскій.

— Вѣрно по торговымъ дѣламъ?

— Нѣтъ, только изъ любопытства.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и недовѣрчивостью. Я въ свою очередь узналъ, что его зовутъ Османъ-агою и что онъ ѣдетъ на бэйрамъ въ Константинополь. Впрочемъ, турокъ величалъ себя агою на томъ-же, кажется, основаніи, какъ у насъ статскіе совѣтники любятъ величаться генералами.

При закатѣ солнца мы пришли къ Занту. Берега Іоническихъ-острововъ голы и лишены зелени, только кое-гдѣ одинокая хижина или вѣтреная мельница показываютъ, что на нихъ есть населеніе. Зантъ гораздо веселѣе и привѣтливѣе. Высокіе берега его покрыты зеленью оливковыхъ рощъ и виноградниковъ, а по вершинамъ горъ лѣпятся вѣтреныя мельницы, поворачивая медленно своей восьмикрылой звѣздою. У подножія холмовъ, полукругомъ замыкающихъ портъ, раскинутъ красивый городъ, съ рядами бѣлыхъ домиковъ, которые гнѣздятся по берегу, какъ стая отдыхающихъ чаекъ. Когда мы остановились, весь онъ былъ залитъ розовымъ свѣтомъ вечерней зари, въ которомъ окрестныя горы тонули черными силуэтами.

Нигдѣ не слыхалъ я такого шума, съ какимъ здѣсь спу-

скали на берегъ пассажировъ: это былъ цѣлый хаосъ бѣготни, криковъ и сумятицы. Когда феллуки облѣпили со всѣхъ сторонъ пароходъ и толпа лодочниковъ наводнила палубу, можно было подумать, что насъ берутъ на абордажъ какіе-нибудь разбойники. Оборванцы въ красныхъ фескахъ и соломенныхъ шляпахъ прыгали на пароходъ, соскакивали опять въ лодки, бѣгали по палубѣ, хватались за ящики, за пассажировъ. Въ смѣшанномъ гулѣ сотни голосовъ слышались только призывные крики: Георги! Спиро! Дмитри!

Когда я, облокотясь на бортъ, смотрѣлъ, какъ лодки тѣснились къ пароходу, едва не взлетая одна на другую, подлѣ меня раздались громкіе крики: Платоно! Аристотéли! Я обернулся, заслыша такія классическія имена. Оказалось, что они принадлежали двумъ лодочникамъ, въ черныхъ шальварахъ и алыхъ фескахъ, натянутыхъ на соломенныя шляпы. Оба они возились на палубѣ, около двухъ большихъ ящиковъ, и въ двухъ шагахъ другъ отъ друга кричали во всю мочь звонкаго горла.

— Платоно! иди сюда!—ревѣлъ одинъ, который чувствовалъ, кажется, что ящикъ ему не подъ-силу.

— Тащи свой, Аристотéли!—вопилъ другой, возясь съ безплоднымъ напряженіемъ около другого сундука.

— Одному не стащить!—отвѣчалъ положительный Аристотель, окончательно убѣжденный въ невозможности подвинуть ящикъ.

— Бери сильнѣе!—кричалъ идеальный Платонъ, съ благородной увѣренностью въ своихъ силахъ.

Эта философская борьба заинтересовала меня,—и я ждалъ, чѣмъ она кончится. Вдругъ Аристотель въ порывѣ отчаянія плюнулъ энергически на свой ящикъ и бросился къ сундуку собрата, съ очевидной цѣлью раздѣлить его трудъ; но Платонъ, не теряя еще идеальной надежды одному заработать то, что иначе придется раздѣлить на двоихъ, брыкнулъ его ногою въ грудь, такъ-что тотъ снова отлетѣлъ къ своему сундуку. Въ это время капитанъ замѣтилъ классическую

борьбу. Онъ кивнулъ головой матросамъ. Двое здоровыхъ далматовъ схватили за шиворотъ обоихъ противниковъ и прямо черезъ бортъ вытолкали въ лодку. Платонъ и Аристотель обмѣнялись десяткомъ звучныхъ ругательствъ, а потомъ, какъ истинные философы, принялись грести къ пристани.

Когда мы пошли отъ Занта, на маякѣ кружились уже огни, отбрасывая широкія красныя полосы на темное море. Мы опять повернули къ сѣверу, чтобы начать прогулку по Лепантскому-заливу.

Въ Іоническомъ-морѣ поразила меня истина и простота греческихъ миѳовъ. Ихъ создала здѣсь сама природа. Взглянешь на небо передъ восходомъ солнца, и образъ Авроры съ розовыми перстами самъ собою приходитъ въ голову; увидишь, какъ солнце поднимается изъ-за горъ Ахаіи въ нестерпимо ослѣпительномъ блескѣ — и колесница Феба кажется не мечтою, а самымъ простымъ объясненіемъ явленія. Рожденіе Киприды изъ морской пѣны не понятно гдѣ-нибудь на Балтійскомъ-морѣ, а здѣсь это голая дѣйствительность. Когда вода закруглится въ широкую волну и, сверкнувъ на солнцѣ нѣжной синевою, опадетъ и разсыплется въ снѣжную пѣну, — такъ и кажется, что вотъ сей-часъ поднимется изъ нея античный торсъ богини. Все это такъ естественно, такъ мало требуетъ воображенія или легко настроиваетъ ваше собственное, что готовъ отказать древнимъ грекамъ въ изобрѣтательности. Кажется, всякій другой народъ, живя подъ этимъ небомъ, создалъ-бы тѣ-же самые миѳы, такіе-же точно образы.

Рано утромъ мы были уже въ виду Миссолонги. Какъ ни хотѣлось мнѣ посмотрѣть этотъ греческій Севастополь и взглянуть на могилу Байрона, но пароходъ нашъ остановился на четверть часа и съѣхать на берегъ было невозможно.

Черезъ три часа Oriente бросилъ якорь въ гавани Патраса. Сначала капитанъ хотѣлъ пробыть здѣсь только до обѣда, а потомъ намъ сказали, что по случаю большой на-

грузки товаровъ, пароходъ останется до слѣдующаго утра. Мнѣ было досадно, что я не вышелъ въ Миссолонги.

Патрасъ раскинутъ у самой подошвы Ахайскихъ-горъ, которыя извилистой линіей вырѣзываются на голубомъ небѣ, До-сихъ-поръ я видѣлъ еще англійскую колонію, теперь мы въ настоящей Греціи! Съ перваго взгляда видно, что городъ растетъ и богатѣетъ: по улицамъ строются новые дома, набережная уставлена кладовыми и магазинами, въ гавани стоятъ тѣсными рядами корабли, на пристани множество лодокъ. Да какъ-же и не цвѣсти Патрасу! Онъ первый торговецъ коринкой, а коринка въ Греціи то-же самое, что пшеница въ южной Россіи: отъ ея неурожая останавливаются торговыя дѣла, теряютъ вкусъ англійскіе пуддинги. Вотъ почему все благосостояніе города, всѣ его интересы основаны на одномъ только урожаѣ коринки. Первый слухъ о болѣзни винограда въ Мореѣ былъ для него настоящимъ— to be or not to be.

Разумѣется, Патрасъ могъ-бы играть и другую роль. Какъ средоточіе торговли между Іоническими-островами, Мореею и Эпиромъ, онъ могъ сдѣлаться главнымъ торговымъ пунктомъ во всей Греціи. Но ему мѣшаетъ завистливое соперничество Сиры. Племенная вражда между округами, которая такъ вредила грекамъ въ войнѣ за независимость, переродилась теперь въ коммерческое соперничество между городами и точно такъ-же вредитъ ихъ торговлѣ. Какъ, бывало, предводители изъ-зависти другъ-къ-другу дѣйствовали порознь, истощали силы въ интригахъ и междоусобіяхъ, такъ точно соперничаютъ теперь коммерческіе города, подрывая взаимный кредитъ и общія выгоды. Купцы наслѣдовали въ Греціи нетерпимость клефтовъ. Недавно какъ-то вздумали открыть въ Патрасѣ порто-франко. Едва только вѣсть объ этомъ пришла въ Спру, она взволновалась, какъ-будто дѣло шло о томъ, чтобъ взорвать ее на воздухъ; начались интриги, протесты — и правительство принуждено было отказаться отъ своего плана.

Въ городѣ я встрѣтилъ погребальную процессію: это были похороны русскаго вице-консула Калуераки. Она тянулась по главной улицѣ къ Андреевскому-собору. Впереди сѣдой старикъ несъ корзину съ хлѣбомъ и виномъ. За нимъ шелъ низенькій грекъ, точно разнощикъ, съ плоской гробовой крышкой на головѣ; а позади выступала длинная, сухая фигура съ огромнымъ блюдомъ, на которомъ дымилась курильница. За этимъ передовымъ отрядомъ двигалось духовенство въ шерстяныхъ полинялыхъ ризахъ. Позади всѣхъ, между двумя дьяконами, вооруженными восковыми факелами, шелъ митрополитъ морейскій. Вся эта духовная толпа пѣла какой-то погребальный концертъ, съ помощью десятковъ двухъ свѣтскихъ аматеровъ. Трудно представить что-нибудь непріятнѣе этого пѣнія: гимнъ исполнялся не голосами, а тремя десятками большихъ греческихъ носовъ, которые изо-всѣхъ-силъ заливались въ рѣзко-гнусливыхъ звукахъ какого-то нестерпимо-однообразнаго напѣва. Тутъ не было и слѣдовъ какого-нибудь согласія: одинъ носъ быстро уносился впередъ, другой отставалъ, иной на минуту замолкалъ, наклоняясь къ платку, и потомъ опять начиналъ тянуть свою ноту, не заботясь ни мало, что другіе давно опередили его. Передъ гробомъ трое мальчиковъ кидали въ народъ конфекты изъ плетеныхъ корзинокъ. Ребятишки, а нерѣдко и высокіе атлеты съ сѣдѣющими усами, бросались со всѣхъ ногъ подбирать эти даровыя лакомства. Гробъ несли родные покойника, а кисти покрова поддерживали консулы. Солнце жгло немилосердо, и густая толпа валила за гробомъ, въ облакахъ раззолоченной пыли, при едва замѣтномъ мерцаніи свѣчъ, тонувшемъ въ яркомъ дневномъ свѣтѣ.

Я провелъ весь день въ гостепріимномъ домѣ консула. Вечеромъ мы гуляли по городу. Въ Патрасѣ національный костюмъ не тронутъ еще прикосновеньемъ европейской моды; бѣлая фустанелла и алый фесъ съ голубой кистью одинаково видны и на богатомъ купцѣ, и на послѣднемъ лодочникѣ. Правда, женщины начинаютъ уже носить французское платье,

но и у нихъ остались еще вышитые греческіе нарукавники и феска съ длинной золотой кистью. Поздно ночью сѣлъ я въ лодку, чтобы пересѣхать на пароходъ: за кормою бѣжала огненная струя, и отъ веселъ брызгали сверкающія искры.

Утромъ вошли мы въ Лепантскій-заливъ. При самомъ входѣ встрѣтила насъ цѣлая стая дельфиновъ; они прыгали черезъ волны, кувыркались, ныряли, играли на солнцѣ и неутомимо гнались за пароходомъ. Изъ Лепанто мы пошли въ Востицу, а оттуда въ Амфису, кидая якорь то на сѣверномъ, то на южномъ берегу залива, и провожаемые взадъ и впередъ дельфинами. Что за прелесть этотъ Лепантскій-заливъ! Вокругъ тянутся горы, выгибаясь изящными линіями, и изъ-за нихъ выглядываютъ кое-гдѣ вершины Парнаса ослѣпительно-бѣлыми пятнами снѣговъ; по берегамъ, у самой подошвы ближнихъ холмовъ, лѣпятся городки и селенія, ярко вырѣзываясь на темномъ фонѣ горной цѣпи; а по синей поверхности моря скользятъ легкія феллуки и каравеллы, блистая длинными и тонкими парусами, какъ распущенными крыльями. Не хочется глазъ отвести отъ этихъ чудныхъ горъ, которыя на первомъ планѣ желтѣютъ золотистымъ отливомъ, а вдали пропадаютъ въ дымкѣ фіолетоваго тумана. Онѣ, разумѣется, не такъ высоки, какъ Альпы, но отъ нѣжности воздуха или соразмѣрности залива кажутся величественнѣе, и линіи ихъ нѣжнѣе и живописнѣе.

Деньщикъ Османа-аги по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на грудѣ якорныхъ цѣпей. Изрѣдка вставалъ онъ подать трубку, потомъ опять возвращался на пригрѣтое мѣсто и опускался на корточки на своемъ желѣзномъ сидѣньи. Но этотъ постоянный кейфъ на якорной цѣпи значительно дѣйствовалъ на его шальвары: они видимо разрушались и подавали надежду не доѣхать въ Константинополь. Утромъ, проходя мимо турка, я замѣтилъ, что онъ набилъ трубку и до поту лица трудился надъ избитымъ огнивомъ. Я подалъ ему спичку, и онъ поблагодарилъ меня, проворно приложа руку ко-

лбу и къ колѣну. Съ помощью пантомимы я умудрился спросить, какъ его зовутъ.

— Мустафа! — проговорилъ онъ, ткнувъ себя въ грудь чубукомъ.

Послѣ этого онъ обернулъ чубукъ, и указывая на меня, спросилъ:

— Фиренги?

— Московъ!—отвѣчалъ я.

Это видимо не понравилось моему новому знакомцу: онъ еще ниже присѣлъ на корточки, уставилъ впередъ ни на что не смотрѣвшіе глаза и погрузился въ кейфъ на своей якорной цѣпи.

Отъ Амфисы шли мы придерживаясь сѣвернаго берега. Налѣво тянулись зубчатыми изгибами сѣрыя скалы Эпира, направо горы Мореи въ синевато-дымчатыхъ фестонахъ; а прямо передъ нами, въ ясной дали, начала подниматься темная гора, съ бѣлой точкою наверху, которую я принялъ за полоску снѣга. Съ каждой минутой гора эта становилась все виднѣе, а свѣтлая точка на ней ярче и отчетливѣе, и наконецъ превратилась въ бѣлое зданіе. Это былъ Акрокоринѳъ.

III.

Коринѳскій-перешеекъ.

При всей антипатіи къ Австріи, нельзя не сознаться, что компанія тріестскаго Ллойда заслуживаетъ полное уваженіе туристовъ. Пароходы ея удобны и чисты, буфетъ не роскошный, но свѣжій, цѣны за мѣста и обѣдъ умѣренныя, обращеніе съ пассажирами внимательное и вѣжливое. Здѣсь не заставляютъ васъ обѣдать насильно на пароходѣ, какъ иногда бываетъ на Рейнѣ, и капитанъ отвѣчаетъ на ваши вопросы не однимъ свистомъ, что случается нерѣдко въ Англіи. Нѣмецкая компанія Ллойда до-того даже любезна къ путешественникамъ, что совсѣмъ не держитъ на своихъ пароходахъ нѣмцевъ: вся команда и прислуга на нихъ набрана изъ далматовъ и иллирійцевъ.

Передъ самымъ обѣдомъ пришли мы къ деревенькѣ Лутраки, на западный конецъ Коринѳскаго-перешейка. Здѣсь должно было оставаться до утра, когда отправляется почтовый поѣздъ черезъ перешеекъ. Одни пассажиры остались обѣдать на пароходѣ, другіе поѣхали на берегъ. Прекрасный домъ ллойдовской компаніи построенъ у самаго залива, для сбора и отдыха пассажировъ. Спереди примыкаетъ къ нему открытый перистиль, вымощенный мозаикой изъ бѣ-

лыхъ и черныхъ раковинъ. Въ одной половинѣ дома столовая зала, въ другой—пассажирскія комнаты, съ особой половиной для дамъ. Вездѣ чисто и удобно. Вокругъ зеленѣютъ миртовые кусты и цѣлыя рощи олеандровъ, залитыя цвѣтами.

Накапунѣ познакомился я на пароходѣ съ молодымъ грекомъ изъ Кефалоніи, который пять лѣтъ назадъ учился въ аѳинскомъ университетѣ и теперь ѣхалъ хлопотать по какому-то процессу въ столицу. Его звали Ликадисомъ. Онъ предложилъ мнѣ, кажется изъ экономіи, отобѣдать въ народной таверне, и я, какъ охотникъ до мѣстныхъ красокъ, съ удовольствіемъ согласился.

Мы пошли вдоль залива. Позади гостинницы группируется съ полдюжины каменныхъ домиковъ. На одномъ изъ нихъ увидѣли мы вывѣску: Locanda delle isole Jonie. Толпа въ національныхъ костюмахъ, пестрѣвшая у дверей, показывала, что, не смотря на итальянскій титулъ, это самая народная таверна во всей Лутраки. Мы вошли.

Въ большой комнатѣ, прямо передъ входомъ, стояла огромная низенькая печь, точно какой-нибудь жертвенникъ, гдѣ на грудѣ горячихъ угольевъ кипятилось множество маленькихъ, закоптѣлыхъ кофейниковъ. Налѣво тянулся длинный прилавокъ, и на немъ разставлены были кадки съ черными, какъ уголь оливками, блюда жареной рыбы, корзины съ арбузами и абрикосами, тарелки съ краснымъ и бѣлымъ рахатъ-лукумомъ и цѣлый рядъ бутылей съ виномъ темно-сандальнаго цвѣта. За прилавкомъ стоялъ трактирщикъ или ксеподохосъ, смуглый мущина въ фустанеллѣ и фесѣ, съ длинными усами и распущенными по плечамъ локонами. Направо, за длиннымъ столомъ, обставленнымъ скамьями, сидѣли живописнымъ рядомъ греки, поджавъ ноги по-турецки, и одни ѣли оливки или прихлебывали изъ крошечныхъ фиджановъ черный кофе, другіе дымили длинныя трубки. Два мальчика, въ черныхъ коленкоровыхъ шальварахъ и красныхъ курткахъ, бѣгали взадъ и впередъ, то разносили ку-

шанье съ прилавка, то подавали съ очага уголья для трубокъ тонкими желѣзными щипцами. Среди общаго молчанія изрѣдка слышался возгласъ: Леонидасъ! И ксенодохосъ выходилъ на этотъ призывъ изъ-за прилавка выслушать какое-нибудь требованіе или получить деньги.

Мы сѣли въ концѣ стола и попросили Леонида приготовить намъ греческій обѣдъ. Онъ не заставилъ дожидаться. Мальчикъ проворно началъ подавать намъ издѣлія эллинской кухни. Прежде-всего явилось блюдо черныхъ оливъ, привлекательныхъ развѣ только для грека да записнаго туриста. Эта національная закуска смѣнилась яицами, жареными въ оливковомъ маслѣ, за которыя едва-ли принялся-бы и самый пламенный филеллинъ. За тѣмъ подали пилавъ съ бараниной, и наконецъ угощеніе заключилось тарелкою персиковъ и рахатъ-лукума и большой кружкою морейскаго вина, которое Овидій величалъ молокомъ Киприды. Оно показалось мнѣ очень-горько. Пиръ этотъ обошелся намъ въ одну драхму, то-есть немного больше двугривеннаго. И вѣроятно, мы позволили себѣ роскошь, не совсѣмъ обыкновенную въ деревенской таверне, потому-что Леонидъ на прощаньи вышелъ изъ своихъ «термопилъ» и проводилъ насъ величественнымъ поклономъ.

Не смотря на то, что Коринѳъ лежалъ всего на полчаса пути, мнѣ не удалось побывать въ немъ: клефты своими грабежами нагнали здѣсь такой страхъ, что я не могъ найти ни товарищей, ни проводниковъ. На предложенья мои отвѣчали разсказами о томъ, какъ въ прошломъ году клефты остановили пассажирскій поѣздъ Ллойда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни, а нынче весною среди бѣлаго дня захватили богатаго греческаго купца въ самомъ Коринѳѣ. Я хотѣлъ нанять жандармовъ, которые стояли въ Лутраки, но и тѣ отказались, боясь, что мы не успѣемъ воротиться до наступленія ночи.

Отъ нечего дѣлать пошли мы на горячій ключъ, отъ котораго деревня получила названіе. Узенькая тропинка вилась

въ чащѣ олеандровыхъ кустовъ, у самаго подножія Эпирскихъ-горъ, гдѣ по обрывамъ лѣпились мирты и иммортели. Здѣсь нѣсколько нашихъ пассажировъ купалось въ водѣ, горячей какъ щолокъ. Я подговорилъ человѣкъ пять идти въ открытое море. Что за вода! Она такъ густа и съ такой легкостью поддерживаетъ васъ, что кажется и утонуть въ ней нельзя безъ особаго искусства. Если таковъ и Геллеспонтъ, то неудивительно, что Байронъ переплылъ его.

Когда мы возвращались провести послѣднюю ночь на Orient'е, Лутраки принимала воинственный характеръ: на восточномъ краю деревни расположился пикетъ жандармовъ, поставилъ при входѣ часовыхъ и двухъ конныхъ выслалъ впередъ на дорогу.

Рано утромъ разбудилъ меня шумъ на пароходѣ; это свозили на берегъ наши чемоданы. Пока мы пили кофе въ станціонномъ домѣ, на площадкѣ появился шумный поѣздъ: пять каретъ, запряженныхъ четверками лошадей, восемь парныхъ каросси или рѣшетчатыхъ телѣгъ и одна большая фура, къ которой прицѣплено было три лошади и двѣ пары муловъ. Сбруя, связанная на живую нитку веревками, безконечное прилаживанье пастромокъ, безтолковые крики и бѣготня, — все сильно напоминало наши почтовыя станціи. Только пестрыя тряпки яркихъ костюмовъ да звучная энергія греческой рѣчи говорили о классической Элладѣ. Погонщики съ крикомъ и бранью кидали въ фуру наши чемоданы, а передъ ихъ шумной толпою, низко опустясь на корточки, сидѣлъ Мустафа и невозмутимо курилъ свою длинную трубку.

Пассажировъ съ билетами перваго и втораго класса пригласили садиться въ кареты, остальныхъ помѣстили въ каросси. Смотритель станціоннаго дома вышелъ спросить, всѣ ли довольны мѣстами, извощики въ изорванныхъ фустанеллахъ махнули вмѣсто кнутовъ длинными хворостинами изъ олеандровыхъ вѣтвей, и при шумныхъ крикахъ мы двинулись изъ Лутраки.

При выѣздѣ изъ деревни поѣздъ остановился. Тутъ ждалъ насъ цѣлый караванъ для общаго переѣзда черезъ Коринѳскій-перешеекъ. Крестьяне на лошадяхъ, въ овчинныхъ буркахъ и бѣлыхъ колпакахъ, ослы навьюченные большими корзинами и мѣшками, женщины верхомъ на мулахъ, съ грудными дѣтьми на рукахъ, — все это составляло картину очень характерную. Черезъ нѣсколько минутъ явился отрядъ конныхъ жандармовъ, въ синихъ мундирахъ французскаго покроя: двое расположились впереди поѣзда, другіе при багажной фурѣ и экипажахъ. Это нашъ конвой на случай нападенія клефтовъ. Они выправили ружья, — и караванъ нашъ съ необыкновенной здѣсь тишиною и важностью выступилъ на гладкое шоссе, которое недавно австрійская компанія провела на свой счетъ черезъ весь перешеекъ.

Дорога пролегала прекрасной долиною, поросшей кустами миртъ и дикими оливами и замкнутой съ одной стороны ближними отрогами Эпирскаго-хребта, а съ другой извилистой линіей Морейскихъ-горъ, надъ которой ярко свѣтилась въ воздухѣ бѣлая цитадель Акрокоринѳа. По откосамъ холмовъ лѣпились кусты олеандровъ и желтыхъ иммортелей; а изъ тощей зелени, до половины спаленной солнцемъ, слышалось бѣшеное стрекотанье классическихъ цикадъ, которыя при торжественномъ молчаніи нашего поѣзда задавали самый оглушительный концертъ. Между-тѣмъ въ кустахъ и на возвышеніяхъ безпрестанно показывались группы изъ двухъ или трехъ жандармовъ, которые опершись на ружья или прислонясь къ дереву, внимательно смотрѣли въ горы.

Я помѣстился въ каретѣ съ Ликадисомъ. Напротивъ меня сѣлъ Османъ-ага; а подлѣ него старый грекъ съ сѣдыми усами, положа правую ногу на лѣвое колѣно, одной рукой держался за свой желтый туфель, а въ другой перебиралъ комболойо. Оба мои христіанскіе товарища очевидно недовольны были присутствіемъ турка. Когда я обращался съ какимъ-нибудь вопросомъ къ офицеру, Ликадисъ посматривалъ на меня съ огорченіемъ, а старикъ громко вздыхалъ

и поспѣшно отсчитывалъ пальцемъ зерна своихъ четокъ. Всякій разъ, когда жандармъ скакалъ мимо насъ впередъ, онъ съ испугомъ подымалъ брови и посматривалъ на горы.

Разговоръ натурально зашелъ о греческихъ разбойникахъ. Клефты имѣютъ свою исторію. Это почтенное сословіе возникло вмѣстѣ съ турецкимъ порабощеніемъ. Въ то время всякій, кто ненавидѣлъ притѣсненіе, бѣжалъ въ горы: разбой сдѣлался почти законнымъ протестомъ противъ мусульманскихъ варваровъ. Часто люди самые благородные спасались въ горы отъ петли или атагана и дѣлались клефтами. Щадя земляковъ, горцы эти неумолимо преслѣдовали турокъ. Поэтому имя разбойника сдѣлалось однозначительно съ именемъ патріота, давало право на уваженіе, становилось почетнымъ титуломъ. Какъ-скоро началась война съ турками, клефты явились первые на защиту отечества и образовали тѣ смѣлыя толпы, которыхъ не могли одолѣть цѣлыя турецкія арміи; изъ рядовъ ихъ вышли десятки героевъ, эти Карайскаки, Одиссеи, возбуждавшіе удивленіе во всей Европѣ. Съ освобожденіемъ Греціи эти люди нелегко переходили въ категорію мирныхъ гражданъ. Привычка къ грабежу и кочевой жизни въ партизанской войнѣ вошла въ нравы: люди, которые умѣли только стрѣлять изъ ружей да рѣзать турокъ, не чувствовали особенной любви къ быту пастуховъ и земледѣльцевъ. Горы на новой турецкой границѣ опять начали населяться толпами отважныхъ разбойниковъ, которые принялись грабить чужихъ и своихъ, дѣлая набѣги до Коринѳскаго-перешейка и самыхъ Аѳинъ.

Въ Европѣ удивляются, какимъ-образомъ греческое правительство не можетъ истребить клефтовъ, и въ то время, когда Шварцвальдъ перерѣзанъ желѣзными дорогами, Муромскіе-лѣса истреблены фабриками и лѣсничими, когда въ Италіи перевелись фра-дьяволы, а въ Испаніи нищій проситъ уже милостыню безъ карабина — въ Греціи процвѣтаетъ послѣдняя династія разбойниковъ. Это объясняется очень-просто. Жандармамъ короля Оттона такъ-же нелегко гоняться

за клефтами, какъ трудно было арміямъ Ибрагима-паши и Омеръ-Вріони преслѣдовать дерзкія и вѣчно-ускользающія толпы греческихъ удальцовъ. Деревенское населеніе, особенно на турецкой границѣ, покровительствуетъ клефтамъ, изъ страха или выгодъ, а иногда и по симпатіи. Говорятъ, въ городахъ есть антрепренёры, которые держатъ въ горахъ труппу разбойниковъ, заочно управляютъ ею и пользуются выгодами грабежа, а въ голодное время помогаютъ ей деньгами. Между торговцами встрѣчаются отцы семействъ, проводившіе молодость въ охотѣ на чужіе кошельки; даже въ селеніяхъ бываютъ цинцинпаты, которые отъ нашни не разъ уходили на разбой и при недостаткѣ практики опять возвращались къ своему мирному плугу. Случается, что въ самыхъ Аѳинахъ поваръ, слуга или кучеръ уходитъ на побывку въ горы, какъ у насъ дворники отправляются въ деревню.

— Во всемъ этомъ виноваты турки и англичане! — сказалъ старый грекъ, который молча прислушивался къ нашему французскому разговору.

— Какимъ-же образомъ они виноваты въ этомъ? — спросилъ я.

— Турки слишкомъ близко живутъ на нашей границѣ, потому многіе идутъ въ горы только для-того, чтобы ихъ грабить; а англичане подкупаютъ и укрываютъ клефтовъ, чтобы раззорять Грецію и кричать вездѣ о нашей неспособности къ гражданской свободѣ.

Это оригинальное замѣчаніе такъ озадачило насъ, что мы всѣ замолчали.

На половинѣ дороги мы проѣхали мимо небольшаго каменнаго дома. Это — казарма, гдѣ расположенъ постоянный пикетъ. У входа толпилось человѣкъ десять жандармовъ, а на дворѣ стоялъ рядъ осѣдланныхъ лошадей. Караванъ нашъ медленно и въ тишинѣ тянулся по жаркой дорогѣ. Вдругъ послышался рѣзкій свистъ. Ужъ не клефты-ли? Мы выглянули изъ кареты: передъ нами было большое оливковое дерево, и на немъ, на прилаженной между сучьями коротень-

кой доскѣ сидѣлъ, свѣся ноги, человѣкъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ ружье, а въ другой перебиралъ четки. Но это былъ не греческій Соловей-разбойникъ, а караульный жандармъ, который свистомъ перекликался съ товарищами.

Подъ конецъ дорога стала живописнѣе. Она тянулась по откосу горы, отдѣляясь каменной оградою отъ глубокаго оврага, на днѣ котораго алѣли кусты цвѣтущихъ олеандровъ. Вмѣсто дикой пустыни начали показываться слѣды человѣческой жизни — то небольшое поле, гдѣ зеленѣлъ маисъ вышиною въ человѣческій ростъ, то маленькій лугъ, на которомъ паслось стадо черныхъ козъ, а подлѣ сидѣлъ на камнѣ пастухъ, въ бѣлой фустанеллѣ, опершись на длинный посохъ.

Ровно черезъ часъ караванъ нашъ пришелъ въ мѣстечко Каламаки, и мы остановились передъ станціоннымъ домомъ, совершенно такимъ-же, какой недавно покинули на другомъ концѣ перешейка. Передъ нами синимъ зеркаломъ сверкало Эгейское-море. На берегу живописно выгнутаго залива, обрамленнаго горами, толпилось десятка два домиковъ съ плоскими крышками и рѣшетчатыми окнами, полузакрытыхъ въ зелени садовъ. На лугу передъ станціоннымъ домомъ стояло нѣсколько ословъ и муловъ, и оборванные греки таскали нарубленные олеандры съ цвѣтами и кидали имъ подъ ноги.

Пока грузили поклажу на пароходъ Croazia, я пошелъ съ Ликадисомъ гулять по деревнѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ растетъ коринка на самой ея роднѣ. Товарищъ мой предложилъ зайти въ какой-нибудь садъ. Мы подошли къ небольшому дому, за которымъ виднѣлись плодовыя деревья. Ликадисъ вызвалъ хозяина и сказалъ ему, что русскій путешественникъ хотѣлъ-бы посмотрѣть его садъ. Грекъ тотчасъ-же пригласилъ насъ войти. — Садъ невеликъ, но чего тутъ не было! Прямо передъ входомъ рядами тянулись оливы, между ними миндальныя, фиговыя и гранатныя деревья, всѣ въ плодахъ, а по оградѣ гирляндами развѣшанный виноградъ и кустики коринки съ вызрѣвающими гроздами: все это сверкало въ солнечномъ свѣтѣ, какъ наши праздничныя ёлки,

обвѣшанныя конфектами и плодами. Хозяинъ пригласилъ насъ къ маленькому столику, въ тѣни платана, взялъ корзинку, нарвалъ коринки и фигъ и съ поклонами просилъ попробовать. Черезъ нѣсколько минутъ молоденькая женщина поставила передъ нами двѣ маленькія чашечки съ чернымъ кофе. Оба они кланялись, прижимая руку къ сердцу, и увѣряли черезъ моего переводчика, что имъ пріятно видѣть у себя русскаго гостя.

— Чѣмъ-же мнѣ отблагодарить этихъ добрыхъ людей? — шепнулъ я Ликадису.

— Какая тутъ благодарность: они денегъ не возмутъ.

Со мной ничего не было кромѣ сигаръ, купленныхъ въ Корфу. Я предложилъ ихъ хозяину, и онъ кажется принялъ ихъ не безъ удовольствія. Хозяева проводили насъ до дверей: кланяясь и поминутно прижимая руку къ сердцу, грекъ не переставалъ твердить: благодарю васъ! эвхаристо! эвхаристо!

Въ полдень Кроація подняла якорь, и мы вышли изъ Каламаки.

IV.

Пирей. — Пріѣздъ въ Аѳины.

Въ Архипелагѣ море и небо показались мнѣ еще синѣе и бархатнѣе. Въ водѣ какъ-будто разведено громадное количество синьки, а въ тонкомъ воздухѣ сверкаютъ миріады мелкихъ искорокъ. Море такъ прозрачно, что кажется освѣщено внизу какимъ-то другимъ солнцемъ, которое насквозь пронизало и налило его свѣтомъ. Мы идемъ по водамъ, гдѣ человѣческая мысль создала самые поэтическіе миѳы, гдѣ исторія человѣческой молодости разбросала самыя увлекательныя сказанія. Вправо отъ насъ убѣгаютъ вдаль фіолетовыя горы Мореи, налѣво все яснѣе вырѣзывается извилистая линія холмовъ вожделѣнной Аттики. Прямо встаютъ изъ воды скалы Эгины и Саламина, между ними надъ синей чертой горизонта свѣтлой полоской виднѣются домики Пирея, а выше на темномъ пятнушкѣ Акрополя сверкаетъ бѣлой точкою вѣчный Партенонъ, замыкаясь вдали почти ускользающею изъ глазъ лазурной линіей Гиметскихъ-горъ. Я не могъ отвести глазъ отъ картины, о которой мечталъ такъ долго.

Мы вошли въ голубой промежутокъ двухъ классическихъ острововъ. Вправо подымались бѣлые берега Эгины, точно фаянсовая игрушка, окаймленная по краямъ рисункомъ

свѣжей зелени, и на ней, вся облитая солнцемъ, стояла одинокая колонна какого-то падшаго храма. Налѣво тянулись мѣловатыя остроугольныя вершины Саламина, разрумяненныя солнцемъ, и изъ-за нихъ выглядывала гора, съ которой Ксерксъ смотрѣлъ на гибель своего флота. Могила Ѳемистокла привѣтствовала насъ своей нетлѣнной памятью у входа въ Пирейскій заливъ, гдѣ взадъ и впередъ сновали сотни гоэлетовъ, сверкая на солнцѣ алыми шапками своихъ гребцовъ.

Едва успѣли мы бросить якорь въ Пирейской-гавани, какъ множество легкихъ лодокъ съ бойкими гребцами тѣсной толпою оцѣпило пароходъ. Варкарисы въ бѣлыхъ фустанеллахъ и красныхъ фесахъ лѣзли со всѣхъ сторонъ на палубу Кроаціи. Раздался цѣлый потопъ разноязычныхъ криковъ.

— Возьмите варку, эффенди! La barca, signore! Voilà un bateau, monsieur! Гдѣ вашъ багажъ, синьоръ? За полдрахмы на берегъ, сэръ! Съ двумя гребцами за одну драхму, господа! Эпаминонда, бери чемоданъ! Мильтіади, помоги эффенди сойти въ варку!

Я подошелъ проститься съ Османъ-агою: онъ ѣхалъ прямо въ Сиру и теперь спокойно смотрѣлъ на всю пароходную тревогу. Мустафа сидѣлъ передъ нимъ на корточкахъ и набивалъ трубку изъ своего кожанаго мѣшка, не обращая никакого вниманія на послѣднія минуты своихъ шальваръ.

— Мы увидимся въ Сирѣ! — сказалъ Османъ.

— Почему-же вы не ѣдете въ Аѳины? — спросилъ я.

— Зачѣмъ, — отвѣчалъ Турокъ: — вѣдь я никогда не бывалъ тамъ.

Когда я вернулся къ своему чемодану, за него держалось уже больше десятка рукъ, которыя тащили его въ разныя стороны. Я надѣялся на плотность англійской кожи и спокойно смотрѣлъ, чѣмъ это кончится. Наконецъ одинъ здоровый варкарисъ отбилъ призъ послѣ упорной борьбы, поднялъ чемоданъ на голову и прямо съ борта спрыгнулъ

въ лодку. Ликадисъ съ своей стороны храбро отстоялъ свою поклажу, и мы помѣстились въ одной варкѣ. Товарищи нашего гребца не скоро однакожъ отказались отъ своихъ видовъ на насъ: двое изъ нихъ уцѣпились за бортъ, а третій, надѣясь овладѣть которымъ-нибудь чемоданомъ, вскочилъ даже къ намъ въ лодку. Но варкарисъ нашъ отразилъ противниковъ, и вооружась весломъ, такъ оттолкнулъ варку, что мы едва не вылетѣли въ море.

Провожаемые криками лодочниковъ, мы въ нѣсколько минутъ переплыли гавань и были на пристани.

Пирей съ перваго взгляда показался мнѣ веселымъ и привѣтливымъ. Каменные дома и магазины, окаймляющіе синій заливъ, плотно тѣснятся другъ къ другу, оставляя только промежутки для убѣгающихъ перпендикулярно улицъ. Трактиры и кофейни съ греческими и французскими вывѣсками, ослы и мулы, навьюченные кипами товаровъ, ряды кораблей въ гавани и шныряющія между ними взадъ и впередъ лодки — сообщаютъ городу видъ европейской дѣятельности; а высокіе пирамидальные кипарисы между строеніями и толпы народа въ живописномъ костюмѣ на набережной — придаютъ ландшафту оригинальную прелесть. Это Тріестъ въ миніатюрѣ, съ восточнымъ оттѣнкомъ въ физіономіи.

Мы пристали къ широкому молу, выложенному гранитомъ, который желтой полосою убѣгаетъ отъ набережной въ гавань. Онъ обставленъ былъ множествомъ лодокъ, и на крупномъ пескѣ его лежали варкарисы, опираясь на локти и грѣя спину на солнцѣ. Все это переселенцы съ Инсары, по смѣлости и ловкости первые моряки въ свѣтѣ. Лодочникъ схватилъ наши чемоданы и побѣжалъ къ какому-то высокому греку въ довольно-засаленной фустанеллѣ, который величественно прохаживался по набережной. Оказалось, что это былъ телонисъ или таможенный досмотрщикъ. Я началъ отпирать дорожный мѣшокъ, но грекъ съ большой любезностью приложилъ руку къ своему фесу и сказалъ:

— Если эффенди не желаетъ, чтобъ его безпокоили, то потрудится дать что-нибудь телонису.

У меня не было на совѣсти большихъ контрабандныхъ грѣховъ. Я далъ ему полдрахмы, то-есть почти гривенникъ на русскія деньги. Онъ любезно улыбнулся мнѣ и спросилъ: эффенди — французъ?

— Русскій! — отвѣчалъ я.

— Россосъ? какъ-же это я не замѣтилъ! Но вѣдь русскіе имѣютъ обыкновеніе давать цѣлую драхму. Можетъ-быть эффенди еще не знаетъ — но это ужъ такъ заведено.

— Отчего-же это?

— Какъ отчего! — проговорилъ телонисъ, взглянувъ на меня съ видимымъ удивленіемъ: — оттого, что русскіе — не французы. Вы понимаете разницу, и греки понимаютъ, давно всѣ понимаютъ. Видите вы этотъ пароходъ, вонъ — гдѣ люди купаются?

— Вижу! — сказалъ я, ожидая, что̀ изъ этого выйдетъ.

— Ну, такъ это пароходъ русскій. Господа офицеры съѣзжаютъ съ него на берегъ совсѣмъ безъ чемодановъ, и всякій разъ даютъ драхму.

— За что-же?

— Да вѣдь они русскіе! Вы тоже русскій.... мы одной вѣры: эффенди вѣритъ, во-что̀ я вѣрю...

Убѣжденный такой несомнѣнной логикой, я въ-самомъ-дѣлѣ прибавилъ еще полдрахмы. Телонисъ вѣжливо приложилъ руку къ фесу и повернулся къ чемоданамъ Ликадиса, но, убѣдясь съ перваго взгляда, что товарищъ мой былъ совсѣмъ не-русскій, грустно махнулъ рукою и величественно пошелъ къ пристани, куда подходили еще двѣ лодки отъ нашего парохода. Ликадисъ сердился за мою драхму, я хохоталъ.

Варкарисъ подхватилъ наши чемоданы и почти бѣгомъ пустился къ площади, обставленной прекрасными европейскими домами съ разноцвѣтными вывѣсками магазиновъ. Тамъ стояло съ десятокъ каретъ. Извощики ухватились за нашу

поклажу съ такою-же энергіей, какъ и лодочники, и я не знаю, какимъ-образомъ удалось намъ съ Ликадиеомъ попасть въ одну карету. Автомедонъ нашъ въ грязной фустанеллѣ и засаленномъ феѣ ударилъ по лошадямъ, прощаясь звонкой бранью съ своими достойными товарищами.

Изъ города мы выѣхали на довольно-плохое шоссе: это священная дорога въ Аѳины. Передъ нами открылось голое, печальное поле, опаленное солнцемъ и почти совсѣмъ помертвѣлое. Нигдѣ не видно было ни деревца, ни травки: казалось, земля эта покинута навсегда и богами и людьми. Карета наша катилась въ облакѣ мелкой пыли, и бѣлая юпка извощика въ одну минуту почернѣла, какъ фартукъ у кузнеца. Какой грустный, утомительный путь!

Минутъ черезъ десять дорога стала однакоже нѣсколько измѣнятьея. Мы въѣхали въ аллею, обсаженную густыми серебристыми тополями, и хотя съ правой стороны тянулась еще безплодная равнина, примыкающая вдали къ Фалернскому заливу, но слѣва начали уже показываться виноградники, и видъ становился замѣтно веселѣе. Кое-гдѣ порхали птицы, вдали паслось стадо черныхъ козъ.

На половинѣ дороги вьется полузасохшій, каменистый ручей: кто-бы подумалъ, что это знаменитый классическій Цефизъ! Недалеко отъ него мы остановились передъ кафенесомъ, гдѣ стояло у входа нѣсколько маленькихъ столиковъ, и мальчики проворно бѣгали съ кофеемъ и трубками, потряхивая голубой кистью своихъ фесокъ. Извощикъ нашъ, не говоря ни слова, слѣзъ съ козелъ, стряхнулъ юпку, усѣлся за столъ, съ важностью погладилъ усы и потребовалъ кружку вина. Въ то-же время мальчикъ подбѣжалъ къ нашей каретѣ съ мѣднымъ подносомъ, на которомъ стояло два стакана лимонада и тарелка съ бѣлымъ и розовымъ рахатъ-лукумомъ. Эта остановка обязательна для всѣхъ проѣзжающихъ въ Аѳины, и рѣдко случается, чтобы кто-нибудь миновалъ эту кофейню. Мы застали уже передъ нею нѣсколько экипажей: изъ нихъ выставлялись длинные чубуки и столбомъ валилъ

дымъ. Ликадисъ сердился на остановку и твердилъ о необходимости желѣзной дороги изъ Пирея въ Аѳины.

— Здѣсь всякій разъ тратишь двадцать лептъ!—ворчалъ онъ, поглядывая на извощика, который преспокойно курилъ трубку.

Отъ Цефиза дорога стала несравненно живописнѣе. Мы въѣхали въ оливковую рощу, которой родословная восходитъ до священной вѣтви, насажденной здѣсь Минервою. Маститыя деревья, съ узловатыми стволами и блѣдной зеленью, пощажены не только временемъ, но и варварствомъ ибрагимовыхъ солдатъ. Остатки стѣнъ, построенныхъ въ пелопонезскую войну, мелькаютъ кое-гдѣ между священными оливами, а густыя фиговыя деревья и яркая зелень виноградниковъ оживляютъ пейзажъ. Съ лѣвой стороны показались загородные дома, въ зелени фруктовыхъ садовъ, а прямо противъ насъ поднялись холмы Музея и Акрополя съ сверкающимъ Парѳенономъ. Воздухъ былъ такъ свѣжъ и прозраченъ, что кажется стоило пройти нѣсколько шаговъ, чтобы дотронуться до вершинъ Гимета; а по словамъ Ликадиса нужно ѣхать неменьше двухъ часовъ до подножія этихъ горъ. Но вотъ дорога повернула немного въ сторону — и вся сверкающая поднялась бѣлая колоннада Тезеева-храма, а за нею показались строенія новаго города, какъ-будто съ робостью выглядывая изъ-за великихъ остатковъ древности. Ликадисъ что-то говорилъ и разсказывалъ мнѣ, но я ничего не слыхалъ: мы подъѣзжали къ «августѣйшимъ Аѳинамъ».

Оставя назади храмъ Тезея, въѣхали мы въ улицу Гермеса, упирающуюся вдали въ бѣлое зданіе королевскаго дворца, почти на серединѣ ея повернули въ другую улицу Эола и остановились передъ гостинницей съ прозаической вывѣскою Ville de Paris. Мнѣ хотѣлось поселиться въ какой-нибудь чисто-греческой ксенодохеи, но сами греки напугали меня разсказами о нечистотѣ этихъ національныхъ постоялыхъ дворовъ, и я принужденъ былъ искать пріюта во французскомъ отелѣ. Это было что-то въ родѣ тѣхъ маленькихъ

германскихъ гостинницъ, о которыхъ не упоминается даже въ Рейхардовомъ Путеводителѣ.

Хозяинъ, офранцузившійся грекъ, встрѣтилъ насъ улыбками и поклонами и принялся читать на ломаномъ французскомъ языкѣ похвальную рѣчь своей гостинницѣ и цѣлый каталогъ болѣе или менѣе неизвѣстныхъ путешественниковъ, которые наслаждались удобствами добраго Ville de Paris. Намъ отвели въ третьемъ этажѣ двѣ маленькія спальни, съ порядочной залою въ серединѣ, уставленной цвѣтами и обвѣшенной гравюрами изъ исторіи Наполеона. Стеклянная дверь вела изъ нея на балконъ, откуда открывался видъ съ одной стороны на пирейскую дорогу и вершины отдаленнаго Саламина, съ другой на скалу Акрополя съ колоннадою Партенона, до которой такъ и хотѣлось дотронуться рукою. Когда я вышелъ на балконъ, то готовъ былъ разцѣловать Ликадиса за то, что онъ привезъ меня въ эту гостинницу.

Французскій обѣдъ съ бургонскимъ виномъ напоминалъ парижскіе рестораны средней руки. Хозяинъ бѣгалъ и услуживалъ намъ съ такой заботливостью, какъ-будто отъ этого зависѣло все его состояніе, между-тѣмъ какъ я платилъ всего двѣ драхмы за квартиру и четыре за обѣдъ. Когда онъ узналъ, что я русскій, то принялся хлопотать еще больше и торжественно объявилъ, что у него останавливаются всѣ русскіе и даже въ гостинницѣ его и поваръ изъ Россіи. Я подумалъ, что это новая любезность съ его стороны. Но патронъ нашъ угадалъ, кажется, мое сомнѣніе, опрометью кинулся изъ столовой и закричалъ: подайте альбомъ! позовите Петра!

Мальчикъ принесъ довольно-толстую, засаленную книгу. Хозяинъ съ сверкающими глазами принялся перебирать листы, и я въ-самомъ-дѣлѣ увидѣлъ нѣсколько русскихъ строкъ, въ которыхъ какіе-то статскіе и коллежскіе совѣтники лестно отзывались объ удобствахъ и дешевизнѣ гостинницы. Грекъ торжествовалъ, стараясь прочесть на лицѣ моемъ силу чиновныхъ рекомендацій. Но гдѣ-же русскій поваръ-то, — подумалъ я. Въ эту минуту въ дверяхъ столовой показался

человѣкъ съ несомнѣнными чертами русскаго происхожденія и съ румянымъ носомъ, окрашеннымъ, кажется, не отъ одного жара кухонной печи. Я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ по-русски. Оказалось, что этотъ аѳинскій Каремъ въ-самомъ-дѣлѣ родомъ изъ московской губерніи, заѣхалъ въ Грецію съ своимъ бариномъ и остался здѣсь, не желая вѣчно стряпать на крѣпостной кухнѣ. Хозяинъ хвалилъ его талантъ и честность, но жаловался, что съ тоски по родинѣ у него открылась жажда, въ особенности по воскресеньямъ.

— Не слыхать-ли чего въ Петербургѣ на счетъ крѣпостныхъ людей? — спросилъ меня московскій выходецъ.

Я разсказалъ ему, что зналъ.

— Дай-то Богъ, чтобы насъ отпустили! — говорилъ онъ, переступая съ ноги на ногу.

— А ты скучаешь по Москвѣ? — спросилъ я.

— Какъ-же: вѣдь у меня тамъ двѣ сестры остались. Кабы что̀ далъ Богъ — тотчасъ-бы воротился.

Итакъ у подножія Акрополя я прежде-всего встрѣтился съ нашимъ современнымъ вопросомъ: чувствительный русскій нервъ и здѣсь откликнулся мнѣ своею болью.

Въ Аѳинахъ приходилось мнѣ прожить только пять дней, а потому послѣ обѣда я приказалъ привести экипажъ и поѣхалъ развозить мои рекомендательныя письма. Профессора университета, которымъ я былъ рекомендованъ, приняли меня очень-радушно: я получилъ приглашеніе ѣхать на другой день въ университетъ, осматривать Акрополь и древности. Я сошелся особенно съ Куманудисомъ, профессоромъ латинской литературы. Это молодой человѣкъ съ современнымъ взглядомъ на науку, глубокій знатокъ античнаго искусства и одинъ изъ самыхъ популярныхъ греческихъ поэтовъ. Съ любезной предупредительностью онъ вызвался познакомить меня съ аѳинскими памятниками.

Отпустя экипажъ, я пошелъ бродить по городу. Планъ новыхъ Аѳинъ очень-простъ и нагляденъ. Улица Гермеса, которая идетъ отъ пирейской дороги ко дворцу Оттона,

раздѣляетъ городъ на двѣ половины, можно сказать на двѣ отдѣльныя эпохи. Направо лежитъ старый городъ. Тутъ вы видите Акрополь и храмъ Тезея, Пникъ и Ареопагъ, древности и развалины, тѣсныя улицы на обломкахъ старины, гдѣ и самая почва поднялась такъ, что основанія нынѣшнихъ домовъ лежатъ выше кровель старинныхъ построекъ. Налѣво раскидывается новый городъ: тамъ университетъ, институтъ Арсакеонъ, новый соборъ, дома французскаго и англійскаго посольствъ, прямыя улицы, европейскія зданія и магазины. Кофейни, отели и вывѣски столпились сюда, почтительно отступя отъ великихъ святынь древности. Улица Эола, начинаясь отъ Башни-Вѣтровъ, у подножія Акрополя, перерѣзываетъ вертикально главную городскую артерію, а королевскій дворецъ, на концѣ города, какъ-будто соединяетъ древнія и новыя Аѳины.

Я поздно воротился домой и до полуночи просидѣлъ на балконѣ, любуясь изящнымъ силуэтомъ потемнѣвшаго Партенона и стройной фигурою одинокой пальмы, которая раскидывала свой темный и неподвижный плюмажъ передъ куполомъ Башни-Вѣтровъ.

V.

Акрополь.

На слѣдующее утро профессоръ Куманудисъ пріѣхалъ въ Ville de Paris и пригласилъ меня идти въ Акрополь. Когда мы прошли улицу Эола и миновали Башню-Вѣтровъ, на меня напало раздумье. Что̀ я увижу въ этомъ святилищѣ искусства, гдѣ еще недавно все было въ разрушеніи и обломкахъ? Что̀ уцѣлѣло тамъ, послѣ нашествія варваровъ, венеціянскихъ бомбъ, фанатизма первыхъ христіанъ и послѣднихъ турокъ, грабительства англичанъ и новѣйшихъ реставрацій? Неужели придется мнѣ остановиться передъ грудами античнаго щебня, съ обыкновенной жалобой на время и людское невѣжество, и уйти съ пошлымъ проклятіемъ войнѣ и лорду Эльгину?

Съ такими мыслями подходилъ я къ сѣрой скалѣ Акрополя, окаймленной наверху бѣлымъ гребнемъ кимоновыхъ стѣнъ. По узкой дорожкѣ, опоясывающей гору, поднялись мы до половины скалы. Старый инвалидъ встрѣтилъ насъ въ воротахъ аѳинскаго кремля, посмотрѣлъ нашъ билетъ и пошелъ слѣдомъ, какъ докучная тѣнь. Греческое правительство стало такъ недовѣрчиво, что не позволяетъ никому ходить въ Акрополѣ безъ проводника. Когда зданія совсѣмъ

уже ограбили, вывезли лучшія статуи и колонны, оно боится, чтобы туристъ не унесъ подъ полою кусочка античнаго мрамора. Это напомнило мнѣ, какъ мельникъ Крылова пугалъ куръ, которыя приходили пить къ прорвавшейся плотинѣ.

Мы вошли, и я остановился въ изумленіи. Передо мной была бѣлая мраморная лѣстница неописанной красоты. Величественно стояли наверху шесть іоническихъ колоннъ, составляющихъ выходы на площадку, и къ этому чудному портику, между двумя стѣнами взносились бѣлыя мраморныя ступени лѣстницы, передъ которой падаютъ въ прахъ всѣ стюковые входы лондонскаго парламента и луврскаго дворца. Это были Пропилеи. Я не могъ дать себѣ отчета, что̀ меня поразило здѣсь. Ужъ конечно не колоссальность! Я помню, какое непріятное впечатлѣніе произвела на меня знаменитая лѣстница въ Одессѣ, которая ведетъ съ моря на бульваръ: съ одного взгляда на нее сердце сжимается при мысли, какъ тяжело отшагать по всѣмъ этимъ ступенямъ, чтобы добраться наверхъ. Здѣсь это не приходило въ голову. Лѣстница поднимается съ такой видимой легкостью, что кажется вы не будете идти по ней, а подниметесь сами собою. Въ ней точно какая-то притягательная сила, которая манитъ войти на нее.

— Тутъ, вѣроятно, какая-нибудь архитектурная тайна! — сказалъ Куманудисъ, когда мы любовались Пропилеями.

— Да что-же за тайна въ расположеніи ступень?

— А можетъ-быть такая-же, какія открыты теперь въ самомъ Акрополѣ: вы сей-часъ увидите.

Мы поднялись по лѣстницѣ и вышли на площадку. Я осмотрѣлся. Къ самымъ Пропилеямъ справа примыкаетъ храмъ Безкрылой-Побѣды, слѣва Пинакотека; а за ними по одну сторону подымается колоннада Партенона, по другую храмъ Эрехтея. Съ перваго взгляда удивленіе смѣшалось у меня съ какимъ-то чувствомъ обманутаго ожиданія: мнѣ казалось, что я нашелъ тутъ что-то не такъ, какъ воображалъ, что здѣсь что-то противорѣчило общимъ понятіямъ

объ искусствѣ, и однакожъ не портило, а увеличивало наслажденіе.

— Вотъ одинъ изъ секретовъ древней архитектуры! — сказалъ Кумануднсъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, мы привыкли строить ворота и входы прямо передъ зданіемъ, такъ-чтобы храмъ или дворецъ стоялъ къ намъ лицомъ. Это обыкновенное правило нашей архитектуры. А между-тѣмъ передо мной было опроверженіе этой аксіомы. Когда я взошелъ на верхнюю ступеню Пропилей, ни одно зданіе Акрополя не обращалось ко мнѣ ни портикомъ, ни боковымъ фасадомъ, а каждое выставлялось ребромъ, открываясь заразъ и передней и боковой стороною. Сначала это кажется странно. Но греки до-того чувствовали красоту, что самое расположеніе зданій основано было у нихъ на разсчетѣ изящнаго впечатлѣнія. Они застроивали Акрополь такъ, чтобы вы, входя на лѣстницу Пропилей, съ перваго взгляда видѣли каждое зданіе во всемъ блескѣ, чтобъ оно развертывалось передъ вами заразъ и передней и боковой стороною, вдругъ поражало всею пропорціею частей, всею роскошью своей красоты. И этого мало! Всѣ зданія въ Акрополѣ расположены еще такъ, что если вы остановитесь у одного изъ нихъ, другіе всегда обращены къ вамъ угломъ и смотрятъ на васъ вдругъ двумя сторонами, будто въ какомъ-то гордомъ убѣжденіи, что ими будутъ восхищаться десятки поколѣній. И при величественной простотѣ ихъ формъ и скромной чистотѣ линій, это кокетство кажется такъ натуральнымъ, что не замѣчаешь въ немъ и тѣни изысканности или эффекта.

Ближайшія зданія къ Пропилеямъ — храмъ Безкрылой-Побѣды и Пинакотека. При сдачѣ Аѳинъ турками здѣсь оставались только полуразрушенныя стѣны, но ихъ прекрасно реставрировали, — и теперь передъ вами хоть и развалины, но уже развалины живописныя, которыя даютъ понятіе о первобытной красотѣ зданія. На храмѣ Побѣды іоническія колонны подняли уже архитравъ и фризы, представляющіе

мараѳонскую битву. Пинакотека, древняя картинная галерея, открываетъ уже входъ и два боковыя окна съ изящными карнизами, на которыхъ видна еще пунсовая и голубая краска, не поблекшія въ продолженіе двадцати столѣтій. Оба эти маленькія зданія кажутся не строеніями, а какими-то художественными игрушками, надъ которыми работалъ не архитекторъ, а скульпторъ. Съ непривычки странно какъ-то видѣть ихъ подъ открытымъ небомъ: такъ и кажется, что любуешься ими въ какомъ-нибудь музеѣ.

Мы прошли на площадку Акрополя, на то самое мѣсто, гдѣ при Периклѣ стояла колоссальная бронзовая статуя Минервы, въ десять саженъ вышины, съ золотымъ копьемъ, которое въ то время, какъ крестъ Ивановской-колокольни, издали привѣтствовало путниковъ. Съ правой стороны раскидывается колоссальный Партенонъ, съ лѣвой изящный Эрехтеонъ.

Я сомнѣваюсь, чтобъ можно было передать красоту Партенона, не только перомъ, но даже и кистью. Что̀, кажется, особеннаго въ этомъ полуразрушенномъ четыреугольникѣ, обведенномъ со всѣхъ сторонъ поврежденными дорическими колоннами, пожелтѣломъ, изувѣченномъ, безъ кровли, съ голыми фронтонами, съ обнаженнымъ фризомъ; а междутѣмъ нельзя налюбоваться этимъ архитектурнымъ скелетомъ. Онъ стоитъ предъ вами во всей поэзіи живописныхъ развалинъ. Бывало, при видѣ какого-нибудь полуразрушеннаго зданія, невольно стараешься представить его въ первобытной полнотѣ. Партенонъ прекрасенъ такъ, какъ есть, безъ всякихъ усилій воображенія и мысленныхъ реставрацій. Цѣлый онъ былъ конечно полнѣе, но кажется никогда не могъ быть изящнѣе. Время, похищая у зданія его цѣлость и украшенія, придало неописанную красоту его мрамору. Съ сѣверной стороны онъ потемнѣлъ, но не той грязной копотью, которая обратила лондонскаго Павла въ какую-то каменно-угольную массу съ бѣлыми лысинами, а нѣжнымъ свѣтло-сѣрымъ отливомъ, мягкимъ и пріятнымъ. На южномъ-же фасадѣ сѣрый мраморъ переходитъ въ золотистый цвѣтъ соломы съ лег-

кимъ розовымъ румянцемъ, который придало ему солнце, столько вѣковъ щедро осыпающее его горячими лучами.

— Еще архитектурная тайна!—сказалъ мнѣ Кумануднсъ.— Замѣчаете-ли вы, что основаніе и архитравъ Партенона слегка выгнуты?

— Я и прежде слыхалъ объ этомъ; но помнится, кто-то доказывалъ, что это отъ того, будто само зданіе погнулось отъ времени.

— Нѣтъ: его измѣрили съ математической точностью и убѣдились, что не время, а художникъ выгнулъ нарочно основаніе. Вѣдь въ большомъ зданіи линіи кажутся не совершенно прямыми, такъ здѣсь основаніе закруглено нарочно, чтобъ оно являлось для глазъ во всей стройности оптической прямой линіи.

Люди были гораздо безпощаднѣе времени: они раззорили, ограбили Партенонъ и ничего не дали ему въ замѣну. На стѣнахъ его осталась одна позорная лѣтопись разрушенія и невѣжества, съ гунновъ до англичанъ, съ дикаго Аларика и Стиликона до послѣднихъ грабителей.

При Периклѣ входъ въ Пертенонъ былъ со стороны противоположной Пропилеямъ, вѣроятно для того, чтобы посѣтитель невольно обошелъ весь храмъ, налюбовался изяществомъ его линій и вступилъ въ святилище, упоенный красотою. Теперь въ храмъ вы входите прямо отъ Пропилей. Внутренность его пощажена еще менѣе. Здѣсь все въ наготѣ, и для полноты наслажденія нужны уже память и воображеніе. Среди бѣлаго помоста видѣнъ только продолговатый четыреугольникъ, не застланный мраморомъ: это мѣсто пьедестала, на которомъ стояла Фидіева Минерва изъ золота и слоновой кости. Мы не знаемъ, какіе варвары опустошили зданіе Калликрата, но знаемъ, какъ его постепенно искажали. Когда христіане овладѣли храмомъ, они задѣлали древній входъ, чтобы поставить алтарь на востокъ, а отъ Пропилей намостили новое крыльцо изъ обломковъ античнаго мрамора. На стѣнахъ до-сихъ-поръ сохранилась ихъ живопись. Всѣ онѣ покрыты цвѣт-

ными фигурами, полинялыми отъ времени и выглядывающими съ бѣломраморныхъ стѣнъ, какъ печальныя привидѣнія среди яснаго дня. Всматриваясь, видишь блѣдные образы, которые кутаются въ противные для древности покровы, какъ-будто стыдясь, что явились наслѣдниками святилища, гдѣ царствовала красота. Въ свою очередь турки обратили храмъ въ мечеть — покрыли стѣны грубымъ слоемъ штукатурки, на мѣстѣ алтаря поставили свою миру съ корапомъ, а у входа пробили наверхъ лѣстницу для муэззина. Послѣдними грабителями Партенона были англичане, и Байронъ справедливо сказалъ, что его соотечественники докончили то, чего не успѣли сдѣлать варвары. Лордъ Эльгинъ лишилъ храмъ послѣднихъ остатковъ скульптуры, сорвалъ барельефы, обнажилъ фризы и оставилъ одинъ остовъ великаго зданія.

Помню, съ какимъ чувствомъ наслажденія и негодованія два мѣсяца назадъ ходилъ я по эльгинской галереѣ Британскаго-Музея. Три большія залы его наполнены мраморами, которые благородный лордъ вывезъ изъ Греціи и продалъ своему отечеству за тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. И эти тридцать сребренниковъ выплатилъ Парламентъ. Бывали и прежде художественные грабежи. Венеція не-разъ обирала Константинополь, похищала колонны изъ храмовъ, коней съ Гипподрома, двери изъ Софійскаго-собора. Наполеонъ перевозилъ обелиски изъ Египта, кралъ ворованныхъ коней въ Венеціи, похищалъ картины изъ Мадрита и Дрездена. Но грабежъ Эльгина совсѣмъ другое дѣло. Тамъ было мародёрство побѣдоносныхъ солдатъ, насильственная военная контрибуція; здѣсь одна мошенническая спекуляція торговца неграми, помышлявшаго не о трофеяхъ отечества, а только о пользѣ своего кармана.

Если Партенонъ поражаетъ величіемъ и простотою, то Эрехтеонъ можно назвать полнѣйшимъ выраженіемъ граціи. Это гармоническое соединеніе трехъ небольшихъ храмовъ. Въ серединѣ, на мраморномъ возвышенномъ подножіи стоитъ изящный портикъ изъ желобчатыхъ коринѳскихъ колоннъ

неописанной красоты. Это храмъ Минервы-Поліады, гдѣ въ древности, передъ статуей богини изъ оливковаго дерева, горѣла неугасимая золотая лампада и жила священная змѣя, хранительница Акрополя. Къ нему, со стороны Партенона, примыкаетъ маленькій храмъ Пандрозы, самое удивительное зданіе Перикла, съ чуднымъ архитравомъ, опирающимся на безсмертныя каріатиды Фидія. Тутъ хранилась священная оливковая вѣтвь, пронзращенная богинею. Съ другой стороны прислоненъ іоническій портикъ, съ подымающимися прямо съ земли колоннами. Это храмъ Нептуна-Эрехтея, гдѣ былъ алтарь бога, спорившаго съ Минервой за владычество Аѳинами, и теперь еще видны круглыя углубленія въ скалѣ, пробитыя по преданію его трезубцемъ. Всѣ эти три маленькіе храма, сами по себѣ изящные, сливаются въ одно гармоническое цѣлое: чувствуешь, что одинъ безъ другого они были-бы прекрасны, но только вмѣстѣ составляютъ идеальную архитектурную группу.

Двадцать лѣтъ назадъ это зданіе представляло груду развалинъ; теперь оно прекрасно реставрируется. Правда, храмъ Поліады стоитъ еще безъ кровли, но портикъ его почти весь уже поднятъ; пять коринѳскихъ колоннъ поддерживаютъ архитравъ и только недостаетъ шестой, увезенной въ Лондонъ. Пандрозеонъ видѣнъ во всей красотѣ, хотя только четыре каріатиды Фидія сохранились вполнѣ, въ пятой остался одинъ античный торсъ, а шестая состоитъ изъ гипсовой копіи, присланной англичанами въ замѣнъ украденнаго подлинника. Въ Аѳинахъ есть легенда, что, во время похищенія статуи, въ городѣ слышались стоны ея прощанія съ мраморными сестрами. Менѣе сохранился храмъ Нептуна, но и его желобчатыя колонны, изувѣченныя турецкими ядрами, поднялись уже на своихъ базахъ и накрылись чудными коринѳскими капителями. Искусство потратило на эту постройку всѣ свои средства: отдѣлка колоннъ и карнизовъ отличается такой тонкостью рѣзца, въ остаткахъ красокъ и позолоты видно столько вкуса, что кажется разсматриваешь не зданіе, а нѣжную отдѣл-

ку какой-нибудь вазы или саркофага. Эрехтеонъ не постройка, а скорѣе произведеніе скульптуры, изваянное для какого-нибудь дворца.

Вотъ древнія сокровища, которыя придаютъ Акрополю характеръ архитектурнаго музея. И этотъ общій характеръ дополняется подробностями: кругомъ храмовъ видны вездѣ мраморы, обломки колоннъ и капителей, части разбитыхъ статуй и орнаментовъ, вынутыя изъ земли при разработкѣ. Въ деревянномъ сараѣ, въ углу Акрополя, собраны мелкіе антики: гипсовыя вазы съ силуэтами черныхъ фигуръ, свѣтильники и лампады, храмовыя утвари и могильныя урны. Но все это неважно.

Во все время нашей прогулки въ цитадели Кекропса, сѣдой инвалидъ не отставалъ отъ насъ ни на шагъ: онъ ревниво слѣдилъ за нами даже въ самомъ Партенонѣ и, кажется, боялся, чтобъ мы не спрятали въ карманъ одну изъ колоннъ его. При выходѣ онъ рекомендовался мнѣ, какъ сослуживецъ знаменитаго Карайскаки, и въ заключеніе намекнулъ, что мы не потеряли-бы нисколько въ его мнѣніи, еслибы предложили ему нѣсколько лентъ. Я далъ ему полдрахмы, и онъ привѣтствовалъ меня названіемъ филеллина.

VI.

Пникъ и Ареопагъ. — Тюрьма Сократа.

Подъ громадной скалою Акрополя улеглось нѣсколько сѣрыхъ каменныхъ холмовъ, окруженныхъ голымъ, однообразнымъ полемъ. Но эти печальныя скалы никогда не переетанутъ привлекать къ еебѣ путешественниковъ: тутъ лежатъ Пникеъ и Ареопагъ. Послѣ обѣда Ликадисъ привелъ ко мнѣ евоего пріятеля, етудента аонискаго университета. Это былъ горячій патріотъ, съ длинными клаесическими локонами на плечахъ и съ самыми романтическими идеями о будущей еудьбѣ Греціи. Мы соглаеились идти на Пникъ. Отъ Акрополя повернули мы за Тезеевъ-храмъ и вышли на обнаженное, пустынное поле, слегка взбугренное возвышеніями и усѣянное мелкими, острыми камнями, сквозь которые мѣстами пробивались куетики тмина и блѣдная зелень полыни. Солнце жгло немилоеердно и южный ветеръ дулъ точно изъ раскаленной печи.

Съ трудомъ перешли мы эту печальную равнину, то подымаясь на возвышеніе, то спуекаяеь въ лощину. Передъ нами открылась ровная, полукруглая площадь, которая, слегка приподымаясь въ одну сторону, оканчивалась вертикальной гранитной скалой съ вырубленной на верху маленькой пло-

щадкой. Это былъ Пникъ. Вершина скалы и есть та знаменитая вема или трибуна, съ которой раздавались рѣчи Демосоена и Перикла; а примыкающая къ ней площадь, та великая аудиторія, гдѣ собирались вольные граждане Аѳинъ, эта университетская молодежь древности, какъ говоритъ Гейне. Тутъ волновались и шумѣли эти классическіе монтаньяры и консерваторы, готовые отдать жизнь за отечество и осудить великаго гражданина на остракизмъ или цикуту.

Аѳинскій Пникъ, съ голубымъ небомъ вмѣсто темнаго плафона, съ видами на памятники и окрестности вмѣсто голыхъ стѣнъ, конечно больше могъ вдохновить оратора, чѣмъ залы лондонскаго Парламента и парижской Палаты-Депутатовъ. Мѣсто выбрано удивительно-краснорѣчиво: съ одной стороны видѣнъ Партенонъ, съ другой храмъ Тезея, посвященные одинъ мудрости, другой силѣ, а позади Ареопагъ, какъ идея верховнаго правосудія. Что можно придумать лучше этой обстановки! Не понятно только, какъ аѳинскіе демагоги собирались подъ открытымъ небомъ, подъ этими палящими лучами солнца! Въ наше время самая любовь къ отечеству любитъ комфортъ, и краснорѣчіе нуждается въ стаканѣ сахарной воды. Я не думаю, чтобъ самые демократическіе представители какого-нибудь вольнаго народа рѣшились теперь слушать Брайта или Ледрю-Роллена на этомъ голомъ полѣ, подъ знойнымъ дыханіемъ широкко. Только аѳинская страсть къ публичнымъ дѣламъ могла заставить десятки тысячъ людей ходить на эти — не засѣданія, а стоянки, потому-что и сѣсть тутъ было не на чемъ.

По ступенямъ, вырубленнымъ въ скалѣ, мы поднялись на площадку.

— Что, еслибъ теперь явился здѣсь Демосоенъ, а на площади собрались нынѣшніе аѳиняне? — сказалъ нашъ студентъ.

— О чемъ-же ему говорить съ нами! — возразилъ Ликадисъ.

— Какъ о чемъ! горячо сказалъ молодой демагогъ. — Да

развѣ Греція такъ счастлива и народъ доволенъ, правительство до-того твердо и безкорыстно, что старому оратору осталось-бы только молчать отъ удовольствія! О чемъ говорить ему? Да неужели некого обличать теперь! Развѣ въ наше время онъ не нашелъ-бы въ Греціи ни пронырливыхъ Филиповъ, ни продажныхъ Эсхиновъ? И вы думаете, онъ остался-бы доволенъ и молчалъ, когда у насъ строятъ мраморные дворцы, а нѣтъ нигдѣ проѣзжихъ дорогъ, когда ежегодно тратятъ десятки тысячъ драхмъ на поливку королевскаго сада, а столичныя улицы освѣщаются не газомъ и даже не масломъ, а одной кроткой луною.

— Вы читаете настоящую филиппику! — замѣтилъ я.

— Нѣтъ, это только слабая оттоніада! — возразилъ студентъ, одушевляясь еще болѣе. — Неужели, думаете вы, не возмутило-бы Демосѳена это преслѣдованіе книгопечатанія и ограниченіе свободы мыслей, эти подкупы на выборахъ и интриги въ министерствѣ, эта продажность законовъ и вопіющая несправедливость нашихъ маститыхъ архонтовъ. Нѣтъ, онъ сорвалъ-бы маску съ этихъ безстыдныхъ правителей и судей и заставилъ-бы привести ихъ — вотъ на этотъ холмъ!

И нашъ молодой Демосѳенъ протянулъ руку къ сосѣднему возвышенію.

— Что-же это такое? — спросилъ я.

— Ареопагъ.

Я предложилъ идти туда. Мы сошли съ трибуны и по тому-же каменистому полю добрались до другого холма, подымающагося между Пниксомъ и Акрополемъ. Это — мѣсто славнаго судилища. Въ скалѣ сѣраго гранита высѣчены грубыя ступени. Мы поднялись по этой лѣстницѣ и вышли на площадку, вырубленную въ видѣ правильнаго полукружія въ каменномъ утесѣ. Вокругъ, какъ въ театрѣ, изгибаются высѣченныя въ скалѣ сидѣнья, похожія на выгнутый подковою рядъ грубыхъ каменныхъ креселъ. Здѣсь-то, передъ алтаремъ Эвменидъ, собирался ареопагъ въ свои ночныя засѣданія. Въ виду Акрополя и Пникса, при свѣтѣ мѣсяца или

зажженныхъ факеловъ, приводили передъ этотъ страшный судъ умъ, красоту и талантъ, въ лицѣ Сократовъ, Аспазій, Фидіевъ.

Мы сѣли на гранитныя кресла архонтовъ и закурили папиросы.

— Такъ сюда-то хотѣли-бы вы по голосу Демосѳена привести вашихъ министровъ? — спросилъ я нашего оратора.

Онъ улыбнулся и кивнулъ головою.

— А знаете-ли, чѣмъ кончилось-бы теперь такое обвиненіе? — сказалъ Ликадисъ. — Еслибы Демосѳенъ явился здѣсь, хоть середи бѣлаго дня, а на этихъ каменныхъ скамьяхъ сидѣли наши современные архонты, болѣе знакомые съ драхмами, чѣмъ съ законами Солона, куда попалъ-бы отсюда ораторъ? Знаете-ли, на что̀ указали-бы ему судьи?

— На что̀-же?

— А вотъ на этотъ утесъ, гдѣ видите пасутся козы.

— Что-же это за утесъ?

— Это тюрьма Сократа.

— Пойдемте-же смотрѣть ее.

Опять пошли мы тою-же пустынею. Солнце жгло такъ-же безпощадно, но мы довольно бодро подвигались къ древней аѳинской тюрьмѣ, гдѣ по преданію заключенъ былъ Мильтіадъ и умеръ Сократъ. Это конечно не доказано исторически, но туристу дорого иногда и то, во что онъ не вѣритъ. Не смотря на сомнительную достовѣрность тюрьмы, мнѣ хотѣлось посмотрѣть на нее.

Мы пришли къ скалѣ, саженъ въ пять вышиною, примыкавшей къ другимъ каменнымъ холмамъ, которые тянутся по всему прибрежью до самаго моря. Скала эта со стороны Ареопага обтесана отвѣсной стѣною, и въ ней пробито три входа. Надъ ними видѣнъ рядъ четыреугольныхъ отверстій: вѣроятно, тутъ были вставлены балки, которыя поддерживались столбами и составляли родъ навѣса или галереи.

Когда мы подошли къ пещерѣ, пастухи только-что вогнали въ нее своихъ козъ. У праваго входа вертѣлась и громко лаяла большая черная собака, внутри слышались крики. Вдругъ, не смотря на бдительность мохнатаго сторожа, изъ пещеры выскочилъ черный козелъ и бросился вдоль скалы. Въ слѣдъ за бѣглецомъ кинулся молодой пастухъ, высокій и стройный, въ овчинной буркѣ и бѣломъ вязаномъ колпакѣ, съ длинной палкою въ рукахъ, которая оканчивалась желѣзнымъ крючкомъ. Козелъ добѣжалъ до конца отвѣсной скалы, прыгнулъ на уступъ, съ него на другой, но молодой атлетъ не отставалъ отъ своей жертвы. Съ удивительной легкостью поднялся онъ на холмъ, зацѣпилъ бѣглеца за ногу крючкомъ своей палки, приволокъ къ обрыву скалы и нагнулся. Послышалось слабое хрипѣніе. Черезъ минуту грекъ поднялъ свою добычу, раскачалъ и швырнулъ внизъ: козелъ съ перерѣзаннымъ горломъ рухнулся въ десяти шагахъ отъ насъ, у самаго входа въ пещеру, медленно закрывая потухающіе глаза.

Молодой атлетъ пронзительно и протяжно крикнулъ. Двое другихъ пастуховъ вышли изъ пещеры, и въ слѣдъ за ними высыпало стадо и разсѣялось по полю; собака принялась бѣгать вокругъ, не давая козамъ далеко расходиться въ стороны. Одинъ пастухъ принялся свѣжевать убитаго козла.

— Вѣрно собираетесь готовить жаркое на ужинъ? — сказалъ Ликадисъ молодому пастуху, который сошелъ со скалы и отиралъ потъ своимъ колпакомъ.

— Мы не такъ богаты, эффенди, чтобы ѣсть козлиное мясо, — отвѣчалъ онъ: — этотъ козелъ пойдетъ сегодня на базаръ.

Черезъ лужу крови вошли мы въ середнюю пещеру. Это маленькая квадратная комната, высѣченная въ гранитной скалѣ. Она, говорятъ, назначалась для стражи: въ обѣихъ боковыхъ стѣнахъ ея пробиты окна, въ которыя наблюдали за узниками. Съ правой стороны окно выходитъ въ тюрьму

Мильтіада, съ лѣвой — въ темницу Сократа. Много славныхъ именъ и кровавыхъ воспоминаній связано со стѣнами венеціянскихъ поцци, парижской бастиліи, лондонскаго тоуэра, но въ этой скалѣ живетъ память первыхъ страдальцевъ за любовь къ отечеству и убѣжденія.

Мы перешли въ правый входъ. Тюрьма мараоонскаго героя состоитъ изъ двухъ пещеръ. Сперва входишь въ четыреугольную комнату, которая сообщается окномъ со сторожкой. На голыхъ каменныхъ стѣнахъ ея не осталось никакихъ слѣдовъ ни времени, ни человѣка — ни одной надписи, ни даже плесени. Здѣсь тѣсно, темно, но сухо и прохладно. Видно, аѳинскіе греки были не очень свѣдущи въ искусствѣ морить людей: имъ, кажется, и въ голову не приходило, что можно устроивать тюрьмы подъ свинцовой кровлей или вырывать казаматы въ уровень съ водою. Мы въ этомъ отношеніи ушли гораздо дальше. Въ глубинѣ комнаты пробито отверстіе въ другую пещеру. Это совершенно круглый каменный шатеръ, похожій на опрокинутую воронку, съ длиннымъ и узкимъ отверстіемъ, которое оканчивается круглой отдушиной, закрытой до половины каменной плитой на вершинѣ горы. Мнѣ казалось, что я стою подъ московскимъ царь-колоколомъ: не только форма и величина однѣ и тѣ-же, но даже входъ совершенно похожъ на выбитый край кремлевскаго великана. Самое эхо переливается здѣсь звучнымъ гуломъ, какъ внутри мѣднаго колокола. Только отверстіе на сводѣ, въ видѣ полумѣсяца, мѣшаетъ полнотѣ сходства. Стѣны сильно закопчены: пастухи варятъ здѣсь обѣдъ и грѣются зимой у костра.

Лѣвая наружная дверь ведетъ въ тюрьму Сократа. Мы вошли въ квадратную комнату, немного просторнѣе другихъ, съ едва-выгнутымъ сводомъ. Изъ нея съ правой стороны пробито тоже окно въ сторожку. Бѣлыя известковыя стѣны ея совершенно голы, и только кое-гдѣ виднѣются надписи, которыми обыкновенно туристы любятъ заявлять свое при-

сутствіе въ историческихъ мѣстахъ. Надписи эти по большой части англійскія: какъ французъ любитъ завезти визитную карточку какой-нибудь живой знаменитости, такъ англичанинъ никогда не забудетъ записать свое имя на старомъ памятникѣ.

Въ тюрьмѣ нашли мы живописную картину. На буркахъ, разостланныхъ по полу, сидѣли наши пастухи, поджавъ ноги, драпированныя фустанеллами. Что это за характерныя лица! Одинъ изъ нихъ, старикъ съ загорѣлымъ лицемъ, съ разбросанными по плечамъ сѣдыми волосами, похожъ былъ скорѣе на какого-нибудь клефта, чѣмъ на мирнаго пастыря. Двое другихъ, молодые люди съ едва-пробивающимися усами, съ золотистымъ загаромъ кожи, стройные и гибкіе, напоминали тѣхъ Филисовъ и Дамоновъ, о которыхъ вздыхали нимфы и дріады. Ихъ стройныя формы, правильныя лица и какая-то мужественная скромность, кажется, такъ и вызывали любовь какой-нибудь богини. Передъ ними стояла плетеная корзинка съ хлѣбомъ и большая глиняная амфора, грубая, но довольно-красивая. Казалось, это была живая сцена изъ какой-нибудь древней идилліи, со всей ея простотою и наивностью.

Когда мы вошли, пастухи встрѣтили насъ обыкновеннымъ греческимъ привѣтствіемъ — слегка наклонили головы и приложили руку къ сердцу. Мнѣ давно уже хотѣлось пить, товарищи мои устали не меньше меня, — и всѣ мы дружно взглянули на амфору. Пастухи, кажется, угадали наши мысли. Молодой человѣкъ, прекрасный какъ Адонисъ, проворно всталъ, взялъ сосудъ за выгнутыя ручки и поднесъ намъ. Мы по-очереди нагибались къ краямъ: вода была довольно холодна, но съ какимъ-то горькимъ, непріятнымъ вкусомъ. Она напомнила-бы цикуту даже и не въ тюрьмѣ Сократа.

Разговоръ шелъ у насъ по-французски, и я замѣтилъ, что старый пастухъ посматривалъ на меня нѣсколько сурово. Видно было, что онъ хотѣлъ о чемъ-то заговорить. Нако-

нецъ онъ обратился къ Ликадису съ вопросомъ: — вашъ товарищъ нѣмецъ?

— Русскій! — отвѣчалъ онъ.

Нахмуренное лицо старика прояснилось. Онъ отодвинулся немного въ сторону, очистилъ мѣсто на буркѣ и знаками просилъ меня сѣсть. Мнѣ давно хотѣлось отдохнуть, и мы присѣли къ пастуху.

— Россосъ! — проговорилъ старикъ, прикладывая руку къ сердцу: — садись, садись! Русскіе наши гости! русскіе наши братья!

И онъ подвинулъ къ намъ корзинку съ хлѣбомъ. Не желая обидѣть нашихъ хозяевъ, мы отломили по куску и запили водой. Мнѣ хотѣлось знать, до какой степени память о Сократѣ сохранилась здѣсь въ простомъ народѣ, и знаютъ-ли эти пастухи преданіе о его смерти. Я сказалъ объ этомъ Ликадису. Онъ спросилъ старика:

— Слыхалъ-ли ты что-нибудь объ этомъ мѣстѣ?

— Здѣсь умеръ мудрецъ! — отвѣчалъ онъ. — Я зналъ его имя, да забылъ... Что дѣлать — старъ! не помню совсѣмъ!

Молодой пастухъ взглянулъ на старика и, кажется, хотѣлъ что-то сказать, но точно ждалъ его позволенія.

— Не знаешь-ли ты, Дмитро: какъ звали этого человѣка? — спросилъ его старый пастухъ.

— Сократомъ! — отвѣчалъ нашъ Адонисъ.

— Да, теперь помню. Умные люди говорятъ, что его отравили. Господа изъ далекихъ земель ѣздятъ смотрѣть нашу пещеру. Что-же удивительнаго, что здѣсь умнаго человѣка уморили! Вѣдь это было давно, когда наши отцы еще и во Христа не вѣрили. А развѣ теперь ненависти меньше? Мы люди простые, не все знаемъ, что дѣлается на свѣтѣ — только врядъ-ли и теперь мудрецамъ-то лучше, чѣмъ въ старину было!

— Правда, правда! — закричалъ нашъ студентъ и принялся цѣловать старика.

Мы отдохнули и простились съ патріархальными жильцами сократовой тюрьмы. Жаръ замѣтно уменьшился, и я безъ большаго утомленія прошелъ каменистое поле до самыхъ воротъ Агоры. Черезъ полчаса мы сидѣли уже передъ кофейней Belle Grèce, на перекресткѣ улицъ Эола и Гермеса, и прихлебывая черный кофе, читали въ Indépendance описаніе похоронъ Беранже.

VII.

Храмы Тезея и Юпитера.

Ни одинъ изъ древнихъ аѳинскихъ памятниковъ не уцѣлѣлъ такъ хорошо, какъ храмъ Тезея, и ни одно великое зданіе не было разрушено такъ страшно и безнадежно, какъ храмъ Юпитера-олимпійскаго. У зданій, какъ и у людей, есть свое счастіе и судьба.

Былъ вечеръ, когда профессоръ Куманудисъ пригласилъ меня идти къ этимъ классическимъ памятникамъ. Неразъ уже видѣлъ я издали храмъ Тезея, но теперь, когда мы подошли къ нему, меня поразила цѣлость этого зданія, которое прожило уже двѣ-тысячи пять-сотъ лѣтъ. Оно такъ удивительно сохранилось, что не хочется вѣрить его древности: еслибъ не эта непостижимая красота, передъ которой блѣднѣютъ всѣ наши подражанія, то можно-бы подумать, что храмъ построенъ какія-нибудь сто лѣтъ назадъ. Сама судьба берегла этотъ памятникъ. Построенный въ сторонѣ отъ города, куда не долетали венеціянскія бомбы и турецкія ядра, онъ часто былъ оскорбляемъ—служилъ пороховымъ магазиномъ, казармой египетскихъ солдатъ, конюшней для албанскихъ муловъ, но уцѣлѣлъ лучше Партенона, лучше всѣхъ другихъ остатковъ старины. Твердость постройки спасла его отъ

землетрясеній, а простота отъ собирателей древностей: не имѣя изящныхъ каріатидъ Эрехтеона, ни художественныхъ фризовъ Партенона, онъ ускользнулъ и отъ грабительства Эльгина. И вотъ двадцать-пять вѣковъ пронеслось надъ мраморной кровлей мараѳонскаго трофея, а онъ стоитъ еще во всемъ величіи и красотѣ, переживъ и удары молній, и народныя бури.

Что это за чудный мраморный параллелограмъ! Его дорическій перистиль, его гладкія колонны такъ просты, что кажется ребенокъ могъ-бы начертить такое зданіе, а междутѣмъ нельзя налюбоваться его художественной красотою. Время почти ничего не отняло у храма, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ придало ему такую-же красоту, какъ и Партенону: его мраморъ съ одной стороны потемнѣлъ отъ лѣтъ, съ другой позолотился отъ лучей солнца. Когда мы подошли къ зданію, западная сторона его вся облита была свѣтомъ, и колонны горѣли точно позолоченныя, отбрасывая гигантскія черныя тѣни на бѣломраморную стѣну храма.

Въ настоящее время этотъ памятникъ, посвященный нѣкогда силѣ, обращенъ на служеніе искусству: въ храмѣ Тезея помѣщается теперь музей древностей. Я не очень любопытствовалъ видѣть его. Въ путешествіе мое по Европѣ я обошелъ столько галерей и выставокъ, что онѣ начинали утомлять меня. Художественное наслажденіе тогда только совершенно полно, когда видишь изящное произведеніе на своемъ мѣстѣ. Картины Тиціана и Веронеза въ дожевомъ-дворцѣ, Тайная Вечеря Леонарда-Винчи въ монастырской трапезѣ, каріатиды Фидія на портикѣ Эрехтеева-храма, — больше дѣйствуютъ на душу, потому-что вы любуетесь ими тамъ, куда назначалъ ихъ художникъ. Перенесите ихъ въ галереи—и они утратятъ много прелести. Всякій музей похожъ на художественную казарму, а въ выставкахъ видѣнъ какой-то парадъ искусства. Да и какія музеи займутъ васъ въ Аѳинахъ, гдѣ подъ открытымъ небомъ вы встрѣчаете на каждомъ шагу великіе памятники!

Но инвалидъ-сторожъ завидѣлъ насъ издали и поспѣшно отперъ двери. Внутренность храма совсѣмъ почти уцѣлѣла, и мраморныя стѣны его блестятъ еще неувядающей свѣжестью. Музей, какъ я и полагалъ, довольно бѣденъ и не заслуживаетъ вниманія послѣ европейскихъ галерей. Весь онъ состоитъ изъ скульптурныхъ антиковъ, открытыхъ въ Греціи послѣ ея возрожденія, когда лучшіе остатки ея искусства разнесены уже были по всей Европѣ. Можетъ-быть въ ея классической почвѣ и найдутся еще какія-нибудь великія произведенія, но въ настоящее время музей незначителенъ. Смотря на поврежденныя статуи, полуразбитые торсы, барельефы съ искаженными божествами и центаврами, мавзолеи и гробницы съ полуизглаженной рѣзьбою, желтыя вазы съ черными силуэтами фавновъ и вакханокъ, чувствуешь, что это немного прибавляетъ къ тому, съ чѣмъ вы знакомы даже по Эрмитажу. Воображеніе невольно переноситъ васъ къ памятникамъ болѣе совершеннымъ, въ Британскій Музей къ барельефамъ Партенона, въ Лувръ къ пьедесталу Венеры-милосской, въ Ватиканъ къ статуѣ бельведерскаго Аполлона.

Греки жалуются, что важнѣйшіе остатки ихъ искусства разсѣяны по свѣту вдали отъ ихъ родины. Въ-самомъ-дѣлѣ греческіе памятники, съ первыхъ статуй, вывезенныхъ римлянами, до Венеры-милосской, которая подарена Франціи султаномъ, разбрелись по Европѣ, наводнили всѣ наши музеи.

Но мнѣ всегда казалось, что эта мраморная эмиграція была для Греціи полезна и много помогла ея освобожденію. Всѣ эти Морозини, похищавшіе пирейскихъ львовъ, Эльгины, вывозившіе акропольскія каріатиды, эти султаны и паши, раздававшіе европейцамъ греческія статуи, не воображали, что посылаютъ въ Европу ходатаевъ за освобожденіе Греціи. Не шайки Карайскаки, не брандеры Міаулиса, не наваринскія пушки были главными ея спасителями: она больше всего обязана свободой своему искусству. Всѣ эти языческіе боги, Юпитеры и Венеры, вакханки и фавны говорили за нее кра-

снорѣчивѣе ораторовъ, молились усерднѣе аѳонскихъ отшельниковъ. Античныя статуи нашихъ музеевъ проповѣдывали за Грецію во всей Европѣ За нее ватиканскій Аполлонъ простиралъ руку, поразившую пиѳона; за нее вѣчнымъ упрекомъ стоялъ Лаокоонъ, опутанный змѣями; за нее медицейская Венера молила дѣвственной наготой божественныхъ формъ, и во всѣхъ европейскихъ галереяхъ говорила красота въ самыхъ очаровательныхъ созданіяхъ искусства. Конечно, греки храбро дрались за свою свободу, но и теперь, какъ подъ стѣнами Трои, за нихъ сражался невидимо весь Олимпъ, возбуждая къ нимъ общую симпатію. Какъ нѣкогда Петръ-пустынникъ призывалъ къ освобожденію Святой-земли, — и Европа шла бороться за нее съ исламомъ; такъ и теперь мраморные боги проповѣдывали новый крестовый походъ противъ тѣхъ-же варваровъ за святую землю искусства, — и новые Готфреды, эти Байроны, Фавье, Кохрены, Санта-Розы приносили золото, талантъ и шпагу на освожденіе Греціи.

И кто знаетъ: можетъ-быть это не послѣднее торжество искусства. Тамъ, за этой полосой голубаго моря, ждетъ свободы другая прекрасная страна, другая mother of arts, по выраженію Байрона. За нее такъ-же краснорѣчиво говорятъ рафаэлева Мадонна и сикстинскій Страшный Судъ, Колизей и подземные домы Помпеи, храмъ Петра и дворецъ дожей. И къ этому голосу не всегда будутъ равнодушны. Австрійскій орелъ не долговѣчнѣе турецкой луны. Кто былъ въ Италіи, тотъ вѣрно убѣдился, что бѣлый мундиръ рано или поздно исчезнетъ въ ней, какъ въ Греціи янычарская чалма, отъ миланскихъ казармъ не останется слѣдовъ, какъ отъ аѳинскихъ мечетей, и швейцарскіе солдаты въ Неаполѣ кончатъ тѣмъ-же, чѣмъ кончили въ Мореѣ египетскія толпы Ибрагима.

Солнце скрывалось въ золотистомъ заревѣ на дальнихъ вершинахъ Пентелики. Мы прошли мимо Акрополя въ улицу Байрона, къ маленькому памятнику, извѣстному подъ именемъ

Демосѳенова-фонаря. Въ-самомъ-дѣлѣ эта игрушка похожа на круглый фонарь, вырубленный изъ бѣлаго мрамора, въ которомъ тонкія желобчатыя колонны поддерживаютъ куполъ съ рѣзнымъ карнизомъ, увѣнчанный сиопомъ коринѳскихъ акантовъ. Не далеко отъ него росла, говорятъ, большая пальма, подъ которой Байронъ любилъ бесѣдовать съ филеллинами, но недавно она засохла. Съ правой стороны отъ насъ подымалась скала Акрополя, съ полуразрушенными арками театра Ирода-Агриппы; налѣво тянулась ближняя стѣна Гиметскихъ-горъ, въ которой виднѣлось вырубленное амфитеатромъ углубленіе Стадеона, гдѣ въ древности бывали аѳинскія игры, а ближе вставала на темномъ фонѣ горъ бѣломраморная арка Адріана, и за нею группа колоннъ Юпитера-олимпійскаго. Все это догорало послѣднимъ отблескомъ заката.

Не смотря на то, что Адріановы-ворота стоятъ посреди голаго поля, я прошелъ подъ ними съ извинительнымъ педантизмомъ туриста. Здѣсь можно убѣдиться, что и при римлянахъ тайна греческаго искусства не была еще забыта: арка построена не прямо передъ храмомъ, а обращена къ одному углу его, какъ и Пропилеп въ отношеніи къ Партенону.

Помню, когда я по Симплонской-дорогѣ подъѣзжалъ къ Альпамъ, онѣ сначала показались мнѣ совсѣмъ не высокими и нимало не поразили той колоссальностью, въ какой мы привыкли представлять ихъ. Мнѣ было обидно и горько. Кто виноватъ въ этомъ: я-ли не въ состояніи ихъ понимать, или путешественники обманываютъ насъ преувеличенными разсказами! Но когда отъ Бриги сталъ я подниматься пѣшкомъ, на половину по шоссе, на половину по старой до-наполеоновской дорогѣ, и черезъ три часа увидѣлъ съ одной стороны покинутый городокъ въ видѣ бѣлаго пятнышка, а съ другой новыя стѣны высоко взлетающихъ вершинъ, съ которыхъ сверкающими серебряными ниточками висѣли водопады, — тутъ я понялъ, что величіе Альповъ превосходитъ

самыя восторженныя описанія. И это общій законъ для всего великаго въ природѣ и въ искусствѣ: ни Монбланъ, ни драма Шекспира—не поражаютъ вдругъ; но подойдите ближе, если можете, и все падетъ передъ ихъ громадностью. Тоже самое было и здѣсь. Когда я прошелъ подъ арку, бѣлѣвшія въ правой сторонѣ колонны Юпитерова-храма ничѣмъ не поразили меня особенно. Но по-мѣрѣ-того, какъ мы переходили поле, онѣ начали подыматься, рости и наконецъ встали передъ нами въ такой красотѣ и колоссальности, что я остановился въ невольномъ удивленіи.

Трудно представить развалины болѣе громадныя. Впереди стоятъ двѣ колонны и у подножія ихъ падшимъ гигантомъ лежитъ третья, опрокинутая нѣсколько лѣтъ назадъ землетрясеніемъ. Дальше, черезъ большой промежутокъ, поднимаются тринадцать другихъ колоннъ, поддерживая архитравъ, густо обросшій зеленью. И каждый изъ этихъ стержней, съ широкими желобчатыми выемками и коринѳскими капителями, съ одной стороны потемнѣвшій отъ времени, съ другой позолоченный солнцемъ, величиною почти въ нашу Александровскую-колонну. Что-же было, когда всѣ сто-двадцать исполиновъ окружали величайшій на свѣтѣ храмъ съ его колоссальной статуей Юпитера-громовержца, изваянной изъ слоновой кости и золота! Что значатъ всѣ наши позднѣйшіе соборы и базилики передъ этимъ колоссомъ, который и въ ту чудную эпоху искусства считался однимъ изъ чудесъ свѣта! Но этотъ храмъ строили Аѳины въ продолженіи всѣхъ семи вѣковъ своей жизни. Съ перваго камня, положеннаго баснословнымъ Девкаліономъ, до окончательной отдѣлки при императорѣ Адріанѣ—передъ стѣнами храма прошла вся исторія Греціи и отразила на немъ весь геній и страданія великаго народа. Подъ этимъ портикомъ стоялъ въ в сторгѣ Александръ македонскій, сюда вошелъ Сулла съ толпою своихъ преторіанцевъ, въ этотъ перистиль вступилъ Адріанъ, снявъ у входа свои императорскія сандаліи. И восемнадцать вѣковъ, съ помощью землетрясеній и вся-

кихъ варваровъ, оставили отъ колоссальнаго храма одну только колоссальную развалину.

Но нельзя и теперь не восхищаться этими остатками. Двѣ одинокія колонны стоятъ такъ далеко отъ остальной группы, что воображеніе съ трудомъ соединяетъ ихъ въ одно зданіе. Онѣ кажутся отдѣльной постройкой, какъ-будто особой аркой, которая служила для храма отдаленнымъ входомъ. Когда перейдешь къ главной группѣ съ уцѣлѣвшимъ архитравомъ, и мысленно продолжишь зданіе до этихъ далекихъ колоннъ, то невольно вздрогнешь при воображаемой картинѣ былаго величія храма, и сердце болѣзненно сожмется при мысли, что человѣчество никогда не создавало и вѣроятно не создастъ больше такого идеала красоты. Храмъ Юпитера нельзя и реставрировать: можетъ-быть когда-нибудь поднимутъ упавшую колонну, поставятъ на мѣсто кое-какіе разбросанные вокругъ обломки — но все остальное разбито, уничтожено, потеряно на вѣки. Я не знаю другого памятника искусства, болѣе способнаго вызвать удивленіе и слезы артиста.

Мы сѣли на какой-то мраморный обломокъ. Ночь подходила съ обыкновенной на югѣ быстротою. Тѣнь замѣтно подымалась по колоннамъ храма, отъ основанія къ капителямъ, и скоро окутала весь архитравъ. На высотѣ Акрополя бѣлѣлъ еще Партенонъ въ послѣднемъ отблескѣ потухшей зари, но Гиметскія-горы изъ синяго цвѣта переливались уже въ черный, и на небѣ начинали сверкать знакомыя созвѣздія. Въ разговорахъ съ моимъ товарищемъ я не замѣчалъ, какъ проходило время: его знанія въ греческихъ древностяхъ и мастерское умѣнье показать всю поэтическую сторону ихъ увлекли-бы человѣка самаго равнодушнаго. Между-тѣмъ самое мѣсто придавало особую прелесть его бесѣдѣ. Надъ нами чернѣлъ громадный силуэтъ храма, темными гигантами поднимались его колонны, и архитравъ въ неясномъ очеркѣ висѣлъ въ далекой высотѣ: сквозь него виднѣлись звѣзды, трепеща и сверкая, какъ-будто вѣтеръ силился погасить ихъ.

Вдали на берегу Иллиса, въ какомъ-то деревенскомъ домикѣ свѣтился одинокій огонекъ. Кругомъ не слыхать было ни одного звука; только летучая мышь едва замѣтно шумѣла крыльями, описывая надъ нами свои трепетные, мистическіе круги.

Мы воротились въ городъ за полночь. При свѣтѣ звѣздъ шли мы по темнымъ улицамъ, пробираясь между спящими людьми, которые на буркахъ и даже на тюфякахъ расположились на ночлегъ у домовъ, подъ свѣжимъ пологомъ аттическаго неба. Какой-то бродячій огонекъ мелькалъ передъ моей гостинницей, какъ путеводная звѣзда. Когда мы подошли, оказалось, что это былъ фонарь, и съ нимъ какой-то человѣкъ, въ костюмѣ близкомъ къ наготѣ, бродилъ около дома. Я узналъ старика, который служилъ чѣмъ-то въ родѣ привратника при Ville de Paris.

— Кого ты тутъ ищешь? — спросили мы.

— Человѣка! — отвѣчалъ нашъ Діогенъ.

Мы невольно расхохотались.

— Какого человѣка?

— Петра, повара. Вѣрно онъ спать ушелъ, а хозяинъ его спрашиваетъ.

И старикъ опять принялся бродить около дома, отыскивая русскаго человѣка, который въ-самомъ-дѣлѣ не хуже грека любитъ завалиться гдѣ-нибудь на свѣжемъ воздухѣ.

VIII.

Новый городъ.

Въ настоящее время Аѳины похожи на старую реликвію, не совсѣмъ удачно вставленную въ новую раму. Великіе памятники старины деспотически привлекаютъ здѣсь путешественника, въ ущербъ новой жизни. Древность неотразимо тяготѣетъ здѣсь надъ современностью, и прошедшее своей тѣнью заслоняетъ отъ васъ настоящее. Пріѣзжему надобно до-сыта налюбоваться остатками старины, чтобы наконецъ взглянуть изъ-за нихъ на новый городъ и всмотрѣться въ современные нравы.

Обращаясь къ настоящей жизни Греціи, прежде всего замѣчаешь, какъ неудачно мѣстомъ ея столицы выбраны Аѳины. Съ перваго взгляда понятно, что это — памятникъ старины, великій музей античныхъ святынь, а не средоточіе молодой дѣятельности воскресающей націи. При единствѣ королевства сама природа указала на Коринѳъ, какъ на сердце новаго государства. Еслибы столица была среди перешейка, на четверть часа ѣзды отъ двухъ морей, — она опиралась-бы, какъ родосскій колоссъ, на два порта и служила средоточіемъ пути изъ Мореи въ Ѳессалію и изъ Италіи въ Константинополь. Стоило построить желѣзную дорогу отъ Лу-

тракъ до Каламаки и прорыть каналъ между двумя гаванями, въ возможности котораго не сомнѣвались еще при Неронѣ, — и Коринѳъ скоро выросъ-бы до значенія одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ Европѣ.

Но судьба и личная прихоть не въ первый разъ уже играютъ слѣпо народнымъ благомъ, бросая столицы на безплодный берегъ какого-нибудь Мансанареса или въ болотистыя топи невскихъ прибрежій. Такъ было и съ Греціей. Баварскій король, строитель кирпичныхъ Глиптотекъ и Пинакотекъ, довольный тѣмъ, что филистеры величали его Мюнхенъ «новыми Аѳинами», хотѣлъ непремѣнно, чтобъ сынъ его царствовалъ въ настоящихъ, старыхъ Аѳинахъ. И благодаря нѣмецкой любви къ греческимъ древностямъ, народныя выгоды были умышленно забыты, и столица молодаго королевства перенесена къ акропольской скалѣ, во имя одной тридцати-вѣковой ея славы и въ доказательство, что нѣмецкіе принцы воспитываются на религіозномъ уваженіи къ эллинскому искусству.

Видно, поэтическая баварская династія не такъ мѣщански воспитана, чтобъ предпочитать какіе-нибудь политическіе виды и коммерческіе разсчеты удовольствію жить у подножія Партенона. И могутъ-ли роптать на это потомки классическихъ эллиновъ! Если отъ выбора столицы пострадала торговля, остановилась промышленность, заброшены дороги, — зато аѳинская палата собирается теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ жили Демосѳенъ и Периклъ, университетъ стоитъ недалеко отъ платоновой академіи, а новый ареопагъ разбираетъ вексельные процессы и поземельныя тяжбы въ виду холма, гдѣ въ древности засѣдали архонты. Вѣдь это не бездѣлица! Баварская династія потому, вѣроятно, и предпочла развалины фабрикамъ, обломки статуй машинамъ и станкамъ, что желала управлять не торговцами и промышленниками, а одними благородными артистами, которые слушали курсы археологіи въ мюнхенскомъ университетѣ. А говорятъ еще, что въ нашемъ положительномъ вѣкѣ перевелись романтики!

Во всѣхъ капитальныхъ постройкахъ новаго города замѣтно желаніе копировать древности. Но тутъ современность сильно уже пробивается сквозь античныя формы. Дворецъ короля Оттона, на концѣ улицы Гермеса, самое видное и самое неудачное зданіе во всѣхъ новыхъ Аѳинахъ. Его задумали въ древнемъ греческомъ стилѣ, а вышло что-то похожее на казарму или фабрику. Бѣдность передняго фасада замаскирована бѣлымъ мраморнымъ перистилемъ; но отнимите его, — и вы подумаете, что передъ вами какая-нибудь бумагопрядильная мануфактура. Лѣвая сторона, еслибы тутъ и не было гауптвахты, съ перваго взгляда напомнила-бы вамъ казармы. Одинъ только правый фасадъ, примыкающій къ саду и одѣтый во всю длину колоннадой изъ пентеликскаго мрамора, не оскорбляетъ глазъ. Странно, что строители мюнхенскихъ Глиптотекъ не могли придумать ничего лучше, въ виду величайшихъ памятниковъ архитектуры. Видно, на нѣмецкую фантазію не дѣйствуетъ аттическое небо!

Но дворцовый садъ выкупаетъ зданіе. Въ немъ два отдѣленія. Передъ главнымъ фасадомъ большой квадратъ обнесенъ живой оградой высокихъ кактусовъ, которыхъ зеленые побѣги унизаны большими желтыми цвѣтами, а изъ-за нихъ поднимается новая ограда изъ кустовъ цвѣтущихъ олеандровъ. За этой золотисто-розовой бахромой видны аллеи кипарисовъ, а между ними высокія пальмы раскидываютъ зеленые пуки колоссальныхъ перьевъ. Другой садъ примыкаетъ къ боковому фасаду дворца и тянется почти до Иллиса. Это единственное дитя королевы Амаліи, которая по словамъ грековъ посвящаетъ ему всѣ царственные труды, воспитывая его потомству въ качествѣ своего наслѣдника. Въ-самомъ-дѣлѣ садъ очень-хорошъ. Онъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ. Дорогая въ здѣшнемъ климатѣ тѣнь добыта большими трудами и большими деньгами. И зато какая растительность! Подъ открытымъ небомъ видишь тепличныя деревья и цвѣты: такъ и кажется, что гуляешь въ оранжереѣ. Померанцовая роща вся въ плодахъ, и они горятъ на соли-

нѣ, точно фонарики, развѣшенные для иллюминаціи. Посреди ярко-зеленаго газона, обсаженнаго цвѣтами, стоитъ группа большихъ финиковыхъ пальмъ; за шпалерами изъ розъ и жасминовъ подымаются фиговыя и миндальныя деревья, у которыхъ стволы густо обвиты виноградомъ. Говорятъ, одна поливка травы стоитъ въ годъ десять-тысячъ драхмъ. Не даромъ королева ревнуетъ своего питомца и не позволяетъ гулять въ немъ.

Послѣ королевскаго дворца, самыя замѣчательныя зданія въ городѣ — университетъ, новый, еще неоконченный соборъ и русская церковь. Во всѣхъ видѣнъ пентеликскій мраморъ, вліяніе древняго вкуса и трудность примѣнить его къ современной архитектурѣ. Замѣтно, что образцы искусства, завѣщанные намъ вѣкомъ Перикла, до-сихъ-поръ остаются тайною: стараясь подойти къ древней простотѣ, мы невольно переходимъ въ сухость, а мечтая объ античныхъ украшеніяхъ, впадаемъ въ изысканность. Впрочемъ, перистиль университетскаго зданія, размѣры и куполъ новаго собора и мраморные орнаменты русской церкви не лишены вкуса.

Прямыя улицы и въ линію построенные дома придаютъ Аѳинамъ видъ новаго европейскаго города, а зеленыя рѣшетки въ окнахъ и полосатые маркизы напоминаютъ Италію. Не смотря на то, вы видите на каждомъ шагу, какъ славные отголоски древности и воспоминанія послѣдней борьбы сталкиваются съ современной жизнью. Улицы Минервы и Ксенофонта пересѣкаются здѣсь улицами Колокотрони, Байрона. Подлѣ мраморной стѣны Адріана видна турецкая мечеть, обращенная въ тюрьму; на мѣстѣ платоновой академіи маршируютъ регулярные солдаты и гремитъ барабанъ. Французская цивилизація начинаетъ уже сильно нивеллировать аѳинское населеніе своими отелями, вывѣсками и модами, но городъ не совсѣмъ еще потерялъ самобытную физіономію. Аѳинская улица все еще довольно-характерна. По ней двигаются охимы, совершенно похожія на наши кареты, но кучера у нихъ въ бѣлой фустанеллѣ и аломъ фесѣ. Въ эки-

пажахъ встрѣчаете вы дамъ во французскихъ шляпкахъ и мантильяхъ, но въ окнахъ домовъ и на улицахъ часто видите женщинъ въ національной красной шапочкѣ съ золотой кистью. Модное пальто и круглая шляпа проникаютъ уже въ средній классъ, но простой народъ остается еще вѣренъ своему національному костюму. По улицѣ бредутъ ослы съ привѣшенными къ бокамъ корзинами зелени или огромными кувшинами съ молокомъ и свѣжей водой, и погонщикъ въ фустанеллѣ или черныхъ коленкоровыхъ шальварахъ бѣжитъ позади, погоняя скотину своими четками. На вывѣскахъ славныя имена древности сталкиваются съ предметами самаго обыденнаго быта: тутъ Ѳемистоклъ работаетъ башмаки, здѣсь Эпаминондъ печетъ бѣлые хлѣбы, а тамъ Анаксагоръ подписалъ свое имя подъ большими золочеными ножницами. Въ одной улицѣ я встрѣтилъ табачную лавку какого-то Діогена.

Базаръ, примыкающій къ коринѳскій колоннадѣ стараго римскаго рынка, до поздней ночи пестрѣетъ самой живописной толпою. На разостланныхъ по землѣ цыновкахъ навалены груды арбузовъ, фигъ, гранатъ, мелиндзановъ, свѣжей коринки. На большихъ прилавкахъ стоятъ кадки съ оливами, корзины со всякой зеленью, блюда съ жареной рыбою. Продавцы и торговки, въ своемъ національномъ костюмѣ, шумятъ и кричатъ оглушительно-звонкими голосами. Господинъ въ пальто, какой-нибудь судья, купецъ или профессоръ, съ холстиннымъ мѣшкомъ въ рукѣ, торгуетъ баранину; попъ въ истрепанныхъ до дыръ башмакахъ покупаетъ какую-то круглую золотистую рыбу. Толпы работниковъ, слугъ, носильщиковъ сидятъ, поджавъ ноги, на землѣ и обѣдаютъ своими черными оливами. Въ одномъ углу пріютился у столика мѣняла, благоразумно прикрывъ червонцы запертою на замокъ проволочной сѣткой; въ другомъ слѣпой нищій, живописно драпируясь изорванной курткой, въ молодецки надѣтой полинялой фескѣ, выставляетъ свои незрячіе бѣлые глаза, похожіе на мраморный взглядъ статуи. И въ густомъ гулѣ

неумолкающаго говора и брани на тысячу тоновъ звучатъ безпрестанно слова *драхма* и *лепта*, такъ-же постоянныя, какъ вѣчный крикъ лондонскій: сиксъ пенсъ!

Ничто такъ не поражало меня въ аѳинскихъ грекахъ, какъ это врожденное чувство изящнаго, которое замѣчаешь во всемъ — въ манерахъ, въ походкѣ, въ костюмѣ. Я не могъ налюбоваться пожилымъ грекомъ, который всякое утро приходилъ зачѣмъ-то въ домъ, напротивъ нашей гостинницы. Это былъ человѣкъ не высокій, но стройный, съ удивительнымъ величіемъ и непринужденностью въ каждомъ движеніи и поворотѣ. Алый фесъ его съ голубой кистью прикрывалъ черные волосы, распущенные кудрями по плечамъ. Малиновая пегли или куртка, вся вышитая золотымъ снуркомъ, стягивала тонкую талію; бѣлая фустанелла опускалась до колѣнъ въ безчисленныхъ складкахъ; на поясѣ висѣлъ длинный пистолетъ, оправленный камнями, а на плеча накинутъ былъ бѣлый мохматый плащъ, обшитый по швамъ красной тесьмою. И такіе люди попадаются и на улицѣ, и въ кофейняхъ. Нерѣдко встрѣчаешь какого-нибудь оборванца, у котораго заплатанныя лохмотья надѣты съ необыкновенной граціей.

Ни въ одномъ городѣ я не видалъ столько поцѣлуевъ на улицѣ, какъ въ Аѳинахъ. Не думайте, чтобъ я намекалъ на какія-нибудь сердечныя свиданія: я говорю про обычай грековъ обниматься при каждой встрѣчѣ. Поцѣлуи, особенно у простаго народа, замѣняютъ здѣсь наши поклоны и пожиманья руки. Мнѣ часто казалось, что я попалъ въ русскій уѣздный городъ въ первый день святой-недѣли, и передо мною христосуются близкіе знакомые. Каждое утро молодой водовозъ, пригоняя къ воротамъ нашей гостинницы осла, обвѣшеннаго огромными глиняными флягами, начиналъ обыкновенно поцѣлуемъ съ сѣдымъ привратникомъ. Однажды я видѣлъ даже, какъ на гауптвахтѣ часовой разцѣловался съ солдатомъ, котораго привели ему на смѣну.

Въ Аѳинахъ между всѣми классами народа сильно раз-

виты привѣтливость и гостепріимство. Когда я привозилъ рекомендательное письмо, меня принимали съ участіемъ, приглашали на обѣдъ или на вечеръ, предлагали услуги и новыя рекомендаціи. Даже въ кругу совершенно незнакомомъ стоило сказать, что я пріѣхалъ посмотрѣть Грецію — и посторонніе люди спѣшили помочь мнѣ совѣтами и вызывались на услуги. Нѣтъ націи, въ которой можно было-бы найти столько симпатіи къ русскимъ. Это объясняютъ у насъ единствомъ вѣры, но кажется несправедливо: причина въ самомъ сходствѣ народнаго характера и обычаевъ. Въ двѣ недѣли мудрено, конечно, познакомиться съ чужими нравами, но многія черты съ перваго взгляда поражали меня сходствомъ съ нашею жизнью. Скорѣе можетъ-быть вѣру русскіе приняли отъ грековъ въ слѣдствіе родственности народнаго характера. Послѣдняя война поколебала, но не заглушила любовь къ Россіи и вѣру въ наши силы. Не разъ случалось мнѣ слышать жалобы на то, что мы начали борьбу, не приготовя ни дорогъ, ни паровыхъ кораблей, ни союзниковъ. Но еще чаще говорили мнѣ въ Аѳинахъ: «когда вы проведете желѣзныя дороги, освободите крестьянъ и дадите больше простора образованію, — вы будете первый народъ въ свѣтѣ!»

Вмѣстѣ съ симпатіей къ Россіи, здѣсь кидается въ глаза нескрываемая вражда къ Англіи. Она доходитъ въ Аѳинахъ до какого-то страннаго ослѣпленія. Греки, во всемъ другомъ немножко скрытные и недовѣрчивые, становятся наивными дѣтьми, какъ-скоро рѣчь заходитъ о покровительницѣ Іоническихъ-острововъ. На этой статьѣ ихъ легко даже мистифировать. Скажите въ кружкѣ грековъ, что Англія завидуетъ торговлѣ Сиры и затѣяла восточную войну только для-того, чтобы подорвать ее, скажите, что Бонапартъ овладѣлъ престоломъ съ единственной цѣлью освободить Грецію отъ англійскаго вліянія; — и всегда найдутся люди, которые повѣрятъ этому и съ торжествомъ будутъ разсказывать другимъ.

Самая любовь къ родинѣ и патріотизмъ доходятъ у аѳинскихъ грековъ до увлеченія, иногда трогательнаго, иногда комическаго. Никто такъ неспособенъ, какъ грекъ, пожертвовать отечеству жизнью и состояніемъ, и никто не доводитъ вѣры въ свою націю до такой смѣшной наивности. Грекъ любитъ свою родину той слѣпой любовью, которая не подчиняется уже разсудку. Мнѣ случалось слышать отъ людей довольно-образованныхъ такія политическія предположенія, которыя рѣшительно ставили меня въ тупикъ. Вся европейская политика отражается въ Аѳинахъ подъ угломъ, совершенно недоступнымъ обыкновенному взгляду. Послушать грековъ — такъ вся Европа день и ночь занята одними только греческими дѣлами: Англія заняла Мальту и Гибральтаръ изъ опасенія Греціи, Пальмерстонъ мѣшаетъ прорытію Суэцкаго-канала, боясь чтобы греческій флотъ не проникъ въ Индію, Франція покоряетъ Алжиръ и усиливаетъ флотъ изъ страха къ возрастающимъ силамъ Греціи; въ восточной войнѣ и въ индѣйскомъ возстаніи — вездѣ тайная пружина одна Греція.

— Видѣли вы въ Англіи пароходъ Левіаѳанъ?—спросилъ меня студентъ, съ которымъ мы ходили на Пниксъ.

— Видѣлъ, только не отдѣланный.

— И мы скоро увидимъ.

— А вы собираетесь въ Англію? — спросилъ я.

— Нѣтъ. Да развѣ вы не знаете, съ какой цѣлью строится этотъ великанъ? Вотъ увидите, что вмѣсто Австраліи онъ пожалуетъ въ Пирей, чтобы опять остановить нашу торговлю изъ-за какого-нибудь жида.

IX.

Университетъ. — Арсакеонъ.

Ни въ чемъ новая Греція не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ народномъ образованіи. Просвѣщеніе, задавленное турецкимъ рабствомъ, какъ-будто таилось въ ея классической почвѣ, и съ первыхъ минутъ освобожденія пустило новые побѣги по всему краю. Образованіе было первой потребностью воскресшей націи. Еще поля Греціи дымились кровью, на мѣстѣ вырубленныхъ оливковыхъ рощъ виднѣлись палатки египетскихъ солдатъ, въ рядахъ грековъ не прекращались междоусобія, а правительство издавало уже декреты объ открытіи школъ, и люди, не умѣвшіе подписать своего имени, громко требовали основанія лицеевъ и академій. У правительства не было денегъ,—и со всѣхъ сторонъ полились приношенія въ пользу науки: изъ Лондона, Петербурга, Вѣны, греки присылали большія суммы на основаніе университета, института, академіи наукъ. И пожертвованія доходили иногда до самоотверженія: братья Ратацци, напримѣръ, дали обѣщаніе не жениться, чтобы по смерти оставить свое состояніе въ пользу учебныхъ заведеній.

При такомъ стремленіи къ образованію, Греція въ тридцать лѣтъ сдѣлала большой шагъ въ просвѣщеніи. Въ на-

стоящее время, кромѣ университета, въ Греціи есть военная и политехническая школа, высшее нормальное училище, земледѣльческая школа, семинарія, арсакіевскій институтъ для образованія гувернантокъ, институтъ королевы Амаліи, семь лицеевъ, сто-семьдесятъ-девять общихъ эллинскихъ училищъ и триста-шестьдесятъ-девять первоначальныхъ школъ. И большая часть этихъ заведеній основана и поддерживается на счетъ однихъ частныхъ приношеній. Конечно, это далеко еще отъ какихъ-нибудь Американскихъ-Штатовъ, но вѣдь и вся Греція-то меньше нашей Саратовской губерніи.

Аѳинскій университетъ растетъ съ каждымъ годомъ. Если когда-нибудь наружность зданія располагаетъ въ пользу самого заведенія, то университетъ съ перваго взгляда оставляетъ впечатлѣніе очень-пріятное. Это лучшее зданіе во всѣхъ Аѳинахъ. Онъ построенъ изъ бѣлаго гиметскаго камня и блеститъ на солнцѣ, подобно Миланскому-собору. Хорошъ въ Греціи мраморъ древнихъ зданій, темно-золотистый отъ солнца, но не меньше привлекательны и новыя мраморныя постройки, всѣ ярко-бѣлыя и дѣвственно-чистыя. Мраморъ горитъ здѣсь на солнцѣ такъ-же ослѣпительно, какъ иногда у насъ въ полѣ чистый, только-что выпавшій снѣгъ при яркомъ полуденномъ свѣтѣ. Зданіе университета построено въ древнемъ греческомъ стилѣ. Къ переднему фасаду примыкаетъ прекрасная галерея, съ бѣлыми какъ сахаръ мраморными колоннами. Я ѣздилъ въ университетъ съ ректоромъ Асопіосомъ.

Мы вошли въ обширную переднюю. Прямо подымается великолѣпная лѣстница, а по сторонамъ входы въ нижній этажъ, гдѣ помѣщается канцелярія, зала совѣта и многочисленныя аудиторіи. Мнѣ не нравится роскошь учебныхъ комнатъ: она всегда почти служитъ признакомъ незрѣлости просвѣщенія. Гдѣ наука не пустила еще корней, тамъ обыкновенно обращаютъ вниманіе на однѣ ненужности — паркетные полы, лакированныя скамейки, орѣховые шкапы, роскошныя изданія, которыхъ никому не даютъ въ руки. Настоящая

наука не любитъ безполезнаго. Я помню аудиторію Мишелѐ въ берлинскомъ университетѣ. Въ небольшой комнатѣ съ голыми стѣнами стоятъ простые деревянные столы и скамейки, а противъ нихъ простая черная каѳедра и за нею черная доска. Вотъ и все убранство аудиторіи, гдѣ читали Фихте и Гегель! Но если въ аѳинскомъ университетѣ вездѣ видѣнъ мраморъ, то это не изъ любви къ роскоши, а оттого, что онъ стоитъ здѣсь недороже простаго камня.

По мраморной лѣстницѣ поднялись мы въ верхній этажъ, и вышли на открытую галерею съ балюстрадой, которая обставлена вазами съ цвѣтущими пунсовыми кактусами. Это ходъ въ библіотеку. Мы вошли сперва въ залу для чтенія. Прямо противъ дверей стоитъ мраморный бюстъ Платона, обвитый свѣжимъ зеленымъ плющемъ. По сторонамъ бюсты короля Оттона и королевы Амаліи. По стѣнамъ развѣшены портреты главныхъ героевъ войны за независимость — Колокотрони, Боцариса, Карайскаки, Маврокордато. Не смотря на знойный день, здѣсь было прохладно, какъ въ итальянскихъ базиликахъ. Человѣкъ двадцать молодыхъ людей читали, дѣлали выписки, — и мраморный взглядъ Платона, полный думы и кротости, казалось обращенъ былъ съ любовью на молодое поколѣніе возрождающейся Греціи.

По другую сторону галереи тянется рядъ комнатъ, уставленныхъ шкапами съ книгами. Аѳинская университетская библіотека обязана всѣмъ основателю и директору своему Типальдосу. Нѣсколько лѣтъ онъ неутомимо собиралъ книги, почти безъ денежныхъ средствъ, во имя одной любви и симпатіи къ Греціи, писалъ письма въ Германію, Францію, Россію и не разъ путешествовалъ для обогащенія библіотеки.

Какъ Петръ-пустынникъ являлся онъ при дворахъ королей, въ европейскихъ университетахъ и ученыхъ обществахъ, — и на голосъ его тысячи книгъ покидали шкапы библіотекъ и книжныхъ лавокъ и плыли въ Грецію на пользу наукъ и истребленіе невѣжества. Теперь въ университетской библіотекѣ больше семидесяти-тысячъ томовъ. Съ перваго взгляда

видно, что она всѣмъ обязана западной Европѣ: книги въ ней большею частію итальянскія, нѣмецкія и французскія. На русскомъ языкѣ я ничего не нашелъ, кромѣ журнала министерства Народнаго Просвѣщенія да разрозненныхъ словарей. Между-тѣмъ профессора говорили мнѣ, что въ университетѣ всегда есть студенты, которые учатся по-русски, и Типальдосъ не разъ писалъ въ Петербургъ и просилъ прислать нашихъ классиковъ. А между-тѣмъ при всякой войнѣ съ турками мы кричали, что идемъ проливать кровь за Грецію!

Физическій кабинетъ и музей естественной исторіи очень бѣдны: въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ инструментовъ, да нѣсколькихъ десятковъ засушенныхъ птицъ и ящерицъ. Университетская обсерваторія стоитъ на другомъ концѣ города, недалеко отъ Тезеева-храма: она не столько богата астрономическими снарядами, какъ прекрасными видами на городъ и окрестности.

Аѳинскій университетъ открытъ для всѣхъ званій и безъ всякой платы. Это объясняется общимъ стремленіемъ къ образованію и богатыми пожертвованіями частныхъ людей. И едва-ли можно встрѣтить гдѣ-нибудь въ молодежи такую любовь къ ученью. Здѣсь водятся всякаго рода студенты — даровитые и бездарные, богатые и почти нищіе; но тутъ нѣтъ, говорятъ, студента, который-бы ничего не дѣлалъ. Того извѣстнаго типа молодаго человѣка, который надѣваетъ студентскій сюртукъ для того, чтобъ блистать въ кондитерскихъ и театрахъ, въ Аѳинахъ не существуетъ. Говорятъ, что страсть къ ученью здѣсь не безкорыстна, и всякій мальчикъ, посѣщая школу, мечтаетъ уже о дипломѣ, который долженъ обезпечить ему положеніе въ жизни. Но развѣ это не извинительно? Едва только открылся университетъ, молодые люди начали сходиться въ него со всѣхъ концовъ Греціи. Были случаи, что иной приходилъ въ городъ съ нѣсколькими драхмами въ карманѣ и опредѣлялся слугою или мальчикомъ въ какой-нибудь магазинъ, требуя за свои труды только кусокъ хлѣба да три часа въ день для посѣщенія

лекцій. Французскій путешественникъ разсказываетъ, какъ одинъ молодой человѣкъ нанялся такимъ-образомъ въ кофейню, вставалъ съ зарей, мелъ комнаты, убиралъ посуду, приготовлялъ кофе, потомъ убѣгалъ на лекціи, а вечеромъ снова набивалъ трубки и послѣ-того просиживалъ часть ночи за приготовленіемъ уроковъ. И вотъ черезъ три года, въ одно прекрасное утро, уставляя чашки и вытирая чубуки, обращается онъ къ своему патрону:

— Довольны вы мною, хозяинъ?

— Доволенъ, Петро.

— Такъ вы позволите мнѣ служить вамъ и впередъ?

— Конечно.

— Только ужъ не при кофейнѣ...

— А какъ-же?

— Докторомъ... я вчера кончилъ экзаменъ и на дняхъ получу дипломъ.

Послѣ университета самое замѣчательное учебное заведеніе въ Аѳинахъ — женскій институтъ Арсакеонъ, названный такъ по имени одного богатаго грека Арсаки, который пожертвовалъ капиталъ на открытіе заведенія. Я ѣздилъ смотрѣть его съ профессоромъ университета Контогони, который принадлежитъ къ числу членовъ совѣта, управляющаго институтомъ. Мы пріѣхали къ довольно-обширному зданію, построенному въ видѣ четыреугольника, съ прекраснымъ дворикомъ посерединѣ, обведеннымъ галереей. Широкая лѣстница ведетъ въ пріемную залу, гдѣ прямо передъ входомъ стоитъ бюстъ основателя института. Профессоръ представилъ меня начальницѣ, и она предложила мнѣ осмотрѣть заведеніе. Налѣво отъ пріемной расположена рекреаціонная зала, классы и дортуары; правая половина занята комнатами начальницы и дамъ, а въ заднемъ корпусѣ помѣщается церковь. Она проста и изящна: стѣны и полъ изъ ослѣпительно-свѣжаго мрамора, а въ алтарѣ видно превосходное распятіе Доменикино, присланное въ подарокъ изъ Италіи.

Арсакеонъ управляется совѣтомъ, который состоитъ изъ

профессоровъ университета и почетныхъ городскихъ жителей. Въ институтѣ бываетъ ежегодно отъ 100 до 120 пансіонерокъ и отъ 250 до 300 экстернъ. Пансіонерки содержатся на постоянные фонды заведенія, или на вновь-поступающія пожертвованія. Приходящія платятъ за ученье по восьми драхмъ въ мѣсяцъ (1 руб. 80 коп. сереб.). По окончаніи курса штатныя воспитанницы опредѣляются учительницами въ провинціяльныя школы или поступаютъ гувернантками въ семейства въ Греціи, на Іоническихъ-островахъ и въ Левантѣ. Заведеніе давно уже пользуется извѣстностью и за предѣлами королевства. Начальница говорила мнѣ, что въ институтѣ, за долго еще до выпуска, получаются приглашенія изъ Смирны, Константинополя и даже отъ греческихъ семействъ изъ Италіи и Англіи. Вліяніе этого заведенія очень важно для Греціи: Арсакеонъ одно изъ тѣхъ разлагающихъ средствъ, которыя медленно, но вѣрно ускоряютъ разрушеніе Турціи.

Свободный доступъ въ аонискій институтъ вызвалъ такое-же горячее сочувствіе, какъ и университетъ. Незначительность платы дала возможность самымъ недостаточнымъ людямъ опредѣлять дочерей въ заведеніе, которое даетъ образованіе, а нерѣдко и карьеру. Большая часть приходящихъ воспитанницъ принадлежитъ къ бѣднѣйшему классу городскихъ жителей. Рыбная торговка, молочница, продавица фруктовъ, отказывая себѣ въ башмакахъ и въ лишней горсти оливъ за обѣдомъ, посылаетъ дочь въ Арсакеонъ, разумѣется не изъ любви къ наукѣ, а только въ надеждѣ доставить ей лучшее положеніе въ обществѣ. Это нерѣдко вызываетъ случаи очень-любопытные. Прачка, которой я отдавалъ бѣлье, говорила мнѣ съ сверкающими отъ радости глазами, что у нея дочь ходитъ въ Арсакеонъ. Эта женщина, вдова какого-то лавочника, два года назадъ пришла изъ Патраса, съ десятилѣтней дочерью и съ десяткомъ драхмъ въ карманѣ, для того чтобъ помѣстить дѣвочку въ институтъ. Кое-какъ нашла она небольшую практику въ качествѣ швеи и прачки, опре-

дѣлила дочь въ Арсакеонъ и начала долгую борьбу съ бѣдностью, думая только, какъ-бы набрать восемь драхмъ за ученье да какъ-нибудь одѣть и накормить свою институтку. Вѣдь это своего рода героиня! Надобно было видѣть, съ какимъ гордымъ удовольствіемъ, вынимая бѣлье изъ ручной корзинки, она говорила:

— Моя дочка ходитъ въ Арсакеонъ!

— Чтожъ ты будешь дѣлать съ ней, когда она выучится? — спросилъ у нея Ликадисъ.

— Она будетъ учить богатыхъ людей.

— А если не найдетъ мѣста?

— Да развѣ вы думаете, что образованье помѣшаетъ ей стирать бѣлье? вѣдь она и теперь иногда помогаетъ мнѣ! — отвѣчала гречанка, гордо поправляя свою алую феску.

Жажда къ просвѣщенію проникаетъ въ самые бѣдные классы народа. Мнѣ говорили, что нерѣдко въ самой ничтожной деревенькѣ, въ глуши Пелопонеса или Эпира, жители нанимаютъ бѣднаго учителя и по-очередно даютъ ему постель подъ кровлей своей избы и мѣсто за скуднымъ обѣдомъ. И вотъ этотъ кочующій педагогъ, за неимѣніемъ школы, собираетъ учениковъ подъ открытымъ небомъ, на паперти деревенской церкви или подъ тѣнью дерева, — и дѣти по цѣлымъ часамъ сидятъ за своими книгами. Живой умъ, такъ долго дремавшій въ порабощенномъ народѣ, рвется теперь съ какою-то судорожной торопливостью, какъ-будто желая скорѣе заявить себя передъ лицемъ просвѣщенной Европы. Греція точно спѣшитъ оправдать симпатію, какою встрѣтила ее вездѣ борьба за независимость, показать себя достойною участія филеллиновъ и почтить память Байрона, который, среди пѣсенъ отчаянія и проклятій, нашелъ въ душѣ своей звуки симпатіи къ возрождающейся Элладѣ.

X.

Гротъ-нимфъ.

Лѣтомъ Аѳины пустѣютъ не хуже Петербурга. Аттическое солнце разгоняетъ по дачамъ всѣхъ, кого нужда не посадила безвыходно за зелеными рѣшетками душныхъ городскихъ домовъ. Съ мая мѣсяца дворъ, посланники, богатое купечество живутъ обыкновенно въ мѣстечкѣ Кефисіи, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на берегу историческаго Цефиза. Недалеко оттуда и знаменитый Гротъ-нимфъ, воспѣтый древними поэтами и почти забытый новыми путешественниками. Мнѣ хотѣлось взглянуть на аѳинское Царское-Село и его поэтическій гротъ.

Поѣздка наконецъ состоялась. Эвлампіосъ, извѣстный переводчикъ новогреческихъ пѣсенъ, познакомилъ меня съ однимъ аѳинскимъ купцомъ, котораго семейство жило недалеко отъ Кефисіи. Былъ какой-то праздникъ, и купецъ пригласилъ насъ обѣдать на дачу. Мы послали за каретой. Намъ привели наемную охиму, замѣчательную тѣмъ, что сама она была синяя, а колеса напереди зеленыя, позади красныя. Впрочемъ, лошади бѣжали хорошо, и извощикъ, не смотря на грязную фустанеллу, смотрѣлъ молодцомъ.

Отъ королевскаго дворца повернули мы на довольно-

плохое шоссе, которое пролегало къ сѣверу по низменной долинѣ. Направо рядъ холмовъ, постепенно возвышаясь, сливается съ подножіемъ Гиметскихъ-горъ, налѣво тянется ближайшій отрогъ мраморнаго хребта Пентелики, а между ними изрѣдка мелькаютъ вдали снѣжными пятнушками отдаленныя вершины Парнаса. По мѣрѣ удаленія отъ города природа становилась живописнѣе. Правда, горы тянулись еще обнаженной стѣною, но вокругъ стала показываться зелень, и безплодные пустыри начали смѣняться небольшими луговинами съ кустиками душистаго оимари, которые такъ и залиты были цвѣтами, сверкавшими на солнцѣ, какъ синіе огоньки.

Не смотря на то, что часть аоинскаго населенія жила уже въ Кефисіи, дорога была очень-пустынна. Мы не встрѣчали ни экипажей, ни пѣшеходовъ. Кое-гдѣ только попадались солдаты орофилаки или пограничной стражи, и всякій разъ по-парно. Въ вышитыхъ золотомъ пегли и бѣлыхъ юпкахъ, въ красныхъ фесахъ и башмакахъ, съ цѣлымъ арсеналомъ пистолетовъ и атагановъ на поясѣ; въ иномъ мѣстѣ двое такихъ атлетовъ шли по шоссе тихой, граціозной поступью, въ другомъ стояли гдѣ-нибудь подъ оливковымъ деревомъ, опершись на длинныя, сверкающія насѣчкою ружья и живописно перегнувъ свою тонкую талію.

— Скажите, зачѣмъ здѣсь эти солдаты? — спросилъ я своего товарища.

— Смотрѣть за клефтами! — отвѣчалъ онъ.

— Да неужели разбойники грабятъ и на этой дорогѣ, подлѣ самыхъ Аоинъ?

— А гдѣ-же можетъ быть больше поживы, какъ не здѣсь. Тутъ ѣздятъ все люди хлѣбные — министры, негоціанты; утащить такого человѣка въ горы — значитъ добыть капиталъ.... А кстати: не хотите-ли, я познакомлю васъ съ однимъ изъ такихъ молодцовъ?

— Съ клефтомъ?

— Съ настоящимъ, кровнымъ клефтомъ.

— Въ горы ходить для этого не нужно будетъ? — спросилъ я шутя.

— Не надобно.

— И выкупа платить не придется?

— Какія-нибудь двѣ драхмы.

— Такъ пожалуйста.

Мы подъѣхали въ это время къ небольшому кафенесу, который стоитъ на половинѣ дорогѣ въ Кефисію. Здѣсь проѣзжающихъ ждетъ такой-же обязательный привалъ, какъ и на пути изъ Пирея. Нашъ разноцвѣтный экипажъ остановился, и извощикъ тотчасъ-же закурилъ трубку. Мы вошли въ небольшую, но опрятную комнату. Противъ дверей былъ прилавокъ, уставленный шербетами и лакомствами, по угламъ пуки длинныхъ чубуковъ, а на столикахъ маленькія жаровни съ углемъ, тлѣющимъ въ пеплѣ, и желѣзные щипчики. Къ намъ подбѣжалъ мальчикъ.

— А гдѣ Васили? — спросилъ Эвлампіосъ.

— Сей-часъ будетъ.

Въ эту минуту въ заднія двери вошелъ за прилавокъ грекъ. Никогда не встрѣчалъ я такой характерной фигуры. Это былъ человѣкъ атлетическаго роста, съ мускулами фарнезскаго Геркулеса и стройностью молодой женщины. Бѣлая фустанелла въ мелкихъ складкахъ, синяя негли, вся вышитая въ узоръ чернымъ шнуркомъ, алый фесъ съ длинной голубой кистью, — все это удивительно шло къ его богатырски-изящнымъ формамъ. Когда онъ вышелъ изъ-за прилавка величавой и граціозной поступью, — я не могъ отвести отъ него глазъ. Казалось, передъ нами былъ какой-нибудь герой Иліады, самъ Агамемнонъ съ его царственной осанкой.

— Рекомендую вамъ моего добраго пріятеля Васили, — сказалъ мой товарищъ: — вы видите самаго гостепріимнаго кафедзи во всей Греціи. А тебѣ, Васили, представляю русскаго путешественника: ты насъ попотчуешь лимонадомъ и трубками.

Василн наклонилъ слегка голову и положилъ руку на грудь. Черныя рѣсницы его опустились къ щекамъ, и голубая кисть феса нагнулась впередъ; но въ ту-же минуту онъ выпрямился, бросилъ на меня быстрый взглядъ и съ царственнымъ величіемъ пошелъ къ своему прилавку.

— Знаете-ли, кто такой этотъ кафедзй? — спросилъ мой товарищъ.

— Неужели клефтъ!

— Настоящій. Три года назадъ этотъ молодецъ гулялъ еще въ Гиметскихъ-горахъ и подстерегалъ проѣзжихъ на этой самой дорогѣ. Одинъ патрасскій купецъ разсказывалъ, что гостилъ у него цѣлый мѣсяцъ, пока не выкупился.

— И всѣ это знаютъ! Какъ-же его не схватятъ?

— Василн, видите-ли, раскаявшійся клефтъ.... У насъ это не рѣдкость! Надоѣла-ли ему бродячая жизнь, или онъ боялся петли, а можетъ-быть и доходы, по милости жандармовъ, уменьшились, только онъ предложилъ правительству воротиться къ мирнымъ занятіямъ и просилъ охраннаго листа.

— И ему дали?

— Разумѣется. Вѣдь министръ знаетъ, что, не смотря на жандармовъ, клефты и почту останавливаютъ на перешейкѣ и въ дома врываются, чуть не въ самомъ городѣ. Какъ-же не выдать индульгенціи такому кающемуся грѣшнику? Вотъ тутъ за стѣной виситъ у него подъ стекломъ охранный листъ, и онъ бережетъ его, какъ дипломъ или дворянскую грамоту.

Василн подалъ намъ въ это время на подносѣ два стакана розоваго лимонада и трубки съ страшно-длинными чубуками. Онѣ набиты были такимъ-образомъ, что золотистый табакъ поднимался вверхъ горкою и длинной бахромою висѣлъ по краямъ трубки. Греки особенно любятъ это и называютъ — выкурить трубку со сливками. Мы отдохнули и освѣжились. За удовольствіе видѣть клефта я заплатилъ всего одну драхму, и онъ проводилъ насъ величественнымъ поклономъ.

Мы проѣхали деревеньку Маруси, зеленѣющую виноград-

никами. Отсюда потянулась оливковая роща съ вѣковыми деревьями, какихъ немного уцѣлѣло въ Греціи послѣ нашествія Ибрагима-паши. Роща эта провожала насъ до самой Кефисіи. Мѣстечко построено довольно-правильно: каменные, опрятные домики всѣ потоплены въ зелени кипарисныхъ и фиговыхъ деревьевъ. У воротъ одного двухъэтажнаго дома стояли регулярные жандармы, а на балконѣ толпились офицеры. Это былъ наемный лѣтній дворецъ короля Оттона.

Мы остановились на маленькой площади передъ кофейней. У входа подымается исполинскій кленъ, аршинъ около трехъ въ отрубѣ, и густымъ шатромъ раскидывается надъ площадью. Въ тѣни его, за маленькими столиками, сидѣли греки въ фустанеллахъ, пальто, военныхъ мундирахъ; вездѣ дымились трубки, папиросы и сигары. Это сборное мѣсто всей мужской половины лѣтняго кефисійскаго общества. Купецъ, къ которому мы были приглашены, ждалъ насъ за однимъ изъ этихъ столиковъ, чтобы еще до обѣда, какъ мы условились, идти вмѣстѣ къ Гроту-нимфъ. Но въ Греціи ничего не дѣлается безъ чашки кофе, и мы присѣли среди пестрой толпы.

— Надобно однако идти, пока нежарко! — сказали наконецъ мои товарищи.

— А вы находите, что теперь прохладно? — спросилъ я.

— Чрезвычайно! У насъ давно не было такого мягкаго лѣта.

Между-тѣмъ было нестерпимо-жарко, и мой зонтикъ ent-out-cas едва защищалъ меня отъ палящихъ лучей аттическаго солнца. Мы оставили лошадей у кофейни и пошли тропинкою по неровной мѣстности, кое-гдѣ открытой, а больше зеленѣющей деревьями и кустами.

Черезъ четверть часа пришли мы къ ручью, выбѣгающему изъ оврага, и пошли въ-верхъ по его теченію. Расширяясь постепенно, оврагъ этотъ превратился въ продолговатую лощину, края которой съ каждымъ шагомъ подымались все болѣе-крутымъ скатомъ и замкнулись наконецъ впереди отвѣсною скалою. Это зеленое ущелье походило

формою на туфель, въ который мы вошли черезъ отогнутую пятку. Крутые бока его, обставленные камнями, густо покрыты самой роскошной зеленью. Наверху стоятъ, наклоняясь въ оврагъ, большія фиговыя деревья съ вызрѣвающими плодами, густые орѣшники съ зелеными грецкими орѣхами и вѣтвистые розовые лавры, съ пунцовыми цвѣтами, огнемъ сверкающими на солнцѣ. Около могучихъ стволовъ ихъ плотно обвились виноградныя лозы, раскинулись по сучьямъ и опустили съ нихъ свои прозрачные фіолетовые грозды. Сверхъ этого густой сѣтью обвился еще плющъ, взбѣжалъ по всѣмъ вѣтвямъ и повисъ оттуда гирляндами вплоть до земли. Внизу, по откосамъ оврага, разсыпались кусты розъ и олеандровъ, всѣ въ цвѣтахъ; а въ глубинѣ лощины, между миртами и анемонами, пробирается ручей, выбѣгающій изъ-подъ нависшей скалы. Это какая-то выставка природы, гдѣ за-разъ видны осень и весна, и въ одно время все цвѣтетъ и зрѣетъ.

— Гдѣ-же Гротъ-нимфъ? — спросилъ я моихъ товарищей.

— Вотъ онъ, — отвѣчалъ купецъ, показывая на обрывъ, откуда, Богъ-знаетъ какимъ путемъ, выбѣгалъ ручей.

Я ничего не видалъ, кромѣ скалы, окаймленной наверху розовыми кустами и густо одѣтой какою-то яркой висячей зеленью. А внизу изъ-подъ этого полога катился потокъ, и пробираясь между камнями, бѣжалъ къ выходу изъ ущелья.

— Гдѣ-же тутъ гротъ? — спросилъ я съ удивленьемъ.

— А это что-же!

Ступая по камнямъ, между протоками ручья, Эвламніосъ подошелъ къ зеленой покрышкѣ скалы, разорвалъ плотную ткань висячей зелени, раздвинулъ ее въ стороны, и за этимъ ярко-свѣжимъ и влажнымъ занавѣсомъ открылось углубленіе. Я подошелъ.

Передо мною была каменная пещера. Сводъ ея густо покрытъ зеленью, которая лѣпится въ трещинахъ и опускается длинными кистями, похожими на кисти винограда. По этимъ висящимъ пукамъ яркой зелени сочится и переливается вода, и падая то серебряными нитями, то отдѣльными каплями не-

перестающаго дождя, собирается на днѣ пещеры и выбѣгаетъ въ оврагъ знакомымъ уже намъ ручьемъ. Это-то и есть знаменитый гротъ Σπήλαιον τῶν νυμφῶν, гдѣ, по сказкамъ поэтовъ, любили купаться аттическія нимфы и сама Киприда. Какой миѳъ можно связать лучше съ этимъ чуднымъ мѣстомъ!

А вотъ и пещера, откуда Фавнъ любилъ подсматривать за купающимися нимфами. Внизъ, по теченью ручья, противъ самаго грота, видна въ скалѣ природная каменная бесѣдка, вся обвитая плющемъ и закрытая розовыми кустами. Здѣсь-то прятался отъ пугливыхъ купальщицъ сладострастный житель лѣсовъ. Утомленные жаромъ, мы скрылись въ пещерѣ Фавна, съ однимъ цѣломудреннымъ желаніемъ отдохнуть въ тѣни розовыхъ кустовъ. Я сорвалъ нѣсколько фигъ: онѣ были сочны и душисты.

Вдругъ послышались звонкіе голоса подлѣ самаго грота. Но это были не античныя нимфы, даже не молодыя аонискія красавицы, а веселая толпа дѣтей, которые шумно бѣжали къ пещерѣ, опередивъ какую-то пожилую даму, въ шляпкѣ и мантильи. Двое мальчиковъ стояли уже передъ самымъ гротомъ, и снявъ фески, подставили подъ дождь свои кудрявыя головки.

— Ne faites pas de bêtises: cela vous fera mal à la tête! кричала дама тѣмъ рѣзко-педагогическимъ тономъ, по которому легко узнается французская гувернантка.

— Теперь изъ поэтическаго грота поѣдемте на мою прозаическую дачу, — сказалъ нашъ товарищъ.

Мы отыскали свой экипажъ, выѣхали изъ Кефисіи и черезъ нѣсколько минутъ остановились у скромнаго каменнаго домика. Онъ напоминалъ тѣ дачи, въ которыхъ поселяются петербургскіе чиновники въ Парголовѣ и Новой-Деревнѣ; только въ садикѣ, вмѣсто тощихъ березокъ, стояли стройные кипарисы и фиговыя деревья, а каменная ограда густо одѣта была виноградникомъ. Нашъ обѣдъ, не смотря на то, что хозяева долго жили въ Россіи, былъ довольно-оригиналенъ. Намъ подали сперва какую-то рыбу въ оливковомъ

маслѣ, потомъ зелень, которую греки называютъ бамьи, и бараній пилавъ съ разваренымъ рисомъ. Дессертъ состоялъ изъ блюда свѣжихъ фигъ и знаменитаго историческаго меда гиметскихъ пчелъ. Кофе и «трубка со сливками» смѣнялись нѣсколько разъ.

Въ саду просидѣли мы жаркое время и тутъ рѣшили кончить праздникъ на гуляньи въ Патисіи, гдѣ разъ въ недѣлю, и именно въ этотъ день, собирается на музыку все аѳинское общество. Въ семь часовъ мы выѣхали по дорогѣ въ Аѳины.

XI.

Патисія.

Греческія деревеньки, съ своими веселыми домиками, въ зелени кипарисовъ и виноградниковъ, съ синимъ небомъ и лазурными горами, похожи на декорацію, приготовленную для какого-нибудь балета; а жители ихъ, въ живописномъ костюмѣ и съ величавою поступью, кажутся собранными для вашего удовольствія актерами. Проѣзжая въ праздникъ по деревнѣ, такъ и думаешь, что передъ тобою подняли занавѣсъ и поставили какую-то живую, подвижную картину. Когда мы въѣхали въ Маруси, воздухъ сталъ замѣтно свѣжѣе, улица пестрѣла народомъ, вдали слышалась музыка и раздавались выстрѣлы.

— Вы особенно счастливы, — сказалъ мой товарищъ:— вѣдь въ деревнѣ праздникъ и тамъ пляшутъ ромайку.

— Пожалуйста, посмотримъ.

Мы оставили экипажъ и пошли въ поперечную улицу. Передъ домиками вездѣ былъ народъ, и судя по костюму, на-половину деревенскіе жители, на-половину аонискіе дачники. Въ концѣ улицы, на небольшомъ лугу, виднѣлась пестрая толпа и слышна была музыка. Здѣсь-то была народная пляска. Мы пришли въ минуту отдыха, но передъ нами открылась картина очень-характерная.

На землѣ сидѣло, поджавъ ноги, трое музыкантовъ,— одинъ съ флейтою, остальные со скрипками. Около нихъ по одну сторону выгибалось полукругомъ десятка два мужчинъ, по другую столько-же женщинъ, и всѣ они держались за руки или за платки, какъ въ нашихъ деревенскихъ хороводахъ. На лугу группами разсыпаны были зрители: старики съ сѣдыми усами сидѣли, поджавъ ноги, и курили длинныя трубки; женщины и дѣвушки стояли особо. Серьозныя, почти строгія лица ихъ нисколько не выражали веселости.

Музыканты затянули рѣзкій, однообразный мотивъ. Обѣ стороны танцующихъ пошли кругомъ своего оркестра, выступая въ тактъ медленнымъ, монотоннымъ шагомъ, то наклоняя впередъ голову, то слегка откидывая ее назадъ. Это было совершенное подобіе русскаго хоровода, съ тою разницею, что здѣсь пѣніе замѣнялось музыкой. Но вотъ отъ мужской половины отдѣляется одинъ грекъ, выбѣгаетъ шага на три впередъ, прыгаетъ, перевертывается, вскидываетъ руками, бросаетъ къ-верху свой фесъ, ловитъ его на-лету, —и его бѣлая фустанелла взвивается, какъ юпка у нашихъ балетныхъ танцовщицъ. Хоръ идетъ, между-тѣмъ, такимъ-же торжественнымъ шагомъ. Проходитъ минутъ пять. Впереди является новый танцоръ, и кажется, еще бойче и ловчѣе. Онъ прыгаетъ и кружится такъ, что не успѣваешь разсмотрѣть его физіономіи, и вдругъ одной рукою срываетъ съ себя фесъ и кидаетъ въ воздухъ, другой выхватываетъ изъ-за пояса пистолетъ, стрѣляетъ въ свою шапку, опять ловитъ ее на-лету, и какъ стрѣла исчезаетъ въ толпѣ. Хороводъ двигается съ тѣмъ-же величавымъ спокойствіемъ, то свивается въ кругъ, то выгибается оваломъ, то разрывается или вьется змѣею. А зрители любуются пляской съ тѣмъ-же невозмутимымъ спокойствіемъ.

Когда мы выѣхали изъ деревни, дорога приняла совершенно-воинственный видъ. Вооруженные орофилаки попадались безпрестанно; они прогуливались по-парно съ длинными ружьями на плечѣ и посматривали на ближнія горы. Глядя на

эти атлетическія формы и суровыя лица, невольно думаешь, что они сами были-бы скорѣе у мѣста въ какой-нибудь шайкѣ клефтовъ, чѣмъ въ мирныхъ рядахъ этой національной гвардіи. Какая разница съ печальной миной греческихъ регулярныхъ солдатъ!

Мы подъѣзжали къ кофейнѣ Василн. Торопясь въ Патисію, я предложилъ извощику ѣхать не останавливаясь, но автомедонъ нашъ не хотѣлъ и слушать.

— Я дамъ тебѣ драхму, — сказалъ я: — поѣзжай мимо.

— За драхму благодарю, эффенди, — отвѣчалъ онъ, приподнимая феску: — я съ удовольствіемъ приму, а кафенесъ проѣхать нельзя.

— Отчего-же это?

— А лошади-то что подумаютъ! да мнѣ-же господинъ пожаловалъ драхму, — какъ не выпить стаканъ раки за его здоровье? Что сами-то вы, эффенди, подумаете обо мнѣ, если я здѣсь не выпью!

Мы въ-самомъ-дѣлѣ подумали, что поспѣемъ еще на патисійское гулянье, и пошли въ кафенесъ выкурить трубку. Нашъ Василн, съ наступленіемъ вечера, смотрѣлъ гораздо воинственнѣе: за поясомъ торчалъ у него большой пистолетъ, самая фигура его, кака-будто выросла, лице стало суровѣе, походка величественнѣе. У мальчика, который понесъ водку нашему извощику, тоже пристегнутъ былъ къ поясу какой-то ножъ. Пока мы курили, мимо кафенеса прошли раза три орофилаки. И эта кофейня въ осадномъ положеніи, эти шербеты и трубки подъ прикрытіемъ пистолетовъ и ножей, были всего на полчаса ѣзды отъ столицы.

— А что?—спросилъ я моего товарища:—неужели клефты никогда не были съ визитомъ у своего бывшаго сотрудника?

— Кажется, они не дѣлали ему этой чести.

— Какая невѣжливость! Какъ-бы не освѣдомиться о его дѣлахъ, по-крайней-мѣрѣ не пожаловать на чашку кофе!

— Но вѣдь въ-такомъ-случаѣ и нашъ пріятель не захо-

четъ остаться въ долгу, а вѣрно, при своемъ знаніи горныхъ лазеекъ, отплатитъ визитъ съ жандармами.

Передъ самыми Аѳинами свернули мы на другое шоссе, которое отъ улицы Эола тянется въ мѣстечко Патисію. Въ верстѣ отъ города мы выѣхали на лугъ, или лучше сказать какой-то плацъ, безъ всякой зелени и тѣни. Это-то и есть аѳинское модное гулянье.

Если разумнаго человѣка поражаетъ, въ Греціи, неудачный выборъ столицы, то всякому ребенку покажется непонятнымъ, какъ можно было сдѣлать гулянье въ такомъ мѣстѣ, какъ Патисія. Кругомъ города мудрено найти что-нибудь печальнѣе и скучнѣе. Представьте себѣ голое, пустынное поле, спаленное солнцемъ и лишенное всякой тѣни. Посреди этого плаца стоитъ деревянный павильонъ, въ родѣ знакомыхъ намъ бесѣдокъ на петербургскихъ Минеральныхъ-Водахъ или въ московскихъ Сокольникахъ, гдѣ играютъ наши полковые оркестры. Тутъ также помѣщатся военная музыка.

Около павильона, въ видѣ живой ограды, ставится кругъ изъ регулярныхъ жандармовъ. Это завѣтная черта, за которую переходитъ только король съ своей свитою. Тамъ, у самаго павильона ставятъ для него кресла, и онъ слушаетъ громъ полковыхъ трубъ и барабановъ, опираясь на барьеръ павильона, какъ мы наклоняемся иногда къ фортепьянамъ.

Говорятъ, король очень аккуратно посѣщаетъ гулянье. Но съ отъѣздомъ королевы въ Германію, онъ не выѣзжаетъ изъ Кефисіи и на этотъ разъ не былъ у музыки. Не смотря на то, жандармскій кругъ былъ въ обыкновенномъ порядкѣ, и никому не позволяли переходить черезъ завѣтное кольцо, въ которомъ расхаживалъ одинъ только начальникъ полиціи въ костюмѣ паликара.

Позади этого живаго круга тянутся ряда въ три экипажи, разъѣзжаютъ верхомъ аѳинскіе львы на англійскихъ лошадяхъ и движется пестрая толпа гуляющихъ. Здѣсь съ перваго взгляда поражаетъ тотъ-же хаосъ въ костюмѣ и обы-

чаяхъ, какой обыкновенно видишь на всѣхъ гуляньяхъ, гдѣ новое общество сталкивается съ французской модою. Въ Патисіи, какъ и подъ-Новинскимъ, встрѣчаются смѣшныя крайности. Аѳинское общество теперь въ томъ-же переходномъ состояніи, какъ и московское купечество. Въ одномъ и томъже экипажѣ видите вы старуху въ мѣховой шубѣ и красной шапочкѣ, и молодыхъ дѣвушекъ въ модныхъ шляпкахъ, съ парижскими зонтиками. Въ толпѣ идетъ какой-нибудь купецъ въ фустанеллѣ, а подъ-руку съ нимъ женщина въ широкомъ кринолинѣ. У мужчины въ глазу модное стеклышко, а въ рукахъ неизбѣжное комболойо. Впрочемъ, четки эти вовсе не религіозное орудіе, а служатъ только развлеченіемъ, какъ у насъ тросточки. Говорятъ, депутаты въ палатѣ и кавалеры въ кадрили не покидаютъ своихъ комболойо.

Греческіе патріоты жалуются, что французскія моды вытѣсняютъ ихъ національный костюмъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, теперь еще неподно поддержать его: не только простой народъ, но часть войска, депутаты, король — ходятъ еще въ народной одеждѣ. Это не то, что мечты о забытыхъ охабняхъ и мурмолкахъ: въ Греціи нѣтъ людей, которые вздыхали-бы о классической тогѣ и анаксиридахъ. Когда лордъ Гильфордъ, канцлеръ корфускаго университета, явился на конференцію въ сократовой мантіи и вѣнкѣ съ совою Минервы, надъ нимъ смѣялись даже филеллины.

Сколько въ Аѳинахъ поражаетъ грація мужчинъ, столько-же удивляетъ отсутствіе красоты въ женщинахъ. Смотря на аттическихъ львицъ, пріѣзжающихъ въ парижскихъ и вѣнскихъ колясках на пыльную выставку въ Патисію, я не находилъ между ними ни одной фигуры, ни одного лица, которыя напоминали-бы не только Венеру-милосскую, но даже тѣхъ красивыхъ женщинъ, какихъ вы встрѣчаете въ каждой европейской столицѣ. Въ нихъ нѣтъ тонкой нѣжности и молочнаго румянца наѣздницъ Гайдъ-Парка, съ которыхъ копируются гравюры лондонскихъ кипсековъ, ни величавой стройности и гармоническаго развитія бюста, какими поражаетъ васъ женщина

въ Италіи, ни живости и неуловимаго кокетства, такъ привлекательнаго въ парижанкахъ. Въ кругу аонискихъ аристократокъ я не встрѣтилъ не только модели для статуи, но ни одного личика для порядочной гравюры. Онѣ по-большой части или слишкомъ худощавы, или непріятно полны, съ чертами лица рѣзкими и немного строгими, съ тѣмъ оттѣнкомъ мужской красоты, который такъ непріятенъ въ женщинѣ.

Но если, покидая кругъ модныхъ экипажей, вы пройдете мимо толпы женщинъ, которыя въ сторонѣ любуются гуляньемъ и завистливо смотрятъ на владѣтельницъ кружевныхъ шляпокъ и мантилій, то найдете иногда фигуру, напоминающую, что древняя скульптура не изобрѣтала своихъ чудныхъ формъ, а брала ихъ въ природѣ. Это служанки и торговки изъ Морен и Ѳессаліи. Здѣсь-то встрѣчаются лица, напоминающія художественный типъ греческаго рѣзца, передъ которымъ блѣднѣетъ всякая другая красота. Въ Аонахъ живетъ много плотныхъ Бобелинъ, но Венеры-милосскія родятся въ провинціи.

Хоръ военной музыки игралъ партіи изъ послѣднихъ оперъ Верди и Мейербера. Живое кольцо экипажей и пѣшеходовъ неутомимо кружилось около павильона, и лучи заходящаго солнца косвенно отражались въ облакахъ раззолоченной пыли.

Въ сторонѣ разбита была палатка, и вокругъ разставлено дюжины двѣ маленькихъ столиковъ. Кругомъ ни одного дерева, ни малѣйшей тѣни. Это патисійскій кафенесъ. Передъ нимъ стояли коляски, и дамы, какъ на миланскомъ Корсо, прохлаждались лимонадомъ и мороженымъ и слушали мужчинъ, которые подходили къ знакомымъ экипажамъ. Впрочемъ, въ разговорахъ не замѣтно было большой живости: видно и этотъ обычай вызванъ не потребностью, а только подражаніемъ.

У одного экипажа встрѣтили мы Ликадиса. Онъ бесѣдовалъ съ какой-то молодой дамою, которая, облокотясь на

подушку коляски, играла распущеннымъ вѣеромъ. Только-что мы сѣли къ столику, какъ пріятель мой подошелъ и предложилъ представить меня своей дамѣ, которая желаетъ познакомиться съ русскимъ путешественникомъ. Это была жена одного изъ членовъ Ареопага, женщина лѣтъ двадцати-семи, одѣтая по парижской картинкѣ. Черты лица ея были правильны, не лишены своего рода красоты, но широкій разрѣзъ глазъ и замѣтно обозначенные усики придавали ей что-то суровое. Можно было подумать, что это молодой мужчина, переодѣтый въ шляпку и мантилью. Ликадисъ представилъ меня. Гречанка заговорила со мной по-французски.

Послѣ общихъ вопросовъ о Петербургѣ и моемъ путешествіи, она свела разговоръ на Парижъ, съ тѣмъ-же участіемъ къ его удовольствіямъ и модамъ, какое встрѣчается и у русскихъ барынь. Она жаловалась на трудность путешествія изъ Греціи во Францію, на бѣдность аѳинскаго театра, недостатокъ удовольствій въ столицѣ и не хуже московскихъ европеекъ вздыхала объ итальянской оперѣ и парижскихъ балахъ. Я такъ и ждалъ грибоѣдовской жалобы:— ахъ, Франція, нѣтъ въ мірѣ лучше края!

— Какое несчастіе, что у насъ столица въ Аѳинахъ! сказала она.—Ну, можно-ли было, посудите сами, выбрать этотъ старый городъ, для-того, чтобъ жить въ немъ по-европейски!

— Это правда!—согласился я, думая, что супруга архонта намѣрена обратить разговоръ къ политикѣ.

— Что это за столица!—продолжала она.—Здѣсь старина не даетъ заниматься свѣтскими удовольствіями. Въ Аѳинахъ только и думаютъ, что о древностяхъ: мущины такъ заняты этими Партенонами и Тезеевыми-храмами, что ихъ почти не видишь въ обществѣ. Какая-нибудь каріатида интересуетъ здѣсь больше образованной женщины. Пріѣдетъ иностранецъ, —и тому некогда заглянуть въ общество, онъ вѣчно съ этими старыми камнями. Вотъ хоть и вы.... сколько дней уже въ

Аонахъ, а вѣрно занимались все древностями. Я не виню васъ: это бываетъ со всѣми нашими гостями. Но согласитесь, что свѣтской женщинѣ непріятно жить въ этомъ музеѣ, гдѣ ей предпочитаютъ обломанныя статуи.

Я такъ былъ озадаченъ этимъ новымъ для меня взглядомъ на неудобства аонской жизни, что не нашелъ даже фразы, какою слѣдовало отвѣчать этой барынѣ, ревнующей къ мраморнымъ каріатидамъ. Когда мы откланялись ей, Ликадисъ разразился желчнымъ монологомъ, достойнымъ Чацкаго.

Въ девять часовъ музыканты свернули ноты, а жандармы сомкнулись въ одинъ взводъ. Экипажи и пѣшеходы потянулись къ городу и окрестнымъ дачамъ. Мы ѣхали домой въ облакахъ пыли, сквозь которыя едва можно было различить Гиметскія-горы и колоннаду Партенона. Въ городѣ было далеко не такъ душно, какъ на модномъ аонскомъ гуляньи.

XII.

Архипелагъ. — Дарданеллы.

Какъ ни горько было покидать Аѳины, но бэйрамъ манилъ меня въ Константинополь. Остаться еще хоть на день — значило отказаться отъ возможности видѣть турецкій праздникъ. Ликадисъ кончилъ свои дѣла и торопился также въ Сиру. Мы рѣшили ѣхать вмѣстѣ. Въ послѣдній разъ отобѣдалъ я въ городѣ Перикла и записалъ свою русскую благодарность въ похвальномъ альбомѣ Ville de Paris. Въ той-же разноколесной охимѣ, въ которой наканунѣ ѣздили въ Кефисію, отправились мы по пирейской дорогѣ къ знакомому кафéнссу. Насъ провожали кое-кто изъ аѳинскихъ пріятелей. Мы роспили здѣсь бутылку вина и простились вѣроятно на всегда.

Черезъ полчаса сидѣли мы уже на пароходѣ Arciduca Giovanni; вокругъ насъ шумѣла пестрая толпа, и гречанки безъ церемоніи переодѣвались на палубѣ, предоставляя любоваться своими бюстами, незнакомыми съ корсетомъ.

Мнѣ досадно было, что мы ночью пройдемъ Циклады. Я готовъ былъ проклинать этого «Эрцгерцога Іоанна», который такъ неловко расположилъ свои рейсы въ Архипелагѣ. Но оказалось, что я напрасно жаловался на пароходъ. Ночная

прогулка по Цикладамъ, при свѣтѣ мѣсяца, какъ-будто нарочно придумана для удовольствія туристовъ. Острова эти прошли передъ нами, отъ заката до восхода солнца, при переливахъ луннаго свѣта, при фосфорическомъ блескѣ моря, во всей поэтической красотѣ.

Кто не восхищался островами Архипелага, съ-тѣхъ-поръ, какъ имена ихъ вписаны въ Иліаду? Анахарсисъ называлъ ихъ морскими созвѣздіями, Байронъ—драгоцѣннымъ ожерельемъ вѣчно-прекраснаго моря, крестоносцы сравнивали съ разбросаннымъ на водахъ цвѣтникомъ. Передо мною мелькнули они, точно картины какой-нибудь діорамы, въ обаяніи разнообразнаго освѣщенія: одни проходили въ заревѣ заходящаго солнца, другіе въ матовомъ мерцаніи сумерекъ, иные при лунномъ блескѣ. Можетъ-быть отъ этого освѣщенія всѣ рѣзкія черты ихъ сглаживались, краски слишкомъ яркія пропадали, и на все ложился тонъ мягкій и нѣжный. Я катался по Леману, видѣлъ Лаго-Маджоре и Комо, но никогда не сравню ихъ съ ночной прогулкой по Цикладамъ. Здѣсь сцена обширнѣе, зрѣлище разнообразнѣе! Всякій часъ картина мѣнялась и новые виды торопились выдти на встрѣчу. Едва одинъ островъ скрывался позади парохода, какъ передъ нами являлся новый, то въ видѣ синей тучи, повисшей на горизонтѣ, то какъ розовое облако, налитое свѣтомъ еще невидимой зари. И вотъ земля приплывала ближе, черныя пятна ея обращались въ рощи, бѣлыя точки разрастались въ деревню или одинокій монастырь. Кажется, природа затѣмъ только и бросила эти острова на прекраснѣйшее въ свѣтѣ море, чтобы кататься здѣсь на пароходѣ, при свѣтѣ мѣсячной ночи.

Я не сходилъ съ палубы. Утромъ поднялась передъ нами высокая скала, съ одной стороны вся бѣлая, точно въ снѣгу. Это — Спра съ своимъ городомъ. Мы обогнули маякъ, стоящій на одинокомъ утесѣ, и бросили якорь передъ Гермополемъ, при первыхъ порывахъ начинающейся бури. На темной горѣ, будто вылѣпленной изъ терра-котты, бѣлые го-

родскіе дома громоздятся одни надъ другими и на страшной высотѣ замыкаются какой-то церковью, — и вся масса зданій перерѣзана линіями взбѣгающихъ по горѣ улицъ. Заливъ волновался. Вѣтеръ плескалъ бѣлые гребни зеленыхъ волнъ до самыхъ оконъ нижнихъ домовъ. Суда и пароходы въ гавани качались словно въ бѣшеной пляскѣ, дико и пьяно шатаясь своими мачтами.

Я отправилъ поклажу свою на Вулканъ, который дымился уже въ гавани, и сѣлъ въ лодку проводить Ликадиса. Волненіе было такъ сильно, что мы не безъ труда подошли къ пристани. Не смотря на раннее утро, здѣсь все было въ движеніи. Съ перваго взгляда можно замѣтить, что въ наше время торговля лучше строитъ города, чѣмъ казенные архитекторы. Гермополь—городъ новый, веселый, дѣятельный. Вездѣ видны маклерскія конторы, мѣняльныя лавки, кофейни, тюки съ товарами, посильщики и коммиссіонеры. Сира не даромъ носитъ имя Гермеса: кадуцей всего приличнѣе для герба ея. Это первая коммерческая контора и первый торговый портъ во всей Греціи. Изъ пяти-тысячъ купеческихъ флаговъ, которыми владѣетъ теперь королевство, ей принадлежитъ цѣлая четверть.

Мы зашли въ кофейню. Въ двухъ залахъ, меблированныхъ по-европейски, была уже толпа народа. На столахъ видны французскіе, нѣмецкіе, англійскіе журналы; вездѣ слышны разноязычные толки объ акціяхъ, курсахъ и фрахтахъ, и магическое слово драхма звучитъ безпрестанно въ неумолкающемъ говорѣ. Если въ Аѳинахъ новая жизнь поглощена древностью, за-то Сира поклоняется одному кумиру торговли. За бутылкой вина простились мы съ Ликадисомъ, и я въ послѣдній разъ пожалъ ему руку, при звонѣ пароходнаго колокола, который доносился до оконъ нашей кофейни.

Я сѣлъ въ лодку. Гавань вся кипѣла въ волнахъ и всплескахъ. Пристать къ Вулкану было не легко. У самыхъ колесъ его стояла большая лодка, черная какъ кузница, и за-

контѣльные работники кидали изъ нея на палубу мѣшки съ каменнымъ углемъ. Въ добавокъ къ ней только-что пристала феллука, биткомъ набитая оборванными евреями. Вѣтеръ ревѣлъ, и лодки бѣшено качались, подымаясь поочередно одна надъ другою. Жиды кричали и размахивали руками, жидовки ловили свои взлетающія юпки. Четверо кочегаровъ заняты были перегрузкою евреевъ, которыхъ бросали сперва на мѣшки съ углемъ, а оттуда на пароходную лѣстницу, и они подымались на палубу, черные какъ трубочисты. Второй звонокъ едва слышался при отчаянныхъ крикахъ перепуганныхъ евреекъ.

Не знаю, какимъ-образомъ удалось мнѣ при этой качкѣ прыгнуть на пароходную лѣстницу, но зато руки у меня были въ такомъ видѣ, какъ-будто я цѣлый день работалъ за кочегара. Первый, кого я встрѣтилъ на пароходѣ, былъ Мустафа. Видно, онъ не потерялъ времени въ Сирѣ: шальвары его были реставрированы. Вдоль всей линіи, по которой расползлись они назади, турокъ вдѣлъ веревочки и связалъ бантиками, такъ-что концы ихъ висѣли и собирались въ какое-то подобіе хвоста, который болтался почти до пятокъ.

— Селамъ-алейкюмъ! добраго утра, Мустафа! — сказалъ я.

Турокъ взглянулъ на меня оловянными глазами, посмотрѣлъ въ стороны, опасаясь вѣрно, чтобъ кто-нибудь изъ земляковъ не заподозрилъ его въ знакомствѣ съ гяуромъ, но не видя никого по-близости, кромѣ евреевъ, торопливо поднесъ руку къ своей чалмѣ и щелкнулъ языкомъ.

Вулканъ отличался уже совершенно-восточной физіономіей. Европейскій костюмъ терялся на немъ въ маскарадной пестротѣ азіятской одежды. На палубѣ разостлано было нѣсколько пестрыхъ ковровъ, и на нихъ сидѣли турки, кто въ старинныхъ халатахъ и чалмахъ, кто въ махмудовскихъ казакинахъ и фесахъ, но съ одинаково печальными лицами и тупымъ взглядомъ. Черногорцы и албанцы, въ овчинныхъ

буркахъ, съ стоячими, золотомъ шитыми воротниками, курили трубки и вели шумный разговоръ. Греки лавировали между ними на палубѣ, въ развѣвающихся фустанеллахъ, не оставляя своихъ комболойо. Всѣ эти пестрые наряды напоминали — то раскрашенныя гравюры изъ какой-нибудь книги о Востокѣ, то маскарадное тряпье, выставляемое у насъ на святкахъ по табачнымъ лавочкамъ.

Въ числѣ пассажировъ я нашелъ на палубѣ только одно знакомое лицо: это былъ Османъ-ага. Поѣздка по Греціи какъ-будто немного обтерла его: не смотря на то, что вокругъ были турки, онъ самъ подошелъ ко мнѣ.

— Какъ вы провели время въ Спрѣ? — спросилъ я.

— Ничего, хорошо! — отвѣчалъ онъ лѣниво.

— Видѣли городъ? гуляли много?

— Нѣтъ, я былъ тамъ одинъ только разъ; купить надобно было кое-что.

— Да гдѣ-же вы провели эту недѣлю?

— Все въ гавани: половину на томъ пароходѣ, а половину на этомъ.

— И не скучали?

Онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ и покачалъ головой. Я съ своей стороны тоже съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этотъ образчикъ восточной лѣни. Конечно, и у насъ водятся свои аги, также равнодушные и пошлые, но тѣ все-же чѣмъ-нибудь занимаются — картами, водкой, по-крайней-мѣрѣ битьемъ мухъ.

— Что-же вы не курите! не хотите-ли сигару? — сказалъ я.

— Нельзя.

— Отчего такъ?

— Рамазанъ: мусульманамъ не позволяется въ этотъ постъ ни ѣсть, ни курить, пока можно отличить бѣлую нитку отъ черной?

— Я знаю. Да вѣдь вы курили-же на той недѣлѣ, не смотря на рамазанъ?

Османъ-ага робко оглянулся на сидѣвшихъ около турокъ и сказалъ: — намъ позволяетъ Пророкъ курить въ путешествіи.

— Да вѣдь вы еще не въ Стамбулѣ?

— Здѣсь своихъ много!

Вотъ настоящая-то причина! подумалъ я.

Когда мы вышли изъ гавани, качка замѣтно стала усиливаться. Морская болѣзнь начала сближать людей самыхъ несогласныхъ. Греки, турки, евреи дружно приносили жертвы морю, наклоняясь одинаково надъ бортомъ парохода. Мустафа лежалъ у печи и не смущался тѣмъ, что голова его прикрыта была юпкою какой-то еврейки. Османъ-ага нагнулся на одну подушку съ грекомъ, и оба стонали, блѣдные, какъ набѣленные пьерро. И все это было при голубомъ безоблачномъ небѣ, при яркомъ и веселомъ сіяніи солнца.

Зная по опыту, что меня не укачиваетъ, я однакожъ по рецепту Байрона принялъ отъ морской болѣзни порцію бифштекса и пошелъ въ каюту спать за прошлую ночь. Не смотря на то, что волны стали заливать палубу, и пассажиры всѣ столпились внизу, — я и въ этой духотѣ проспалъ до обѣда. По милости качки не только турки, но и христіане справляли постный рамазанъ: къ обѣду кромѣ меня явился только капитанъ да двое какихъ-то грековъ.

Судьба рѣшительно на сторонѣ турокъ! — сказалъ мнѣ капитанъ: — къ вечеру, когда имъ надобно разговляться, вѣтеръ долженъ стихнуть.

Въ-самомъ-дѣлѣ послѣ обѣда буря начала уменьшаться. Вечеромъ миновали мы Хіосъ, мнимую родину Гомера, а передъ закатомъ солнца прошли мимо Митилены, отечества Сафо и лезбійскихъ прелестницъ. Оба острова пронеслись передъ нами въ видѣ обнаженныхъ сѣрыхъ скалъ, кое-гдѣ только пестрѣющихъ блѣдной зеленью оливковыхъ рощъ. Съ приближеніемъ къ Дарданелламъ лица пассажировъ замѣтно сдѣлались свѣжѣе. Палуба оживилась: греки принялись

ходить, турки подняли головы, черногорцы сняли мохнатыя бурки.

При закатѣ солнца мусульмане разостлали на палубѣ небольшіе коврики, опустились по одиночкѣ на колѣна лицемъ къ юго-востоку и закачались направо и налѣво, шевеля губами и поминутно открывая и закрывая глаза. Османъ покачивался на-ряду съ другими и хлопалъ утомленными глазами; даже Мустафа въ передней части парохода набожно сидѣлъ на корточкахъ, не думая объ отчаянномъ положеніи своихъ шальваръ. Черезъ часъ все магометанское общество разговлялось уже своими дорожными припасами или дымило трубки.

Я снова обрекалъ себя на безсонную ночь, ради Геллеспонта и Троады. Если-бы мнѣ и не удалось отдохнуть днемъ, то едва-ли я рѣшился-бы теперь покинуть палубу. Мѣсяцъ и звѣзды свѣтили такъ ярко, что берега видны были даже съ ихъ красками. Послѣдніе остатки волненія ходили какъ-будто нарочно для того, чтобъ наполнить море трепетнымъ сверканьемъ золотистаго отраженія мѣсяца. Турки не спали, празднуя ночь рамазана.

Въ полночь прошли мы Тенедосъ, который стоитъ, какъ часовой, при входѣ въ Дарданеллы. Направо потянулся берегъ Троады, озолоченный свѣтомъ мѣсяца. Передъ нами была земля, какъ говоритъ — помнится — Гете, самой природою созданная для славы. Кто изъ насъ на школьной скамьѣ не бродилъ мысленно по этому берегу, не мчался вмѣстѣ съ Ахилломъ вокругъ стѣнъ Иліона, не плакалъ здѣсь съ старикомъ Пріамомъ надъ трупомъ Гектора! Вотъ этотъ берегъ съ своими неумирающими воспоминаніями. Я не сводилъ съ него глазъ. При свѣтѣ мѣсяца выгибалась темная линія низменнаго прибрежья. На немъ видны были два черныя пятнушка: это курганы надъ баснословными могилами Ахилла и Патрокла. За ними мелькалъ огонекъ, зажженный вѣроятно какимъ-нибудь пастухомъ на изсохшемъ руслѣ Скамандра. Въ дали шатромъ подымалась «сѣдая Ида». Я не мечтатель,

но при свѣтѣ мѣсяца воображеніе невольно оживлялось: такъ и кажется, что у берега стоятъ еще суда эллиновъ, и лагерь ихъ только-что заснулъ, въ ожиданіи, когда заря разбудитъ къ новымъ битвамъ за Пергамъ и Елену.

Вдругъ яркое зарево освѣтило палубу, и выстрѣлъ грянулъ съ нашего парохода. Греки и евреи вскочили на ноги; турки продолжали сидѣть неподвижно съ своими трубками. Я вбѣжалъ на пароходный мостикъ. Передъ нами сверкали огни двухъ маяковъ — одинъ постояннымъ бѣловатымъ свѣтомъ, другой ярко-пунсовой точкою, которая поминутно то слабѣла, то опять разгоралась, кидая на море длинную полосу малиноваго свѣта. Мы входили въ Геллеспонтъ. Берега съуживались, поднимались, и съ обѣихъ сторонъ встали зубчатыя стѣны замковъ — направо Абидосъ, весь въ черной тѣни, налѣво Сестосъ, сверкающій въ лунномъ блескѣ. На стѣнахъ, съ которыми неразлучны поэтическія воспоминанія Геры и Леандра, образы Селима и Зюлейки, мрачно лежали массивныя пушки и черной тѣнью развѣвался турецкій флагъ. Безъ этого можно-бы подумать, что мы плывемъ какимъ-нибудь широкимъ изгибомъ Рейна.

— А вы еще не спите?—сказалъ мнѣ Османъ-ага, когда я сошелъ на палубу.

— Да, мнѣ хочется видѣть эти берега.

— Что-же васъ тутъ занимаетъ?

Я хотѣлъ было спросить моего собесѣдника объ Иліадѣ, о Байронѣ; но во-время догадался, что это будетъ безполезно и смѣшно. У меня рѣшительно не было средства растолковать ему, отчего мнѣ хотѣлось видѣть Дарданеллы.

— И вы только изъ-за этого не спите?

— Конечно.

— А мнѣ кажется, вы осматриваете укрѣпленія.

— Зачѣмъ-же?

— Вѣрно вамъ поручили. Я видѣлъ, что вы сей-часъ писали.

Ясно было, что турокъ считалъ меня агентомъ и кромѣ-

того приписывалъ мнѣ еще способность изучать крѣпости съ палубы парохода, да и то ночью. Я съ трудомъ удержался отъ смѣха.

— Положимъ, что вы отгадали! — сказалъ я. — Только скажите мнѣ, неужели вы и послѣ войны опасаетесь еще русскихъ и даже боитесь за Дарданеллы!

Онъ какъ-то печально покачалъ головою.

Черезъ часъ проливъ началъ опять расширяться, и берега стали уходить вдаль. Назади тонули вдалекѣ зубчатыя стѣны дардапельскихъ замковъ, и одинокій курганъ Аякса съ своей бѣлой развалиной исчезалъ у Ретійскаго-мыса. Звѣзды погасли. Впереди спѣла необозримая скатерть Мраморнаго-моря, а направо показалась снѣжная вершина виоинскаго Олимпа въ розовомъ свѣтѣ зари. Стая какихъ-то бѣлыхъ птицъ тянулась длинной вереницей на востокъ, сверкая крыльями надъ самымъ моремъ. Турки покачались опять на своихъ коврикахъ и полегли сокращать сномъ послѣдній день рамазана. Я пошелъ спать въ каюту, мечтая о покинутой Греціи и близкомъ Константинополѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Золотой-Рогъ.

Когда въ первый разъ подъѣзжаешь къ городу, который давно привлекалъ къ себѣ памятниками искусства, красотой панорамы или своеобразной физіономіей, невольно приходитъ опасеніе, чтобъ дѣйствительность не помрачила какъ-нибудь знакомаго образа и не стерла красокъ съ дорогой для васъ картины. Съ такимъ чувствомъ приближался я теперь къ Константинополю, въ нетерпѣливомъ ожиданіи взглянуть на загадочную столицу ислама, на это яблоко раздора нашей эпохи, которое поражаетъ и своей вѣчной красотою, и разъѣдающимъ его червемъ внутренней порчи. Наконецъ я увижу этого представителя Востока, которому Западъ протянулъ теперь руку съ братскимъ призывомъ къ образованію.

Былъ пятый часъ вечера. Когда миновали мы Принцевы-острова, плавающіе въ морѣ, точно корзины съ зеленью, между Азіей и Европой, повернули налѣво на голубую водную площадь Золотаго-Рога и бросили въ ней якорь, посреди цѣлаго лѣса мачтъ съ разноцвѣтными флагами всѣхъ націй,— я не могъ удержаться отъ волненія. Какъ ни приготовленъ я былъ къ первой минутѣ свиданія съ знаменитой панорамой, но картина, которая теперь развернулась передо мною, была

выше всѣхъ описаній и восторговъ. Ни Лондонъ съ своими мостами и пароходами, ни обширный видъ Москвы съ Воробьевыхъ-горъ, ни Венеція, выплывающая изъ моря мраморными дворцами, не производятъ такого обаятельнаго впечатлѣнія, какъ эта несравненная панорама.

Надъ синей площадью, замкнутой слѣва Сералемъ, а справа угломъ Топханы, подымается глубокимъ оваломъ колоссальный амфитеатръ безчисленныхъ строеній, потопленныхъ въ зелени. Изъ рядовъ громоздящихся другъ надъ другомъ домовъ и кіосковъ подымаются величественные куполы, плоскіе какъ опрокинутое блюдечко, сверкая золотыми полумѣсяцами; а передъ ними, точно исполинскія свѣчи бѣлаго воска, взлетаютъ вверхъ сверкающіе минареты, и масса бѣлыхъ и красныхъ домовъ перемежается зубчатыми купами темныхъ кипарисовъ. Позади, на азіятскомъ берегу, тянется другой, слегка-выгнутый амфитеатръ строеній и садовъ. Казалось, передъ нами была колоссальная жардиньера, какія ставятся передъ окнами, съ нѣсколькими рядами полокъ, подымающихся одна за другой уступами, и уставленныхъ зеленью въ фарфоровыхъ вазахъ самыхъ прихотливыхъ формъ. И все это, глубоко подымаясь въ синее небо, отражалось въ такой-же синей глубинѣ моря.

Въ-самомъ-дѣлѣ мы остановились точно въ отверстіи изогнутаго вправо голубаго рога, перерѣзаннаго поперекъ длиннымъ мостомъ. На лѣвомъ изгибѣ поднимался Стамбулъ, начинаясь Сералемъ и оканчиваясь вдали Эюбской-мечетью, увѣнчанный полосатой красно-бѣлой массою Ая-Софіи, которой исполинскій куполъ круглился между четырьмя иглами минаретовъ. На правой сторонѣ рога тянулась Галата съ своей генуэзской башнею, а надъ нею полуевропейская Пера съ высокими бѣлыми дворцами русскаго и англійскаго посольства. Позади, за Босфоромъ раскидывался азіятскій Скутари съ кипарисным лѣсомъ исполинскаго кладбища и подымающейся передъ нимъ изъ воды бѣлой башнею Леандра. А между ними, по свѣтлой поверхности моря несутся паро-

ходы, взадъ и впередъ шныряютъ легкія лодки, сверкая веслами и какъ-будто перегоняясь съ рѣющими въ воздухѣ бѣлыми чайками.

Не успѣлъ я налюбоваться этой картиною, какъ на сераль скомъ мысѣ сверкнулъ выстрѣлъ, клубъ бѣлаго дыма поднялся надъ Босфоромъ, а вслѣдъ за тѣмъ загремѣла пальба съ пристаней, военныхъ судовъ, пароходовъ,—и вся панорама скрылась за густой дымной завѣсою. Константинополь поздравлялъ себя съ наступающимъ праздникомъ курбатъ-бэйрама.

Между-тѣмъ Вулканъ со всѣхъ сторонъ былъ уже облѣпленъ каиками, въ которыхъ качались гребцы въ полосатыхъ рубахахъ и алыхъ тарбушахъ съ голубой кистью, похожихъ на греческіе фесы. На палубѣ бѣгали и суетились комиссіонеры, въ европейскихъ пальто, въ сѣрыхъ и круглыхъ шляпахъ. Я не успѣлъ осмотрѣться, какъ передо мною очутилось съ полдюжины вертлявыхъ фигуръ, которыя на-перерывъ совали мнѣ въ руки карточки съ адресами отелей и выкрикивали на французскомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ удобства и удовольствія, ожидающія путешественниковъ. Это были лакеи отъ перотскихъ гостиницъ, высланные къ пароходу для ловли пріѣзжающихъ.

— Двадцать франковъ въ день за квартиру со столомъ и винами! кричалъ одинъ.

— Пятнадцать цванцигеровъ за комнату съ обѣдомъ и завтракомъ!

— За десять франковъ комната съ видомъ на Сераль и Золотой-Рогъ, съ завтракомъ и обѣдомъ!

Я былъ въ положеніи господина, который съ полной игрою картъ въ рукѣ не рѣшается, какой сдѣлать ходъ. Послѣднее предложеніе, которое прокричалъ мнѣ молодой французъ въ черномъ фракѣ и сѣрой шляпѣ, очевидно было живописнѣе и дешевле. На карточкѣ, которую онъ всучилъ мнѣ, прочелъ я: Hôtel d'Europe, construit en pierre, tenu par Destuniano, situé à Pera. Послѣ двухъ-трехъ вопросовъ,

на которые комиссіонеръ отвѣчалъ мнѣ съ достаточной ясностью, я рѣшился ѣхать въ гостинницу Дестуніано.

Французъ бойко схватилъ мой чемоданъ. Пробираясь къ выходу съ парохода, я столкнулся съ Османъ-агою, за которымъ тащился Мустафа, до такой степени обвѣшанный мѣшками и дорожными сумками, что подъ ними состояніе его наряда таилось въ совершенной неизвѣстности.

— Стамбулъ! проговорилъ мнѣ Османъ, съ какою-то старческой улыбкою.

— Поздравляю съ пріѣздомъ и съ бэйрамомъ!

Я спустился съ проводникомъ своимъ въ каикъ, и за отсутствіемъ лавочки сѣлъ на коверъ, въ первый разъ поджавъ ноги по-турецки. Гребецъ махнулъ веслами, и мы понеслись, лавируя между сотнями взадъ и впередъ мелькающихъ лодокъ, по направленію къ Галатской-пристани. Узнавъ, что я русскій, комиссіонеръ принялся поздравлять меня съ удачнымъ выборомъ отеля, поставляя мнѣ на видъ удовольствіе жить въ двухъ шагахъ отъ нашего посольства.

Недалеко отъ пристани навстрѣчу намъ вышелъ большой каикъ съ двумя гребцами. Въ немъ сидѣлъ турокъ въ однобортномъ казакинѣ и малиновомъ тарбушѣ съ мѣдной бляхою. Онъ приказывалъ нашему гребцу остановиться. Это былъ таможенный чиновникъ. Я расчитывалъ заранѣе, что первое мое знакомство съ турками должно начаться именно въ таможнѣ, при разрытіи чемодановъ и требованіи бакшишей. Не имѣя на совѣсти ничего, что могло бы возбудить подозрѣніе высокой Порты, я желалъ даже этой встрѣчи, чтобъ посмотрѣть, на сколько турецкіе досмотрщики вѣжливѣе хоть напримѣръ французскихъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось познакомиться съ константинопольской таможней.

На крикъ чиновника французъ мой привсталъ въ каикѣ, поднялъ вверхъ чемоданъ мой, потомъ указалъ на меня и закричалъ: «Московъ»! Послѣ этого предисловія онъ сжалъ руку въ кулакъ, протянулъ ее энергически къ турку, опустился

въ лодку и приказалъ нашему гребцу править къ пристани. Казенный каикъ смиренно повернулъ назадъ. Дѣло съ таможней тѣмъ и кончилось.

Эта небывалая метода таможеннаго досмотра озадачила меня.

— Неужели здѣсь всегда такъ осматриваютъ? спросилъ я француза.

— О, нѣтъ! Еслибы у васъ было много поклажи — сундуки, баулы, — разумѣется пришлось бы дать на водку. Но у васъ вѣдь ничего нѣтъ!

— А чемоданъ?

— Что это за чемоданъ! Вѣрно, тутъ одно платье....

— А если онъ набитъ фальшивыми ассигнаціями?

— Pourquoi pas! отвѣчалъ смѣясь комиссіонеръ: здѣсь и такъ половина ассигнацій — фальшивыя.

— Ну, а кулакъ-то тоже въ порядкѣ вещей?

— Sans doute, monsieur! Какъ смѣетъ кричать этотъ турокъ! развѣ мы армяне какіе-нибудь! Вы русскій, я французъ — nous sommes les sujets de deux grandes nations! Надобно держать въ рукахъ этихъ варваровъ.

Мы пристали къ набережной Галаты. Турецкій хамаль или носильщикъ, полунагой и загорѣлый, поднялъ на плеча мою поклажу, пригнулся головой почти до земли и скорыми шагами побѣжалъ по улицѣ, вдоль Золотаго-Рога, покрикивая безпрестанно: берегись! вардà! вардà! Мы пустились вслѣдъ за нимъ, между двумя рядами красныхъ деревянныхъ домишекъ, наклонившихся другъ къ другу верхними этажами, прыгая по мостовой, или лучше-сказать навороченнымъ безъ толку камнямъ, между вереницами навьюченныхъ всякой всячиной ословъ, толпами оборванныхъ хамалей и цѣлымъ населеніемъ бродячихъ собакъ. Шагая по грудамъ тлѣющей золы и кучамъ смраднаго пепла, на развалинахъ вчерашняго пожара, дошли мы до Галатскихъ-воротъ, и мимо изящнаго мраморнаго фонтана и какого-то кладбища повернули въ уз-

кую, извилистую улицу, которая круто подымалась вверхъ, вся изрытая ямами, усѣянная каменьями и похожая на изсохшее русло какой-нибудь горной рѣчки. Это главное сообщеніе Галаты съ Перою. Черезъ нѣсколько минутъ добрался я наконецъ, усталый и измученный, къ каменному четырехъэтажному дому съ вывѣскою Hôtel d'Europe.

Мнѣ отвели маленькую спальню, въ которой ничего не было восточнаго, кромѣ разостланной на столѣ алой суконной скатерти съ вышитымъ шелками вензелемъ султана Абдулъ-Медшида. Къ этой комнаткѣ примыкала общая для трехъ номеровъ зала, обставленная по стѣнамъ турецкими диванами: изъ оконъ ея открывалась панорама Стамбула съ безчисленными куполами и минаретами, и Золотой-Рогъ съ вымпелами несчетныхъ судовъ и стаями летающихъ по всѣмъ направленіямъ каиковъ. Въ этой залѣ я имѣлъ право сидѣть весь день, и пожалуй хоть цѣлую ночь, еслибъ пришла охота любоваться видами при свѣтѣ мѣсяца.

Я успѣлъ уже отдохнуть и переодѣться, когда звонокъ пригласилъ жильцовъ Hôtel d'Europe въ столовую. Небольшая зала въ нижнемъ этажѣ, съ стеклянной галереей, обращенной на маленькій дворикъ, вся уставленная деревьями и цвѣтами, похожа была на римскій триклиніумъ, а сервировка стола и французскіе лакеи напоминали парижскіе рестораны. Къ обѣду собралось человѣкъ пятнадцать гостей со всѣхъ концовъ Европы: корреспондентъ французскаго журнала, англичанинъ съ семействомъ, русская барыня, отправлявшаяся на богомолье въ Палестину, итальянскій купецъ, нѣмецъ-художникъ и какая-то старуха молдаванка, которую хозяинъ величалъ княгинею. Разговоръ шелъ сперва о выборахъ депутатовъ въ Дунайскихъ-княжествахъ, а потомъ о пожарѣ, истребившемъ въ прошлую ночь двѣсти домовъ въ Галатѣ, и о дневномъ грабежѣ на главной улицѣ Перы. Видно было однакожъ, что послѣднія событія тревожили только пріѣзжихъ, потому-что сеньоръ Деступіано, обѣдавшій вмѣстѣ съ своими гостями, слушалъ все это очень хладнокровно, и когда

я спросилъ, какъ они не боятся такихъ безпрестанныхъ тревогъ, онъ спокойно отвѣчалъ мнѣ:

— Чего-же бояться? вѣдь это бываетъ здѣсь почти всякій день!

Одинъ переходъ отъ пристани къ гостинницѣ убѣдилъ меня, что безъ проводника въ Константинополѣ такъ-же легко запутаться, какъ и въ Критскомъ-лабиринтѣ. Противъ обыкновенія я рѣшился запастись на этотъ разъ аріадниной нитью въ лицѣ какого-нибудь наемнаго лонъ-лакея. Когда я сказалъ объ этомъ хозяину, онъ представилъ мнѣ низенькаго одноглазаго грека и рекомендовалъ, что этотъ человѣкъ знаетъ Константинополь, какъ собственные карманы и говоритъ на пяти языкахъ. Криваго чичероне звали Папатоли. Съ первыхъ словъ онъ объявилъ мнѣ, что съ молокомъ матернимъ всосалъ любовь къ русскимъ и готовъ отдать мнѣ въ наймы свои знанія и ноги по четыре франка въ день.

Только-что начало темнѣть, опять раздалась пушечная пальба, и я отправился съ своей аріадниной нитью смотрѣть знаменитую иллюминацію послѣдней ночи рамазана. По лабиринту улицъ Галаты добрались мы до уродливаго подобія деревяннаго моста, поставленнаго на заливѣ, и взяли на пристани лодку.

Стамбульскій каикъ достойный соперникъ венеціянской гондолы. Одна какъ-будто нарочно выдумана для свиданій и пѣсенъ любви, другой для кейфа и пріятнаго бездѣйствія. Это легкая, съ обѣихъ сторонъ остроконечная лодка, покрытая сплошной рѣзьбою изъ орѣховаго дерева, въ видѣ цвѣтовъ и арабесковъ. Вмѣсто скамеекъ разостланъ въ ней коверъ, а на немъ лежитъ красная суконная подушка, до половины отогнутая на спинку. Съ перваго раза кажется странно сидѣть поджавъ или вытянувъ ноги на коврѣ; но скоро понимаешь, что иначе нельзя и держаться въ этой необыкновенно-легкой лодкѣ, которая качается отъ малѣйшаго прикосновенія и порхаетъ по водѣ съ поражающей быстротою. Если гондола своимъ зубчатымъ хвостомъ напоминаетъ

рыбу, то каикъ по острому носу и широкимъ весламъ похожъ на чайку, скользящую на своихъ тонкихъ и длинныхъ крыльяхъ.

Каикчи въ полосатой кисейной рубашкѣ, широкихъ бѣлыхъ шальварахъ и малиновомъ тарбушѣ съ голубой кистью, загорѣлый и суровый, съ обнаженной грудью и голыми до локтей руками, взялся за весла, — и мы понеслись къ выходу изъ Золотаго-Рога, между стаями разлетающихся во всѣ стороны каиковъ, при неумолкающемъ крикѣ: вардà! вардà! Быстро наступавшіе сумерки и облака пушечнаго дыма застилали отъ насъ панораму города, и только кое-гдѣ проглядывалъ минаретъ или клочекъ зелени и сверкали огоньки приготовляемой иллюминаціи. Но по-мѣрѣ-того, какъ дымная завѣса приподымалась, ночь становилась темнѣе, какъ-будто торопясь приготовить черный грунтъ для огненной картины.

Когда мы, обогнувъ Топхану, переплыли косвенно черезъ Босфоръ и подошли къ Леандровой-башнѣ, одиноко подымающейся надъ водами пролива, между Европой и Азіей, весь Константинополь загорѣлся уже огнями. Вотъ наконецъ этотъ поэтическій Востокъ, напоминающій яркія краски вымысловъ Шехеразады. Ни видъ съ кремлевской горы на Москву въ ночь на свѣтлое-воскресенье, ни газовыя иллюминаціи парижскихъ бульваровъ и Елисейскихъ-полей, не даютъ понятія о волшебной картинѣ, которая открывается отъ скутарійскаго берега въ канунъ курбатъ-бэйрама. По обѣимъ краямъ Золотаго-Рога, налѣво передъ Сералемъ, направо у дворца Дольма-Бахче, загорѣлись калоссальныя турà султанскаго вензеля, изъ фантастически переплетенныхъ восточныхъ буквъ. Надъ ними, по всему амфитеатру города, надъ массою зданій, утопающихъ въ темной пустотѣ, вспыхнули безчисленныя огненныя кольца: это иллюминованные балконы константинопольскихъ минаретовъ. При яркомъ свѣтѣ ихъ, самыя строенія пропадали въ темнотѣ, и казалось, передъ нами на безконечномъ пространствѣ висѣли тысячи люстръ въ два и три кольца, которыя подымаясь одна надъ другою, терялись въ

глубокой дали. Ярче другихъ свѣтился направо широкій вѣнецъ Галатской-башни, налѣво группа симметрически горящихъ тройныхъ колецъ на шести минаретахъ Ахмедіе. И блескъ этихъ огней, оставляя во тьмѣ куполы мечетей, отражался только на ихъ позолоченной лунѣ, и казалось сотни золотыхъ, сверкающихъ полумѣсяцевъ вошли на небѣ, среди какихъ-то фантастическихъ созвѣздій. И все это, опрокидываясь, повторяется въ темной глубинѣ Золотаго-Рога и Босфора. Эта ночь одна изъ Тысячи-и-одной ночи!

Часовъ въ десять воротились мы опять въ заливъ и добрались до Топханской-пристани. Темныя улицы, кое-гдѣ только освѣщенныя слабыми огоньками изъ дверей кофеенъ и табачныхъ лавокъ, послѣ блеска иллюминаціи, казались мрачными вертепами. При неистовомъ лаѣ грызущихся собакъ дошли мы до гостинницы, и я уснулъ въ ожиданіи утренняго торжества бэйрама.

II.

Курбатъ - Бэйрамъ.

Въ три часа ночи подъ окнами моей спальни раздались глухіе звуки турецкаго барабана и послышалось какое-то дикое, гортанное завыванье. Это были имамы, обходящіе приходы своихъ мечетей съ повѣсткой о наступленіи праздника. Я вышелъ въ залу и отворилъ окно. Во всѣхъ концахъ города слышался глухой гулъ барабана, и крики имамовъ сливались съ воемъ безчисленныхъ собакъ, которыя проснулись, кажется, на эту музыку во всемъ Константинополѣ и вмѣстѣ съ правовѣрными привѣтствовали наступленіе бэйрама. Черезъ полчаса раздалось съ минаретовъ заунывное пѣніе муэззиновъ, и потомъ вся эта увертюра закончилась громомъ выстрѣловъ въ Европѣ и Азіи.

Папатоли пришелъ сказать, что верховыя лошади готовы. Мы спустились въ Галату, въ сопровожденіи санса, который бѣжалъ за нами, положа руку на крестецъ моей лошади. Солнце всходило: золотые полумѣсяцы такъ и горѣли на куполахъ мечетей. По Галатскому-мосту двигались кареты съ сверкающими золотомъ сановниками, талики или большія фуры съ овальными окнами, запряженныя парой воловъ и наполненныя окутанными въ яркія одежды женщинами, пашы на

арабскихъ лошадяхъ съ шагающими позади сансами и трубконосцами. По Золотому-Рогу неслись раззолоченные каики, сверкая рядами бѣлыхъ красноголовыхъ гребцовъ. Все это спѣшило къ Сарай-Бурну или старому Сералю.

По извилистой улицѣ, обставленной жалкими деревянными домиками, приѣхали мы къ древнему Августеону, площади передъ бывшимъ дворцомъ византійскихъ императоровъ. Мы отдали лошадей своему сансу. Кривая улица, пролегающая отъ Сераля къ мечети Ахмедіе, гдѣ въ этотъ годъ должно было совершаться освѣщеніе праздничныхъ барановъ, уставлена уже была рядами султанской гвардіи, въ красныхъ сюртукахъ съ черными бархатными нашивками на груди, въ алыхъ тарбушахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Блестящая обмундировка не скрывала жалкаго вида солдатъ: мундиры были почти англійскіе, лица почти китайскія. Вдоль зубчатой стѣны Сераля, по обѣимъ сторонамъ его воротъ и у стоящаго на площади прелестнаго фонтана съ золотыми куполами и арабесками, оборванные турки наставили скамеекъ и подмостковъ и съ крикомъ приглашали смотрѣть султанскій поѣздъ.

Сераль съ перваго взгляда напомнилъ мнѣ Кремль, и своей зубчатой стѣною, и примыкающими къ нему садами. Ворота Баба-Гамаюнъ были отворены. Мы вошли на первый дворъ. Это большая площадь, обведенная со всѣхъ сторонъ бѣлыми стѣнами. Направо стоитъ башня съ фонтаномъ, и за нею ворота въ садъ Гюль-бахче, гдѣ надъ кустами розъ и жесминовъ подымаются кіоски и бѣлый стержень Ѳеодосіевой-колонны, а между ними синѣетъ Мраморное-море. Налѣво тянется зданіе Монетнаго-двора и ворота въ другой садъ Гюль-ханѐ, густо усаженный темными кипарисами, платанами и зонтичными пиніями, сквозь которыя просвѣчиваетъ синяя полоса Золотаго-Рога. Прямо передъ входомъ подымаются зубчатыя ворота Орта-Капу, которые ведутъ на внутренній дворъ. Въ лѣвомъ углу площади стоитъ церковь св. Ирины, обращенная теперь въ арсеналъ стариннаго оружія. Передъ нею видны три гробницы изъ краснаго порфира съ

выпуклыми полуобитыми крестами, и римскій саркофагъ бѣлаго мрамора съ почернѣвшими барельефами. Никто не знаетъ, какіе деспоты лежали въ этихъ изуродованныхъ гробницахъ: турки развѣяли прахъ ихъ, а время истребило и самыя имена. Но передъ церковью подымается платанъ, который вѣроятно помнитъ не одного изъ византійскихъ императоровъ. Я не видывалъ такого колоссальнаго дерева: стволъ его похожъ на башню, а сучья раскидываются во всѣ стороны, точно исполинскія горизонтальныя деревья. Говорятъ, Магометъ II стоялъ подъ тѣнью его въ день взятія Константинополя.

Черезъ дворъ отъ однихъ воротъ до другихъ тянулась та-же султанская гвардія, а по сторонамъ стояли кареты и коляски съѣзжающихся пашей, и сапсы держали прекрасныхъ верховыхъ лошадей съ шитыми золотомъ чапраками. Зрители были почти все европейцы: вездѣ виднѣлись пальто и шляпки, слышался французскій и англійскій языкъ. Турокъ, кромѣ оффиціальныхъ лицъ, почти не было; только съ десятокъ уродливыхъ таликъ, расписанныхъ цвѣтами и фруктами, какъ подносы въ русскихъ харчевняхъ, и набитыхъ окутанными въ бѣлые яшмаки женщинами, выражали мусульманское любопытство. На дворѣ было такъ просторно, что я пробрался съ своимъ проводникомъ до самыхъ воротъ Орта-Капу. Передъ нами подымался кіоскъ съ тѣмъ роковымъ окномъ, гдѣ въ блаженныя янычарскія времена выставлялись отрубленныя головы, навлекавшія гнѣвъ падишаха. Но послѣ мертвой головы янинскаго Али-Паши выставка ограничилась здѣсь одними мѣшками свѣжепросольныхъ носовъ и ушей, да и та съ воцареніемъ Абдулъ-Медшида пришла въ упадокъ къ огорченію правовѣрныхъ.

Въ шесть часовъ изъ воротъ выбѣжалъ низенькій турокъ въ военномъ сюртукѣ и фесѣ и торопливо замахалъ руками. Войско выровнялось. Вслѣдъ за тѣмъ хлынула цѣлая толпа сановниковъ въ раззолоченномъ нарядѣ, и сапсы

начали подавать верховыхъ лошадей. Процессія двинулась изъ Орта-Капу.

Впереди негры въ бѣлыхъ чалмахъ вели восемь арабскихъ лошадей въ наборной сбруѣ, блиставшей золотомъ, въ чапракахъ съ султанскимъ вензелемъ изъ дорогихъ камней. Онѣ показались мнѣ, впрочемъ, довольно-обыкновенными. Потомъ вывели еще двухъ лошадей, знаменитой кровной породы неджд, прославленной въ арабскихъ пѣсняхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, ихъ свѣтлые умные глаза, легкая поступь или лучше сказать походка, въ состояніи вскружить голову любителю. Уборъ на нихъ весь залитъ былъ въ золото и алмазы. Затѣмъ потянулись въ два ряда пики или султанскіе тѣлохранители, въ военныхъ сюртукахъ, бѣлыхъ шелковыхъ панталонахъ и красныхъ ускуфахъ, похожихъ на монашескіе клобуки, съ аршиннымъ перомъ радужныхъ цвѣтовъ, отогнутымъ назадъ въ видѣ широкаго гребня. Эти маскарадные стражи, вооруженные теберами или алебардами, съ позолоченнымъ лезвеемъ въ видѣ полумѣсяца, выступали какимъ-то заученнымъ шагомъ, непохожимъ ни на ходьбу, ни на маршировку. Въ ихъ надутыхъ лицахъ, забавной выступкѣ и пошломъ нарядѣ было столько комическаго, что я невольно вспомнилъ хохлатаго австралійскаго журавля, который маршировалъ передъ нами въ лондонскомъ Зоологическомъ-саду. Наконецъ, окруженный такими-же престарѣлыми пажами, на прекрасномъ сѣромъ конѣ, у котораго сбруя горѣла въ брилліантахъ, ѣхалъ султанъ. На плечахъ у него былъ накинутъ харвани, синій суконный плащъ съ стоячимъ малиновымъ воротникомъ, застегнутый на шеѣ аграфомъ изъ дорогихъ камней, а на головѣ круглый алый тарбушъ, на которомъ вмѣсто кисти подымалось прямое палевое перо, пристегнутое брилліантовымъ полумѣсяцемъ. Онъ сидѣлъ на лошади съ совершенной неподвижностью. На блѣдномъ худощавомъ лицѣ его не видать было ничего, кромѣ холоднаго безстрастія и какой-то печальной усталости. Еслибъ онъ изрѣдка не подымалъ глазъ, можно бы по-

думать, что это восковая фигура: на поклоны европейцевъ онъ медленно опускалъ рѣсницы, на колѣнопреклоненія турокъ не обращалъ вниманія. За хвостомъ его лошади, переваливаясь съ ноги-на-ногу, двигались кизляръ-агаси и капу-агаси, начальники евнуховъ, одинъ черный какъ сапогъ, другой желтый какъ лимонъ. Ихъ пухлыя и сморщенныя лица, похожія на гнилыя печеныя яблоки, ихъ отвислыя губы и слезящіеся глаза казались еще отвратительнѣе при военныхъ сюртукахъ, въ которыхъ сукно исчезало совсѣмъ подъ золотой вышивкою. У воротъ они сѣли на лошадей, и къ нимъ примкнула цѣлая кавалькада визирей, пашей и беевъ, въ мундирныхъ вышитыхъ сюртукахъ и красныхъ тарбушахъ. Поѣздъ медленно прошелъ черезъ дворъ и изчезъ въ воротахъ Баба-Гамаюнъ. Вотъ послѣдніе остатки дари-саадета, безчисленнаго султанскаго двора, который въ былые годы поражалъ своею пышностью. Махмудъ вмѣстѣ съ янычарами разогналъ и серальскую челядь: съ его реформою исчезли эти толпы бѣлыхъ и черныхъ придворныхъ, нѣмыхъ и карликовъ, носителей чубуковъ и скамеекъ, раздавателей золота и петлей—и изъ всѣхъ орудій варварства, олицетворявшихъ страсти намѣстниковъ Пророка, уцѣлѣли неизмѣнно одни представители ревности.

Какъ-только процессія скрылась, намъ позволили переступить за Орта-Капу. Мы прошли страшныя ворота, досихъ-поръ почти недоступныя путешественникамъ. Внутри они убраны топорами, алебардами и атаганами. Но туристъ не увидитъ въ нихъ теперь ни кожаныхъ мѣшковъ, для выставки головъ и соленыхъ ушей, ни знаменитой ступы, въ которой полагалось толочь священную особу муфтія, въ случаѣ отступленія его отъ правилъ ислама. Мы вошли на внутренній дворъ. Съ одной стороны онъ застроенъ кіосками съ рѣшетчатыми окнами, съ другой во всю длину его тянется низкое зданіе со множествомъ маленькихъ свинцовыхъ куполовъ. Это султанскія кухни, съ которыхъ въ старые годы питали всякій день десяти-тысячную дворню. Отъ

Орта-Капу широкая аллея платановъ и кипарисовъ ведетъ къ Баба-Саадетъ или Воротамъ-Блаженства, то-есть ко входу въ самый дворецъ. Это перистиль изъ арабскихъ арокъ, на мраморныхъ и порфировыхъ колоннахъ, среди котораго подымается сквозной кіоскъ, съ свинцовымъ куполомъ, выложенный цвѣтнымъ мраморомъ, мозаичными арабесками и восточными надписями изъ граціозно-переплетенныхъ восточныхъ буквъ. По сторонамъ, въ глубинѣ аркады, намалеваны грубые пейзажи, съ ярко-цвѣтными деревьями и домами, совершенно въ томъ вкусѣ, какъ расписывались лѣстницы въ московскихъ трактирахъ. При мраморѣ и порфирѣ малеванья эти кажутся еще безобразнѣе.

Съ лѣвой стороны отъ этихъ блаженныхъ воротъ стоитъ еще большой кіоскъ. Въ окнахъ его, до половины завѣшенныхъ зеленою тафтою, виднѣлось нѣсколько женскихъ головъ, закутанныхъ въ бѣлые кисейные яшмаки, изъ-подъ которыхъ свѣтились выразительные черные глаза. Руки, затянутыя въ бѣлыя лайковыя перчатки, съ золотыми браслетами, опирались на подоконники или играли опахалами изъ цвѣтныхъ перьевъ. Позади показывалась иногда черная голова въ бѣлой чалмѣ, и ея отвислыя губы и желтоватые глаза доказывали, что она принадлежала къ вѣдомству почтеннаго кизрялъ-агаси. Это высочайшій гаремъ падишаха. Передъ кіоскомъ разставлено было десятка два разнокалиберныхъ дивановъ, орѣховаго и краснаго дерева, обитыхъ синимъ и желтымъ бараканомъ. Вокругъ этой жалкой мебели, какъ-будто собранной наудачу изъ трактировъ, толпились слуги съ сумками черезъ плечо и съ чубуками въ кожаныхъ и клеенчатыхъ чехлахъ. Тутъ должны отдыхать сановники по возвращеніи изъ мечети.

Рослые платаны и кипарисы, разбросанные передъ входомъ во дворецъ, обведены круглыми каменными пьедесталами, изъ которыхъ деревья подымаются, какъ изъ цвѣточныхъ кадокъ. Я взобрался на одну изъ этихъ платформъ, въ ожиданіи послѣдняго акта комедіи.

Черезъ часъ процессія потянулась обратно отъ воротъ Орта-Капу, почти въ томъ-же порядкѣ. За выступающими журавлемъ пенками ѣхалъ по-прежнему султанъ на своемъ сѣромъ конѣ, съ тѣмъ-же усталымъ и безстрастнымъ взглядомъ. Но свита шла уже пѣшкомъ, и въ ней вмѣстѣ съ чернымъ и бѣлымъ хранителемъ женской вѣрности шли главные хранители мусульманской вѣры, шейхъ-уль-исламъ и меккскій шерифъ, въ кашемировыхъ халатахъ и чалмахъ, одинъ весь бѣлый, точно какаду, другой съ головы до ногъ зеленый, какъ попугай. Шествіе заключалось десятью освященными баранами, у которыхъ рога были обвиты гирляндами цвѣтовъ. Султанъ сошелъ съ лошади и скрылся въ Воротахъ-Блаженства вмѣстѣ съ баранами. Свита осталась на дворѣ.

Паши и муширы разсѣлись по диванамъ, спиною къ женскому кіоску, и чубукчи разнесли имъ жесминные чубуки, сверкавшіе золотомъ и цвѣтными камнями. Всѣ правовѣрные уста задымились. Неужели-же это представители Турціи! Какъ коровы Фараона, всѣ эти сановники неумѣренно толсты или до крайности худощавы. Никогда не видалъ я заразъ такого количества шарообразныхъ животовъ, истощенныхъ желто-лимонныхъ лицъ, оловянныхъ и неподвижныхъ глазъ. Все это, лишенное широкой шубы и пышной чалмы, въ коротенькихъ сюртукахъ и узкихъ панталонахъ, было до-крайности пошло. А великолѣпное золотое шитье и блестящія алмазами трубки, при этихъ трактирныхъ диванахъ и толпящихся позади слугахъ съ протертыми локтями, представляло жалкую смѣсь богатства и нищенства. Во всей коллекціи этихъ трехбунчужныхъ брюхъ только два лица смотрѣли по-человѣчески: это великій-визирь Решидъ-паша, низенькій старичокъ, съ сѣдой бородою и умными свѣтлыми глазами, да Омеръ-паша, высокій, стройный мущина, который не столько, кажется, участвовалъ въ церемоніи, какъ глазѣлъ на европейскихъ зрительницъ.

Между-тѣмъ передъ султанскимъ кіоскомъ разостлали

большой турецкій коверъ и поставили на немъ тронъ, или лучше-сказать небольшой диванъ, обитый золотой парчей и унизанный камнями, а подлѣ него низенькій табуретъ, въ родѣ нашихъ дамскихъ скамеечекъ. Взводъ султанской гвардіи, примкнувъ къ обѣимъ сторонамъ кіоска, развернулся передъ входомъ во дворецъ, около трона, правильнымъ полукругомъ. Въ серединѣ дуги помѣстился хоръ музыки.

Раздалась увертюра изъ Риголетто. Султанъ, въ сопровожденіи десяти хохлатыхъ стражей, вышелъ изъ дворца медленной, усталой поступью, опустился на тронъ и протянулъ на табуретъ ногу, обутую въ лакированный сапогъ. Войско прокричало три раза привѣтствіе падишаху.

Какъ-только замолкъ этотъ хриплый крикъ, великій визирь, отдѣлясь отъ толпы нашей, вошелъ въ кругъ, медленно обогнулъ его до середины, повернулся и, наклоня голову, сталъ подходить къ султану. Остановясь передъ трономъ, онъ приложилъ руку къ сердцу, потомъ ко лбу, опустился на землю и протянулъ губы къ блестящему сапогу падишаха; но султанъ поднялъ его и поцѣловалъ въ плечо. Тойже чести удостоились бѣлый муфти и зеленый шерифъ. За ними начали подходить позолоченные паши и муширы. Всѣ эти толстыя брюхи прилегали въ свою очередь къ землѣ, губы прикладывались къ августѣйшему сапогу, и желтыя лица отражались, какъ въ зеркалѣ, въ его лакированной кожѣ. Султанъ оставался безстрастнымъ: казалось, онъ спалъ съ открытыми глазами при неумолкающихъ звукахъ оперной музыки.

Монотонное однообразіе серальской церемоніи одинъ разъ только оживилось отъ неожиданнаго случая. Еще до начала султанскаго выхода десятка два европейскихъ шкиперовъ и матросовъ взобралось на деревья, которыми усаженъ дворъ Сераля. Въ то время, когда черный кизляръ-агаси упалъ ничкомъ передъ султаномъ, и протянулъ отвислыя губы къ его сапогу, какой-то голландскій шкиперъ, въ синей курткѣ

и лакированной шляпѣ, сорвался съ ближайшаго къ намъ платана и тяжело рухнулъ на толпу стоявшихъ подъ деревомъ француженокъ. Раздалось нѣсколько криковъ. Султанъ не пошевелилъ головой, но лицо его какъ-будто проснулось и пристальный взглядъ оборотился въ нашу сторону съ замѣтнымъ любопытствомъ. Но черезъ минуту глаза его опять потухли въ прежнемъ безстрастіи.

Когда весь дворъ приложился къ высочайшему сапогу, султанъ поднялся съ трона, и при крикахъ войска и громѣ музыки, удалился въ Сераль. Этимъ кончилось блистательно-жалкое торжество, въ которомъ такъ хорошо выразилась современная Турція. Мы отыскали своего сапса и сѣли на лошадей.

Когда мы проѣзжали черезъ Галатскій-мостъ, большой султанскій каикъ, весь въ золотѣ, отвалилъ отъ серальской пристани. Человѣкъ сорокъ гребцовъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ и красныхъ тарбушахъ, разомъ наклонялись впередъ и откидывались назадъ; двѣ линіи веселъ мѣрно взлетали надъ водой, и сверкнувъ на солнцѣ, дружно падали на голубую поверхность залива, унося каикъ по направленію къ Дольма-Бахче. Вслѣдъ за нимъ десятки другихъ раззолоченныхъ лодокъ неслись съ пашами и сановниками, какъ стая птицъ, въ синее отверстіе Босфора.

III.

Изнанка Константинополя.

Какъ я ни былъ приготовленъ на Востокѣ къ разумному совѣту Горація nil admirari, но первая прогулка по Константинополю меня озадачила. Нѣтъ города въ мірѣ, гдѣ-бы сталкивались такіе вопіющіе контрасты. Здѣсь прекраснѣйшая въ свѣтѣ панорама и грязныя улицы, великолѣпная мечеть подлѣ остатковъ пожарища, мраморные кіоски рядомъ съ полуобрушенными лачугами, кладбище среди шумнаго базара, дымящееся благовонное наргилэ въ виду навозной кучи, прекрасные глаза красавицы на-ряду съ обнаженными на показъ ранами нищаго.

Того, что мы привыкли называть улицами и площадями, въ Константинополѣ совсѣмъ нѣтъ. Весь онъ состоитъ изъ тѣсныхъ, кривыхъ закоулковъ и неправильныхъ пустырей, вымощенныхъ камнями, навороченными ребромъ и бокомъ, между которыми лежатъ паршивыя собаки или скопляется невысыхающая грязь. И какъ золотыя вещи, затерянныя въ помойной ямѣ, среди этого смраднаго лабиринта попадается то взлетающій двумя рядами арокъ древній водопроводъ или колоссальная мраморная цистерна, то изящный арабскій фонтанъ или величественная аркада мечети.

Когда мы шли съ Папатоли отъ Галатскаго-моста къ Ая-Софіи, я не могъ помириться съ мыслью, что это одна изъ главныхъ улицъ Стамбула. Передъ нами тянулись два ряда деревянныхъ домишекъ грязно-краснаго цвѣта, сколоченныхъ изъ досокъ, съ зелеными рѣшетками къ окнахъ. Верхніе этажи ихъ выступаютъ впередъ такъ, что кажется идешь подъ какимъ-то треснувшимъ навѣсомъ, въ которомъ видна только узкая полоса голубаго неба. Безъ дворцовъ и мечетей это былъ бы не городъ, а становище кочевой орды, которая четыре вѣка не снимала своихъ кибитокъ.

Съ трудомъ пробирался я съ камня на камень. На каждомъ шагу улица представляла что-нибудь любопытное и новое. Вотъ изящный фонтанъ въ видѣ мраморнаго кіоска, съ позолоченными куполами, весь покрытый арабесками и золотыми надписями. На ступеняхъ его лежатъ нищіе въ лохмотьяхъ; женщины, придерживая въ зубахъ концы своихъ покрывалъ, цѣдятъ воду въ желтыя глиняныя вазы и уносятъ ихъ на головѣ, шлепая по грязи своими туфлями. Вотъ лавочка тутунджи или табачнаго торговца, въ которой бородатый хозяинъ въ шубѣ и чалмѣ сидитъ важно и задумчиво между желтыми грудами душистаго латакіе. Тамъ мастерская могильныхъ памятниковъ, уставленная мраморными столбиками съ раскрашенной чалмой или фесомъ и золотыми текстами изъ Корана; а подлѣ лавка кипарисныхъ сундуковъ и шкатулокъ, которая обдаетъ всю улицу густымъ благовоннымъ запахомъ. Тутъ гауптвахта, гдѣ солдаты сидятъ на землѣ, поджавъ ноги, и лѣниво поднимаются, когда часовой дикимъ воплемъ возвѣститъ о появленіи какого-нибудь паши.

Улица биткомъ набита народомъ. По ней двигаются талики, турецкія кареты, раззолоченныя и раскрашенныя, съ овальными окнами, завѣшенными изнутри цвѣтной тафтою. Арбы или фуры, съ парусиннымъ навѣсомъ на точеныхъ столбикахъ, тащатся, запряженныя парой дымчатыхъ быковъ, убранныхъ цвѣтными кистями и фольгой. Изъ тѣхъ

и другихъ выглядываютъ женщины и дѣти въ яркихъ одеждахъ. Всадники въ чалмахъ и тарбушахъ пробираются между тяжелыми экипажами. Взадъ-и-впередъ бѣгутъ вереницы хамалей, согнувшись подъ какой-нибудь тяжестью, такъ-что кисти ихъ тарбушей едва не волочатся по землѣ. Женщины въ свѣтлозеленыхъ, палевыхъ, розовыхъ и голубыхъ халатахъ бредутъ, шлепая желтыми туфлями и поддерживая одной рукой неуклюжее платье, а другою — свой бѣлый кисейный яшмакъ.

У самаго моста встрѣтили мы любопытную кавалькаду. Верхомъ на прекрасной лошади, покрытой шитымъ золотомъ чепракомъ, ѣхалъ стройный, прекрасный мущина, съ молодецкой посадкой какого-нибудь кавалергарда, въ черной шелковой рясѣ съ башлыкомъ, поднятымъ на бархатную камилавку. Двое служителей, въ кафтанахъ съ длинными разрѣзными рукавами и высокихъ бараньихъ шапкахъ, вели за повода его лошадь; а позади ѣхали верхомъ два монаха въ рясахъ съ поднятыми капишонами. У всѣхъ были свѣжія, здоровыя лица и великолѣпныя бороды, черныя какъ ихъ платье.— Это армянскій патріархъ! шепнулъ мнѣ проводникъ.

Когда мы подходили къ пзящной арабской аркадѣ Валидѐ-джами, ближайшей мечети отъ моста, на встрѣчу намъ выступила вереница ословъ, нагруженныхъ крестъ-на-крестъ сложенными на спинѣ досками. Улица была такъ узка, что концы досокъ чуть не задѣвали за дома по обѣ стороны. Вардà! вардà! кричалъ полунагой погонщикъ. Арбы и талики начали сворачивать въ боковые переулки. Боясь быть раздавленнымъ, я прыгнулъ въ первую дверь, и едва не поскользнулся въ лужѣ пролитой на полу крови. Вокругъ стѣнъ грязной комнаты тянулись оборванные диваны, и на нихъ сидѣли турки съ длинными трубками и чашечками кофе, а передъ самыми дверьми одному правовѣрному брили голову, другому ставили рожки.

— Что это такое? спросилъ я своего проводника.

— Турецкая кофейня! отвѣчалъ онъ съ гримасою.

Ни одно жидовское мѣстечко въ Бѣлоруссіи не въ-состояніи оспаривать у Константинополя пальму грязи и зловонія. На всѣхъ улицахъ видны груды сору и нечистотъ, выброшенныя кости и гнилые овощи. Кажется, со временъ императора Константина здѣсь не мели и не чистили ни одной улицы. Среди этого смрада гнѣздятся отвратительныя собаки и неменьше отвратительные нищіе; однѣ вѣчно живутъ на мостовой, другіе на дворахъ мечетей, и одинаково питаются подаяніемъ правовѣрныхъ.

Кто не видалъ Константинополя, тотъ и понятія не имѣетъ о нищихъ и калѣкахъ. Что значатъ передъ ними тѣ уроды, съ подрѣзанными жилами, которыхъ возили бывало въ телѣжкахъ по русскимъ ярмаркамъ и богомольямъ. У кофеенъ, при входахъ въ мечети и на ступеняхъ фонтановъ встрѣчаете вы безпрестанно нищихъ, почти голыхъ, съ однимъ обрывкомъ какого-нибудь грязнаго рубища на поясѣ, съ татуированной грудью, съ отвратительной наготою кровавыхъ ранъ. Никогда не забуду я страшнаго существа, которое мы видѣли у Галатскаго-моста. Это былъ человѣкъ сухой и желтый, съ острой бородкой и мелкими зубами, какъ перловая крупа. Вокругъ пояса висѣли у него какія-то темныя лохмотья, а на головѣ желтое рубище, изъ-подъ котораго вмѣсто ушей виднѣлись одни слуховыя отверстія. На обнаженной груди его наколотъ былъ черный узоръ, затертый порохомъ, а на правомъ плечѣ вмѣсто руки остались только страшные слѣды грубой операціи. Отрѣзанная рука, искусно высушенная, съ растопыренными вѣеромъ пальцами, вдѣлана была въ деревянную подставку, похожую на подсвѣчникъ, и стояла передъ хозяиномъ въ качествѣ возбуждающей къ состраданію вывѣски. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ длинную трубку, а у ногъ его стояла деревянная чашечка съ мѣдными деньгами. Какой-то прохожій турокъ, старикъ въ до-махмутовской чалмѣ и халатѣ, замѣтивъ, что трубка погасла въ рукѣ калѣки, остановился, набилъ ее изъ своего кисета и всунулъ ему въ ротъ. Нищій

пробормоталъ благодарственное: Аллахъ версынъ! и предался кейфу въ струяхъ табачнаго дыма.

Проходя мимо, я бросилъ ему нѣсколько мѣдныхъ паръ. Онъ свирѣпо окинулъ меня взглядомъ, съ круглой шляпы до сапогъ, и проводилъ хриплымъ привѣтствіемъ: — да спалитъ Аллахъ всѣхъ гяуровъ въ вѣчномъ огнѣ!

— Собака такъ собака и есть! проворчалъ Панатоли, когда мы отошли отъ турка: — вѣрно потерялъ уши не даромъ!

Константинопольскія собаки — настоящіе хозяева улицъ. Тутъ живутъ онѣ, питаются и плодятся. Мѣстами ихъ такъ много, что кажется, будто вся улица вымощена собаками. Это совершенно особая порода: всѣ онѣ рыжія или бурыя, страшно худыя, съ тонкими длинными лапами, точно какіе-нибудь четвероногіе паукі. У стамбульскихъ собакъ есть своя исторія. Цвѣтущее время исламизма было ихъ золотымъ вѣкомъ, а сближеніе турокъ съ гяурами вызывало всегда преслѣдованія. Самыя тяжелыя эпохи въ собачьей исторіи — царствованіе Махмуда и послѣдняя война съ Россіею. Ободренный истребленіемъ янычаръ, турецкій реформаторъ хотѣлъ уничтожить и собакъ: ихъ ловили, сажали въ лодки и отправляли на Принцевы-острова. Но собакъ истребить было труднѣе, чѣмъ янычаръ: по смерти гонителя онѣ расплодились опять по городу. Въ началѣ восточной войны константинопольскія собаки страшно выли по ночамъ. Греки, вѣрующіе въ пророческій смыслъ этого воя, не сомнѣвались, что онъ предвѣщаетъ конецъ Турціи, но предсказатели ошиблись, какъ и знаменитый пророкъ ихъ Мартынъ-Задека. Собаки выли только на свою голову. Французы передъ отъѣздомъ въ Крымъ открыли на нихъ страшное гоненіе: каждую ночь солдаты ловили ихъ арканами и топили въ морѣ. Бѣдныя собаки гибли отъ западныхъ варваровъ совершенно по-восточному, какъ въ былые годы паши и одалиски. Разумѣется, онѣ пережили и этотъ терроръ, но онъ сильно подѣйствовалъ на ихъ молодое поколѣніе: какъ и сами турки, онѣ теперь

скалятъ зубы только на грековъ и поджавъ хвостъ сторонятся отъ европейцевъ.

Мы поровнялись съ Ахмедовой-мечетью въ часъ вечерней молитвы. Это единственная джами во всемъ Константинополѣ, при которой построено шесть минаретовъ. На каждомъ изъ нихъ по три круглыхъ балкона, одинъ надъ другимъ. Проводникъ совѣтовалъ мнѣ дождаться параднаго крика муэззиновъ, который въ первые дни бэйрама совершается при этой мечети по-два раза въ день, съ особой пышностью. Въ пять часовъ на всѣхъ минаретахъ показались на каждомъ балконѣ по четыре муэззина, и оборотясь на четыре стороны, затянули хриплымъ и дикимъ, но довольно согласнымъ хоромъ: «ла илаге иль Аллахъ!» Въ этомъ чудовищномъ завываньѣ было что-то свирѣпое и грозное, какъ призывъ къ войнѣ или убійству во имя фанатической вѣры.

Первая прогулка по Константинополю съ непривычки утомила меня. Папатоли предложилъ мнѣ отдохнуть въ кофейнѣ. «Не въ такой-ли, гдѣ я поскользнулся въ крови?» спросилъ я. — «Нѣтъ, въ хорошей, въ лучшей кофейнѣ!» — Я согласился. Кто́ при имени турецкой кофейни не представляетъ себѣ волшебнаго кіоска, убраннаго коврами и диванами, гдѣ при плескѣ фонтана, правовѣрные наслаждаются кейфомъ въ благовонномъ дымѣ кальяна! Какъ-же на первомъ шагу въ Константинополѣ не зайти въ кофейню!

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Галатскаго-моста, въ одномъ домѣ, обращенномъ къ Золотому-Рогу, слышалась какая-то музыка. — «Это одна изъ лучшихъ кофеенъ въ Константинополѣ!» сказалъ Папатоли. — Идемъ туда! — Передъ открытыми дверьми сидѣло на низенькихъ кожаныхъ табуретахъ съ десятокъ турокъ, съ длинными трубками и наргилэ и съ тѣмъ неподвижнымъ взглядомъ въ полу-открытыхъ глазахъ, какой видишь иногда у сытаго кота, когда онъ нѣжится на солнцѣ.

Мы вошли въ большую квадратную комнату, съ сквознымъ арабскимъ сводомъ, изъ котораго черезъ матовыя

стекла лился пріятный полу-свѣтъ. Посерединѣ небольшой мраморный фонтанъ, обставленный горшками поблекшихъ розъ, бросалъ довольно-тощую струйку воды. Въ одномъ углу стояла большая печь со множествомъ закопченныхъ кофейниковъ, въ другомъ цѣлый рядъ трубокъ и хрустальныхъ наргилэ съ обмотанными вокругъ кувшиновъ кожаными чубуками. Стѣны убраны были парижскими иллюминованными литографіями гризетокъ и дебардёровъ съ обнаженной грудью, турами или вензелями султана изъ переплетенныхъ по красному полю золотыхъ буквъ, и наконецъ цѣлой коллекціей бритвъ и фельдшерскихъ рожковъ.

Около стѣнъ тянулся широкій и низенькій турецкій диванъ, или лучше сказать нары, покрытыя египетской тросниковой рогожкой. Прямо противъ входа, за тощимъ фонтаномъ, сидѣло на диванѣ, поджавъ калачемъ ноги, трое музыкантовъ въ широкихъ шальварахъ, оборванныхъ курткахъ и желтыхъ чалмахъ. Середній держалъ въ рукахъ одно-струнную кеманчу, похожую на круглую балалайку съ тонкой, длинной ручкою, и коротенькій выгнутый смычокъ; крайніе вооружены были какими-то дудками, напоминающими немного флейту. Оркестръ этотъ тянулъ жалкій мотивъ изъ нескончаемо-однообразныхъ звуковъ, напоминавшихъ то печальный крикъ муэззиновъ, то ночной вой стамбульскихъ собакъ. По сторонамъ сидѣло, спустя на полъ туфли, человѣкъ пятьдесятъ турокъ съ наргилэ и трубками. Пуская легкія струйки дыма, они одобрительно шептали: хорошо! аманъ!

Я помѣстился подлѣ турка въ зеленой бархатной шубѣ и великолѣпной чалмѣ изъ бѣлой шали, который сидѣлъ неподвижно и держалъ въ одной рукѣ носокъ своего желтаго туфля, а въ другой янтарный мундштукъ кожанаго чубука отъ стоявшаго на полу хрустальнаго наргилэ. Папатоли сѣлъ рядомъ со мною. Я велѣлъ потребовать кофе и наргилэ. Молоденькій каваджи въ курткѣ и вышитыхъ золотомъ шальварахъ, съ яркимъ клѣтчатымъ платкомъ на головѣ, поднесъ мнѣ на концахъ сложенныхъ пальцевъ финджанъ или фар-

форовую чашечку, вставленную въ серебряный поддонокъ, поставилъ передо мною на полу хрустальный кувшинъ съ трубкою и всунулъ въ руку мундштукъ отъ его кожанаго чубука.

Первый мой опытъ выкурить наргилэ оказался очень-неудачнымъ. Только-что началъ я втягивать дымъ, какъ мой кальянъ захрипѣлъ; турки открыли глаза и всѣ дружно посмотрѣли на меня, съ замѣтнымъ презрѣніемъ къ неспособности гяура. Даже музыканты перестали играть.

— Отчего это я не умѣю курить вашего кальяна? спросилъ я Панатоли.

— Оттого, что вы горячитесь, а тутъ нужно спокойствіе. Я вамъ совѣтую курить наргилэ, когда вамъ не хочется курить.

Но такъ-какъ мнѣ хотѣлось курить, то я бросилъ наргилэ и потребовалъ трубку.

Музыканты опять затянули монотонный концертъ. Середній оборванецъ, поводя смычкомъ по единственной струнѣ своей уродливой балалайки, откинулъ назадъ голову, закрылъ мутные глаза и дикимъ гортаннымъ голосомъ затянулъ какую-то пѣсню. Турки съ выраженіемъ тупаго удовольствія хлопали глазами. Я попросилъ моего проводника перевести пѣсню: это было нетрудно, потому-что пѣвецъ послѣ каждаго куплета на минуту останавливался. Вотъ этотъ переводъ, котораго точность остается на совѣсти моего драгомана:

«Нѣтъ края на свѣтѣ лучше нашей Турціи, нѣтъ народа умнѣе османлисовъ. Имъ Аллахъ далъ всѣ сокровища мудрости, бросивъ другимъ племенамъ только крупицы разумѣнія, чтобъ они не вовсе остались верблюдами и могли служить правовѣрнымъ.

«Нѣтъ города подъ луною, достойнаго быть предмѣстіемъ нашего многоминаретнаго Стамбула, да хранитъ его Пророкъ. Нѣтъ въ немъ счета дворцамъ и кіоскамъ, дорогимъ камнямъ и луноликимъ красавицамъ.

«Еслибы Черное-море наполнилось вмѣсто воды чернилами, то и его недостало бы описать, какъ сильна и богата Турція, сколько въ ней войска и денегъ, и какъ всѣ народы завидуютъ ея сокровищамъ, могуществу и славѣ.»

Окончивъ въ пол-голоса переводъ этой правовѣрной оды, Анатоли нагнулся ко мнѣ и прошепталъ на ухо: — собаки! настоящія собаки!

Мы вышли изъ кофейни и опять пустились прыгать по камнямъ грязной мостовой и бревнамъ Галатскаго-моста, пробираясь между толпами отвратительныхъ нищихъ и стаями паршивыхъ собакъ.

IV.

Ая-Софія.

При мысли о сокровищахъ, разсѣянныхъ въ грязномъ лабиринтѣ Константинополя, прежде всего вспоминаешь о Софійскомъ-соборѣ. Но, проходя мимо его въ первый разъ, я спрашивалъ себя: чему удивляются путешественники въ прославленномъ храмѣ Юстиніана? Съ перваго взгляда онъ не только не поражаетъ величіемъ или красотою, а скорѣе отталкиваетъ своимъ уродливымъ безобразіемъ. Это какая-то громадная масса камней, похожая больше на причудливую гору, нагроможденную природой, чѣмъ на художественное зданіе, построенное людьми. Въ каменномъ хаосѣ дворовъ и бань, школъ и имаретовъ, надъ грудою исполинскихъ контрафорсовъ и чудовищныхъ пристроекъ, между четырьмя грубыми столбами минаретовъ, подымается квадратная масса блѣдножелтаго цвѣта, съ красными поперечными полосами, похожая на огромную тиковую палатку, и надъ нею теряется тотъ плоскій куполъ, на который издали нельзя насмотрѣться. Но въ этой чудовищной грудѣ камней таится, говорятъ, прекраснѣйшій храмъ, какъ сталактитовая пещера въ нѣдрахъ какой-нибудь безобразной горы.

На другой день бэйрама Панатоли предложилъ мнѣ смо-

трѣть Ая-Софію, говоря, что за деньги теперь все можно видѣть въ Константинополѣ, даже и въ праздникъ. Еще разъ обошелъ я снаружи эту каменную массу, не понимая, что́ можетъ принадлежать въ ней архитектору, и въ чемъ должно искать слѣдовъ генія Исидора. Мы вошли въ узкій переходъ, который въ хаосѣ турецкихъ построекъ ведетъ къ пропилеямъ храма.

У входа встрѣтила насъ толпа турокъ, которыхъ по-видимому не коснулась махмудова реформа: по дикому взгляду, щетинистой бородѣ и бѣлымъ только по названію чалмамъ, легко было узнать членовъ той касты, которая нигдѣ не поддается образованію. Это были имамы. Они почуяли добычу, окружили моего проводника, и передо мной начался торгъ за позволеніе осмотрѣть Соборъ. Крупный говоръ мало-помалу перешелъ въ шумные крики: шестеро турокъ окружили Панатоли и приступали къ нему съ хриплымъ завываньемъ. Но кривой грекъ держался храбро, махалъ руками, кричалъ во всю мочь и быстро поворачивался, какъ отгрызается собака, окруженная чужой, враждебной стаей.

— Представьте! закричалъ, обращаясь ко мнѣ, мой чичероне: — они запросили сто піастровъ и теперь уперлись на пятидесяти.

— Ну, что-же дѣлать? надобно заплатить.

— Какъ заплатить! вѣдь это десять франковъ: лучше взять фирманъ.

— Когда мнѣ хлопотать съ фирманами!

Изъ нашего французскаго разговора турки поняли только, что рѣчь идетъ о фирманѣ, и боясь, кажется, потерять добычу, снова окружили Панатоли. Крики полились еще сильнѣе. Имамы ревѣли хриплыми голосами, показывая бѣлые зубы; а мой византіецъ кричалъ съ такой энергіей, что на губахъ у него показалась пѣна. Въ потокѣ воплей я различалъ только слова: гяуръ, фирманъ, піастръ. Наконецъ задыхающійся грекъ подбѣжалъ ко мнѣ и объявилъ, что

турки не берутъ меньше тридцати піастровъ. Я велѣлъ отдать деньги. Онъ расплатился, и въ минуту все затихло.

Черезъ бронзовую дверь съ полу-изглаженными крестами вошли мы на паперть или пропилеи Софійскаго-храма. Это совершенное преддверіе св. Марка, только въ колоссальныхъ размѣрахъ, съ мраморными колоннами и до половины затертыми мозаичными крестами. На помостѣ съ одной стороны валялись оборванные нищіе и калѣки, съ другой наставлена была цѣлая коллекція разнокалиберныхъ бабушей или сафьянныхъ туфель. Здѣсь должны мы были снять сапоги. Папатоли возился, какъ въ башмачной лавкѣ, примѣривая мнѣ одну за другою нѣсколько паръ бабушей.

Девять дверей, всѣ въ одинъ рядъ, открываютъ входъ во внутренность зданія. Я ничего не знаю величественнѣе этихъ пропилей. Мы вошли въ отворенныя бронзовыя двери, и я остановился въ смущеніи.

Когда въ первые вѣка христіанства какого-нибудь вновь-обращеннаго приводили ко входу въ катакомбы, и вдругъ открывался передъ нимъ храмъ, сверкающій сосудами и зажженными свѣтильниками, — едва-ли это такъ поражало его, какъ я пораженъ былъ чертогомъ, который развернулся передо мною во внутренности безобразной массы Ая-Софіи. Сколько ни видалъ я соборовъ и храмовъ, ни одинъ не производилъ на меня такого неожиданнаго и глубокаго впечатлѣнія. Казалось, передо мной открыли какой-то грубый и тяжелый ящикъ — и онъ весь засверкалъ внутри золотомъ и драгоцѣнностями.

Исполинскія боковыя стѣны, закругленныя наверху и пронизанныя окнами, примыкая впереди къ тройному выгибу алтаря, а назади къ колоннадѣ пропилей, сливаются въ легкіе полукуполы. Между ними четыре скрещенныя арки раскидываются, точно радуги, и поддерживаютъ неизмѣримое каменное кольцо, пронизанное шестидесятью окнами, на которомъ, какъ на горизонтѣ, весь залитый свѣтомъ, покоится громадный куполъ, прекраснѣйшій въ мірѣ послѣ небеснаго

свода. По исполинской площади справа и слѣва тянутся два ряда громадныхъ колоннъ, связанныхъ арками, на нихъ встаютъ попарно новыя колонны, подпирающія своды другими рядами величественныхъ арокъ,—и эта сквозная масса, поддерживая хоры, наполняетъ храмъ мраморной сѣтью колоннадъ, которая придаетъ ему неописанную красоту и величавую таинственность. На темныхъ стержняхъ серпентинныхъ и порфировыхъ колоннъ бѣлыя мраморныя капители и арки, съ сквозной вырѣзкою, выдѣляются словно серебряныя; а по коричневымъ и темнокрасным стѣнамъ и сводамъ раскидывается узорная бѣломраморная рѣзьба, какъ бѣлыя кружева на черномъ полѣ. Это точно ажурный ящикъ изъ слоновой кости и серебра, съ подкладкою изъ темнаго бархата, на которой рѣзко обозначаются всѣ выпуклости сквозной филигранной работы.

Не гордость заставила Юстиніана, войдя въ отстроенный храмъ, сказать: — Саломонъ, я побѣдилъ тебя! Это было понятное изумленіе передъ невиданнымъ чудомъ искусства. Весь древній міръ жертвовалъ своими сокровищами для построенія Собора: драгоцѣнные мраморы, яшмовыя и серпентинныя колонны свезены были изъ Европы и Азіи, изъ Аонинъ и Сизика, изъ храма Діаны въ Эфесѣ, изъ храма Солнца въ Геліополѣ. Изъ этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ геній Исидора создалъ чудное зданіе, котораго не могли исказить грабежи и профанаціи, не въ силахъ были затмить всѣ новѣйшіе памятники, воздвигнутые вѣрою и искусствомъ. Напрасно землетрясенія колебали его стѣны, крестоносцы похищали украшенія, венеціяне вывозили колонны и двери; напрасно Италія подражала ему въ порывахъ своего генія, турки съ фанатизмомъ отбивали его мраморы и мозаики,— Софійскій-соборъ остался несокрушимымъ и неподражаемымъ памятникомъ человѣческаго искусства. И теперь, войдя въ этотъ храмъ, нельзя не подумать: Юстиніанъ, ты побѣдилъ всѣхъ своихъ враговъ и послѣдователей!

Если Партенонъ поражаетъ идеаломъ красоты пластиче-

ской, то Ая-Софія изумляетъ, какъ величайшій образецъ красоты духовной. Тамъ, подъ колоннадой, позолоченной солнцемъ, жалѣешь о падшей религіи красоты и готовъ вмѣстѣ съ Шиллеромъ вздохнуть о прекрасныхъ богахъ Греціи; здѣсь, подъ сводомъ подобнаго небесамъ купола, налитаго солнечнымъ свѣтомъ, готовъ забыть все земное и страстное. Ни одинъ храмъ не олицетворяетъ въ такой полнотѣ общей идеи божества. Миланскій-соборъ не что иное, какъ богатый музей, гдѣ въ мраморномъ чертогѣ собраны сокровища искусства, и вы наслаждаетесь имъ, какъ любитель, обозрѣвающій галерею. Лондонская церковь св. Павла похожа на исполинскую залу, построенную для многолюдныхъ религіозныхъ митинговъ. Базилика св. Марка — дорогая, но уменьшенная копія Ая-Софіи, которая даетъ понятіе объ оригиналѣ, даже превосходитъ его свѣжестью колорита, но уступаетъ ему въ размѣрѣ и красотѣ рисунка. Я не видалъ римскаго Петра, но извѣстно, что это памятникъ католицизма, гдѣ все колоссально и въ тоже время обыкновенно и мелко, гдѣ громадность купола и высота стѣнъ понятны только при сравненіи съ деталями, измѣряются не чувствомъ, а аршиномъ. Константинопольскій Соборъ съ перваго взгляда поражаетъ своимъ величіемъ и космополитизмомъ. Это не храмъ одной исключительной церкви или секты, а храмъ всего человѣчества, посвященный одной божественной мудрости. Онъ дѣйствуетъ на душу величаво и спокойно, какъ красоты природы, одинаково доступныя всѣмъ людямъ, не смотря на различія ихъ убѣжденій. Подъ его величавымъ куполомъ могутъ ужиться всѣ вѣры и всѣ сомнѣнія, какъ уживаются они и подъ небеснымъ сводомъ. Не даромъ Магометъ II, въѣзжая въ него первый разъ на конѣ, коснулся окровавленной ладонью бѣломраморной стѣны и сказалъ: — вотъ домъ для молитвы Аллаху! Если-бы черезъ Босфоръ прошли десятки народовъ разныхъ религій, всѣ они молились бы въ этомъ храмѣ божественной мудрости. Мнѣ кажется, если-бы и теперь поочередно служили въ немъ греки

и турки, католики и евреи, — всѣ ихъ молитвы были бы въ немъ такъ-же естественны, какъ и подъ открытымъ небомъ. Въ стѣнахъ Ая-Софіи и вѣрующій и пантеистъ сойдутся всегда въ общемъ чувствѣ удивленія, какъ въ любви къ природѣ, въ наслажденіи звѣзднымъ небомъ или голубымъ моремъ.

Во всякомъ другомъ храмѣ, насладясь общимъ впечатлѣніемъ, спокойно переходишь къ обзору частностей и начинаешь всматриваться въ подробности. Здѣсь, напротивъ, общность зданія такъ могущественно поглощаетъ вниманіе, что нѣсколько времени совсѣмъ не замѣчаешь его обстановки. Я долго простоялъ въ храмѣ и тутъ только увидѣлъ, что со стѣнъ и сводовъ его глядятъ на меня какіе-то таинственные призраки. Это остатки греческихъ мозаикъ, открытые при послѣдней передѣлкѣ архитекторомъ Фоссати и проглядывающіе сквозь турецкую закраску и золотые арабески узорчатыхъ надписей, покрывающихъ стѣны. Подъ куполомъ, въ углахъ боковыхъ сводовъ, стоятъ четыре серафима, у которыхъ одни лица закрыты золотыми розетами. Впереди, на тройномъ выгибѣ алтарной стѣны, виднѣются фигуры святыхъ и посреди ихъ колоссальный мозаическій образъ Премудрости. Всѣ лица таятся подъ золотыми надписями изъ Корана, но фигуры ясно выступаютъ въ таинственномъ полумракѣ. Кажется, первобытные жильцы храма до-сихъ-поръ еще присутствуютъ въ немъ, но закрыли глаза при видѣ опозореннаго святилища.

И въ-самомъ-дѣлѣ, отрываясь отъ общаго впечатлѣнія храма и переходя къ его обстановкѣ, чувствуешь тоже самое, когда отъ созерцанія природы обращаешься къ жалкому общественному быту: тамъ—все величественно и стройно, здѣсь—все бѣдно и жалко. Турки, какъ и во всемъ другомъ, не выразили въ Софійскомъ-храмѣ своего прочнаго господства: они не водворились въ немъ, но какъ-будто остановились только для кочевой молитвы. Въ Ая-Софіи можно въ одинъ день уничтожить всѣ слѣды исламизма. Юстиніановы

мозаики прикрыты золотой сѣтью суратъ или текстовъ изъ Корана. На мѣстѣ алтаря вставлена мира, камень изъ розоваго мрамора, показывающій направленіе къ Меккѣ, а подъ нимъ виситъ небольшой полинялый коверъ, на которомъ Магометъ совершалъ свои молитвы. Подъ куполомъ развѣшены большіе круглые зеленые щиты съ золотыми турами первыхъ калифовъ, въ видѣ узорчатыхъ вензелей изъ переплетающихся арабскихъ буквъ. У правой колоннады, недалеко отъ алтаря, стоитъ рѣзной деревянный минбаръ или каѳедра, увѣнчанная луной, откуда шейхъ-уль-исламъ читаетъ Коранъ съ обнаженной саблею въ рукѣ. Со сводовъ по всему храму спускаются проволоки, поддерживающія горизонтальные круги, уставленные стеклянными и фарфоровыми лампадами, точно подносы съ чайными чашками. Вотъ все, что внесло мусульманство въ храмъ Юстиніана!

Больше всего поражаетъ здѣсь одна странная особенность. По бѣлому мраморному полу, неровному и взволнованному, какъ въ церкви св. Марка, разостланы желтыя плетеныя рогожки, которыя идутъ не по направленію къ алтарю, а накось по діагональной линіи въ лѣвую сторону. Это оттого, что строители храма не заботились о существованіи Мекки, а турки обязаны при молитвѣ оборачиваться въ ту сторону, гдѣ приходится ихъ священный городъ. И богомольцы лежатъ рядами и сидятъ на колѣняхъ, повернувшись косвенно въ уголъ, какъ-будто не смѣя глядѣть на образъ Мудрости, таинственно подымающійся на среднемъ полусводѣ. Странно видѣть въ этомъ чудномъ храмѣ сотни фигуръ, въ чалмахъ и фесахъ, которыя сидятъ, подогнувъ колѣна, падаютъ ничкомъ на вытянутыя впередъ руки, откидываются назадъ, и опять склоняются лбомъ до земли съ дикими завываньями; а у колоннъ стоятъ неподвижныя группы закутанныхъ покрывалами женщинъ, — и всѣ обращаются въ косвенномъ направленіи къ одному углу мечети. Все это какъ-то дико и жалко! Но когда послѣ такой обстановки окинешь взглядомъ храмъ, тотчасъ-же подъ величественнымъ

куполомъ забываешь его мелкихъ оскорбителей, какъ любуясь синимъ небомъ юга, забываешь, что подъ нимъ живетъ бѣдность и страданіе.

Имамы предупредили насъ, что мы можемъ оставаться въ Ая-Софіи только до начала полуденной молитвы. Надобно было торопиться посмотрѣть хоры. Входъ туда ведетъ съ пропилей. Только-что мы подошли къ нему, имамы загородили намъ дорогу.

— Развѣ за тридцать піастровъ хотите вы купить всю Ая-Софію! кричали турки.

— Но мы условились, чтобъ за эти деньги быть и на хорахъ! возражалъ Папатоли.

— Омрачили вы глаза наши! нельзя, не будетъ этого!

Проводникъ мой одушевился и поднялъ крикъ, но имамы вопили еще громче. Я принужденъ былъ дать еще пять піастровъ.

На хоры всходятъ не по лѣстницѣ, но также какъ и на кампанилью св. Марка, отлогими всходами, которые подымаются спирально. Галерея эта, съ трехъ сторонъ опоясывающая храмъ, такъ колоссальна, что хоры венеціянскаго собора улеглись бы въ ней раза два или больше. Колонны изъ дорогихъ мраморовъ, стоящія по-парно, отдѣляютъ, или лучше сказать соединяютъ ее съ площадью храма, замыкаясь наверху изящными фестонами бѣломраморныхъ арокъ. А по стѣнамъ со всѣхъ сторонъ сверкаютъ мозаичные кресты, не уничтоженные вѣроятно потому, что на истребленіе ихъ потребовалось бы немало времени и труда.

Едва вошли мы на хоры, какъ передъ нами явилось пятеро грязныхъ имамовъ. У одного въ рукахъ былъ холстинный мѣшечекъ. Онъ вынулъ изъ него горсть разноцвѣтныхъ камушковъ мозаики, выковырянныхъ изъ стѣнъ, и потряхивая ими подъ самымъ моимъ носомъ, предлагалъ купить на память. Греку моему предстоялъ новый бой. Не смотря на то, что въ мечети лежало больше сотни молящихся, опять завязался шумный торгъ. Дѣло покончили тѣмъ, что за

горсть мозаикъ я долженъ быть дать по піастру на каждаго изъ этихъ нищихъ. Я заплатилъ пять піастровъ и имамы ушли. Но мы не успѣли отойти десяти шаговъ, какъ новая фигура въ грязной чалмѣ ухватила меня за руку.

— Чего онъ хочетъ, Папатоли? спросилъ я.

— Да говоритъ, что обѣщано всѣмъ продавцамъ мозаикъ по піастру, а онъ не получилъ. Пожалуй, ихъ еще десятокъ придетъ!

Не желая отравлять своей прогулки, я бросилъ піастръ и этому оборванцу.

Послѣдніе поборы ожидали насъ при выходѣ. Не смотря на то, что по условію мы заплатили за все, проводникъ мой не могъ выручить нашихъ сапогъ, не заплатя двухъ піастровъ за туфли. Наконецъ толпа нищихъ и калѣкъ загородила намъ выходъ, и мы очистили дорогу только съ помощью мелкихъ денегъ.

Когда, по выходѣ изъ мечети, Папатоли началъ отирать крупный потъ, я ожидалъ, что онъ осыплетъ турокъ всѣми ругательствами, къ какимъ только способенъ греческій языкъ во французскомъ переводѣ. Но онъ взглянулъ на меня съ видимымъ удовольствіемъ и объявилъ, что ему никогда еще не случалось отдѣлываться здѣсь такъ легко и спокойно.

— Вотъ въ прошломъ мѣсяцѣ, сказалъ онъ: — когда я водилъ въ Соборъ пріѣзжихъ французовъ, мнѣ столько пришлось кричать, что я на цѣлую недѣлю потерялъ голосъ.

— Охота-же такъ горячиться изъ какихъ-нибудь пяти лишнихъ піастровъ! замѣтилъ я.

— Пять піастровъ вы дадите лучше мнѣ, а я никогда не пожалѣю горла, чтобъ оттянуть хоть одну пару у этихъ собакъ!

Я позволилъ ему считать за мною франкъ. Онъ былъ очень доволенъ и дорогой не переставалъ твердить, что мы необыкновенно удачно отдѣлались въ Ая-Софіи.

V.

Топханское гулянье. — Сладкія-Воды.

Константинополь въ первые дни бэйрама напоминаетъ Москву во время свѣтлой-недѣли. Базары въ эти праздники обыкновенно заперты, въ мечетяхъ толпится народъ, по улицамъ нарядная толпа тянется на гулянья. Топханская площадь тоже самое для турокъ, что у москвичей эспланада подъ-Новинскимъ. Въ два часа я отправился съ Папатоли на это народное гулянье. Мы спустились въ Галату, повернули въ направленіи къ Босфору и вышли къ мечети Махмудіе, одной изъ самыхъ изящныхъ турецкихъ построекъ. Подлѣ нея съ одной стороны видѣнъ прелестный фонтанъ, настоящая игрушка въ мавританскомъ стилѣ, съ другой рядъ мѣдныхъ позеленѣлыхъ пушекъ и кучи сложенныхъ въ пирамиды ядеръ, поросшія травою. На сосѣдней площади, примыкающей къ Босфору, гремитъ музыка и кипятъ толпы народа.

По серединѣ тянется нѣсколько деревянныхъ балагановъ, въ томъ же самомъ вкусѣ, какъ и подъ-Новинскимъ, съ балконами для гаэровъ, съ вывѣсками и развѣвающимися флагами. Между ними поставлены круглыя качели съ висячими бесѣдочками и палатки съ разными лакомствами. Съ одной стороны вдоль площади настроены изъ досокъ ряды поды-

мающихся одпѣ за другими скамеекъ, и на всѣхъ сидятъ женщины въ яркихъ костюмахъ. Что это за пестрота! Точно куклы въ игрушечныхъ магазинахъ, всѣ онѣ одѣты въ самые рѣзкіе цвѣта: одна вся зеленая, какъ попугай, другая желтая, точно канарейка, иныя въ розовомъ, свѣтло-фіолетовомъ или голубомъ ферендже. Головы закрыты кисейнымъ яшмакомъ, который въ послѣднее время сталъ до-того прозраченъ, что не мѣшаетъ турчанкамъ показывать нарумяненныя щеки и раскрашенныя брови. Армянки отличаются маленькимъ вуалемъ, а на гречанкахъ совсѣмъ нѣтъ покрывалъ. Вокругъ балагановъ двигаются коляски на лежачихъ рессорахъ, талики, расписанныя букетами цвѣтовъ, арбы съ суконнымъ или полотнянымъ навѣсомъ, запряженныя быками. Въ нихъ катаются больше всего дѣти съ своими черными няньками.

По всей площади разставлены корзины съ виноградомъ, персиками и фигами, лотки съ греческимъ печеньемъ и каймакомъ изъ взбитыхъ съ сахаромъ сливокъ. Около экипажей ходятъ разнощики фруктовъ, конфектъ и прохладительныхъ шербетовъ. Оборваные турки разносятъ жестяные подносы съ рисовыми пирожками и кувшиномъ розовой воды; продавцы лимонада бѣгаютъ съ лоткомъ, гдѣ быстро кружится какая-то вертушка, звеня своими зубцами по стеклянным колокольчикамъ.

На самой площади волнуются разнообразныя лица и костюмы: турки въ разноцвѣтныхъ чалмахъ, греки въ бѣлыхъ фустанеллахъ и фесахъ, арнауты съ наброшенными на одно плечо, шитыми золотомъ куртками, евреи въ длинныхъ халатахъ и черныхъ шапочкахъ, обвязанныхъ синимъ платкомъ. На всякомъ шагу попадаются калѣки и нищіе, или дѣти съ старческими лицами и кривыми ногами. Все это толпится передъ балаганами и непремѣнно жуетъ что-нибудь. Какъ у насъ на балконахъ масличныхъ балагановъ являются фигляры въ турецкихъ чалмахъ и курткахъ, такъ и здѣсь выходятъ паяцы, каррикатурно наряженные европейцами, во

фракахъ съ короткими фалдами и круглыхъ измятыхъ шляпахъ. У одного на носу огромные очки, у другого чудовищная лорнетка. Только пьерро въ бѣлой рубашкѣ, усаженной напереди пуговицами величиной съ рѣпу, и въ войлочной шляпѣ на испачканной мѣломъ головѣ, неизмѣнно одинаковъ подъ-Новинскимъ и въ Топханѣ. Всѣ эти гаэры — молодые греки или армяне.

Балаганныя потѣхи сильно занимаютъ публику. Съ появленіемъ фигляровъ на балконѣ, экипажи останавливаются, женщины откидываютъ покрывала, зѣваки тѣснятся къ балаганамъ. Сами зрители представляютъ любопытное зрѣлище. Вотъ передъ однимъ балкономъ остановился старикъ въ грязномъ рубищѣ около пояса, съ обнаженной татуированной грудью, и опуская пальцами въ ротъ изъ деревянной чашки разваренную кукурузу, любуется гаэромъ, который разыгрываетъ пьянаго франка. Вотъ, у другого балкона человѣкъ, худой какъ палка, въ голубомъ халатѣ и желтой чалмѣ, сидитъ по-дамски на маленькомъ ослѣ, и перебирая четки, смотритъ съ тупымъ удовольствіемъ, какъ фигляръ, одѣтый янычаромъ, бьетъ нагайкою двухъ гяуровъ въ казацкихъ киверахъ.

Передъ одной палаткой увидѣли мы раекъ, совершенно такой-же, какіе бываютъ и на нашихъ народныхъ гуляньяхъ. Оборванный турокъ поворачивалъ ручку, передвигающую картины внутри ящика, и монотоннымъ голосомъ напѣвалъ объясненіе видовъ. Въ три круглыя стекла смотрѣли зрители. Передъ однимъ стоялъ нагнувшись высокій турецкій офицеръ въ мундирѣ низама. Къ другому негръ поднималъ мальчика лѣтъ восьми, въ казакинѣ съ вышитымъ воротникомъ и въ тарбушѣ съ золотой кистью. У третьяго виднѣлась фигура одного роста съ мальчишкой. Я было принялъ ее за ребенка, но оказалось, что это старичекъ на костыляхъ, съ лицемъ похожимъ на высохшій лимонъ; на немъ былъ розовый атласный халатъ и зеленая чалма эмира. Неужели это потомокъ Магомета!

Я просилъ Папатоли прислушаться и передать мнѣ содержаніе разсказа. Въ подвижной панорамѣ были виды Елисейскихъ-полей, какого-то водопада, лондонскаго Кристальнаго-дворца и наконецъ Севастополя. Объясненіе послѣдняго было довольно любопытно. Разскащикъ, почесывая спину, напѣвалъ гнусливымъ голосомъ:

«Вотъ, эффенди, московская крѣпость Севастамбулъ. Во всемъ свѣтѣ не было такого крѣпкаго города. Гяуры отстроивали его четыреста лѣтъ: каждый годъ прибавляли они новую башню, каждый мѣсяцъ строили новый корабль, всякій день ставили новую пушку. Султанъ ихъ истратилъ на это всю казну свою, — и стѣны поднялись до облаковъ, а пушекъ было сколько звѣздъ на небѣ».

— Гдѣ-же эта крѣпость? спросилъ зеленый эмиръ, обращаясь къ разскащику.

«У московъ-гяуровъ, эффенди, въ самой серединѣ земли ихъ. Какъ построили они свою крѣпость, то англичане, французы и другія западныя собаки позавидовали московскому султану и пошли раззорять его городъ. И собралось ихъ, словно песку въ пустынѣ, что ведетъ къ благословенной Меккѣ. Окружили они крѣпость съ моря и суши, и пошла такая пальба, что вся земля московская затмилась, и гяуры днемъ не могли различать бѣлаго отъ чернаго. А крѣпость все стояла».

— И теперь она такъ-же стоитъ? спросилъ любознательный эмиръ.

«Завистливые франки,» продолжалъ тѣмъ-же тономъ разскащикъ: — стояли у крѣпости, пока луна не обернулась двѣнадцать разъ серпомъ своимъ на востокъ и двѣнадцать разъ на западъ. И погибло ихъ несчетное число. Тогда нашъ великій султанъ благоволилъ повершить дѣло. Онъ послалъ къ московской крѣпости одну пушку съ Топханы,—и на другой день Севастамбулъ сгорѣлъ отъ ея выстрѣловъ со всѣми башнями и кораблями».

— Слава тому, кто кроитъ и поретъ! проговорилъ розовый уродецъ.

При этой сентенціи окружавшіе насъ турки въ знакъ удовольствія опустили рѣсницы и щелкнули языкомъ. Офицеръ приподнялся и окинулъ меня побѣдоноснымъ взглядомъ.

Съ часъ бродилъ я по Топханской-площади, и мнѣ это надоѣло. Я рѣшился кончить день на другомъ гуляньѣ, въ Кіатъ-хане или у Сладкихъ-Водъ. За двадцать піастровъ наняли мы кайкъ, и я расположился въ немъ, протянувъ ноги на суконной подушкѣ. Кайкчи смочилъ губкою ручки веселъ, и мы понеслись въ глубь Золотаго-Рога, между двумя изгибами подымающейся съ обѣихъ сторонъ величественной панорамы. Налѣво тянулись кварталы Фанаръ и Балата, направо Касимъ-паша и Хастуи, съ еврейскимъ кладбищемъ, гдѣ на голомъ холмѣ виднѣлись бѣлые могильные камни, какъ стадо разсыпанныхъ гусей; а впереди, въ глубинѣ залива раскидывалось Эюбское-предмѣстье, все затопленное въ зелени кипарисныхъ садовъ, и посреди его бѣлая мечеть съ двумя минаретами, тонкими и стройными, какъ сами кипарисы. Тутъ султаны при вступленіи на престолъ празднуютъ таклиди-сейфъ, то-есть опоясываются саблею Османа. По берегу шагали сѣрые аисты, тихіе и величавые, какъ турки.

На заливѣ скользила цѣлая флотилія кайковъ, которые спѣшили къ загородному гулянью. Въ однихъ сидѣли турки, дымя апатически изъ длинныхъ трубокъ; въ другихъ виднѣлись женщины въ своихъ яркихъ ферадже. Изрѣдка попадался въ раззолоченномъ кайкѣ какой-нибудь паша, вмѣстѣ съ закутанной покрываломъ женщиной и черной невольницей. Когда мы поровнялись съ Эюбъ-джами, на минаретѣ ея показался муэззинъ, и приложа руку къ щекѣ, какъ дѣлаютъ у насъ плачущія бабы, затянулъ свой заунывный ла-илаге. Часовой, стоявшій у Адмиралтейства, подъ бѣлымъ, прикрѣпленнымъ къ шесту зонтикомъ, заслыша этотъ призывъ, поставилъ ружье къ стѣнѣ, разостлалъ передъ собою коврикъ и упалъ ничкомъ на протянутыя впередъ руки. Мекка при-

ходилась въ противоположной сторонѣ, а потому онъ оборотился къ заливу той частью тѣла, которая меньше всего нужна для намаза. Молодыя турчанки въ сосѣдней къ намъ лодкѣ залились звучнымъ хохотомъ.

Отъ Эюба Золотой-Рогъ съуживается, и загибаясь вправо, сливается наконецъ съ рѣчкой Кигаджаной, которую и называютъ Сладкими-Водами. Капкъ нашъ полетѣлъ вверхъ по рѣкѣ и чрезъ нѣсколько минутъ присталъ къ зеленѣющей набережной. Тутъ стояло множество лодокъ, а по берегу разсыпаны были кареты, арбы и талики. Капкчи и саисы группами и по-одиночкѣ сидѣли на корточкахъ, кто съ трубкой, кто просто съ однимъ безсмысленнымъ, никуда не обращеннымъ взглядомъ.

Передъ нами открылся обширный лугъ, на которомъ разбросаны купами вѣковые платаны. Подъ тѣнью этихъ великолѣпныхъ деревьевъ, на разостланныхъ коврахъ и шелковыхъ тюфякахъ, облокотясь на атласныя или парчевыя подушки, неподвижно, какъ цвѣтныя фарфоровыя куклы, сидятъ группами мущины и женщины, всегда почти порознь одни отъ другихъ. Турки, поджавъ ноги, курятъ трубки или наргилэ и только изрѣдка обмѣниваются отрывистыми фразами. Голубыя, лиловыя и розовыя турчанки, съ бѣлыми кисейными яшмаками, показались бы статуями, еслибъ однѣ не жевали какихъ-нибудь лакомствъ, другія не дымили соломенныхъ сигаретокъ. Даже дѣти не бѣгаютъ и не рѣзвятся, какъ у насъ въ Лѣтнемъ-саду или въ Сокольникахъ, а сидятъ около матерей или ходятъ, переваливаясь съ ноги-на-ногу. Мальчики одѣты въ вышитыя золотомъ куртки, и часто видишь у нихъ на шеѣ ордена и медали; это оттого, что отецъ, украшенный орденомъ, имѣетъ здѣсь право повѣсить копію съ него на старшаго сына. У дѣвочекъ атласные казакины и шелковые шальвары съ желтыми сапожками, а волосы заплетены во множество мелкихъ косичекъ, перевитыхъ золотымъ или серебрянымъ спуркомъ. Здѣсь, какъ и

у насъ, богатые люди одѣваютъ дѣтей въ національный костюмъ, котораго не носятъ взрослые.

Рѣчка ведетъ къ дворцу Гюль-ханѐ или Дому-розъ, гдѣ дана была знаменитая розовая конституція, которая, какъ мыльный пузырь, блеснула и лопнула передъ глазами раевъ. Это деревянное двухъ-этажное зданіе, съ рѣшетчатыми окнами, отъ котораго выдаются впередъ досчатые бельведеры, опирающіеся на мраморныя колонны. Каменная ограда окружаетъ этотъ уродливый сарай изъ досокъ и мрамора. Позади, на самомъ берегу рѣчки, стоитъ кіоскъ, съ выдающеюся впередъ крышею, весь раскрашенный и вызолоченный. За нимъ разстилается обширная долина, съ обѣихъ сторонъ окоймленная горами, и по ней тянется вдаль безконечный каналъ, саженъ въ пять шириною, обсаженный кипарисами и платанами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ перерѣзанъ плотинами изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ опускающихся въ три уступа раковинъ, по которымъ вода переливается каскадами. На днѣ ихъ вырублены кое-гдѣ каменныя рыбки. На одной изъ этихъ плотинъ стоятъ рядомъ три мраморныя бесѣдки: когда султанъ пріѣзжаетъ сюда съ гаремомъ, то въ среднемъ павильонѣ приготовляется для него наргилэ, и онъ смотритъ отсюда, какъ одалиски купаются въ мраморныхъ раковинахъ. Это одинъ изъ послѣднихъ остатковъ гаремной старины. Въ такіе дни ко дворцу, разумѣется, никого не пускаютъ.

Долина Сладкихъ-Водъ въ-самомъ-дѣлѣ прекрасна. Живописныя линіи окоймляющихъ ее горъ, темная зелень кипарисовъ, ярко сверкающія мраморныя плотины, кусты розъ по берегамъ рѣчки, свѣжесть и прохлада отъ воды, — все дышетъ восточнымъ кейфомъ. Когда мы пришли сюда, по всей долинѣ разсѣяны были живописныя группы, между которыми бродили продавцы фруктовъ и конфектъ, разнощики съ мороженымъ и шербетами, вездѣ вились струйки дыма отъ трубокъ и наргилэ. Крики погонщиковъ, предлагающихъ верховыхъ лошадей, и бѣготня мальчиковъ изъ построенной

на углу кофейни оживляютъ сцену. Если Топхана напоминаетъ гулянье подъ-Новинскимъ, то въ Сладкихъ-Водахъ есть что-то общее съ прогулками въ Сокольникахъ или подъ-Симоновымъ, съ тою разницею, что тутъ нѣтъ самоваровъ и пѣсенъ и нашего праздничнаго разгула.

Когда мы возвращались къ своему канку, недалеко отъ султанскаго кіоска встрѣтилась намъ карета, запряженная парой прекрасныхъ сѣрыхъ лошадей, которыхъ вели подъ-устцы чауши въ малиновыхъ курткахъ и бѣлыхъ чалмахъ. За каретой ѣхало восемь человѣкъ конныхъ кавасовъ, а съ правой стороны у самыхъ дверецъ шелъ негръ въ бѣлой курткѣ и чалмѣ. Отвислыя губы его и желтые бѣлки глазъ обличали гаремнаго сторожа, не нуждающагося въ женской ласкѣ, какъ говоритъ Коранъ. Въ каретѣ, рядомъ съ какою-то закутанной фигурой, сидѣла молоденькая женщина, въ аломъ шелковомъ ферадже и маленькой шитой золотомъ шапочкѣ, съ легко-приколотымъ яшмакомъ, или лучше сказать прозрачнымъ кружевнымъ вуалемъ. Карета остановилась передъ оркестромъ музыки, и мы могли разсмотрѣть турчанку. Папатоли шепнулъ мнѣ, что это должна быть дочь султана или одна изъ его женъ. Если нарядъ султанши, при ея лайковыхъ перчаткахъ и парижскомъ вѣерѣ, далеко уступалъ великолѣпному костюму, въ какомъ мы видѣли Рашель въ Баязетѣ, зато сама она была настоящимъ типомъ турецкой красоты. Бѣлое покрывало, оттѣняя виски ея, увеличивало блескъ распущенныхъ черныхъ косъ и пронзительныхъ черныхъ глазъ. Правильный овалъ лица, прямой носъ съ приподнятыми ноздрями, матовая бѣлизна кожи и молочно-розовый румянецъ, — все это составляло самобытныя черты, непохожія ни на одинъ изъ европейскихъ типовъ. Турки почтительно отступали, потупляя глаза, и даже дѣти робко бѣжали отъ кареты; только съ десятокъ иностранцевъ, а въ томъ числѣ и я, стояли подлѣ экипажа. Султанша не оскорблялась нашими лорнетами, и большіе магометанскіе глаза ея спокойно обращались на гяуровъ.

— Не знаете-ли, кто это? спросилъ я черезъ моего переводчика у молодаго турка, который въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, прислонясь къ платану, посматривалъ искоса на султанскую карету.

— Не должно знать! отвѣчалъ онъ отрывисто и повернулся отъ насъ.

Мы возвратились домой, когда пушечная пальба съ пристаней и судовъ наполнила городъ громомъ и дымомъ, и испуганныя чайки съ печальнымъ крикомъ метались взадъ и впередъ по Босфору.

VI.

Мечети и тюрбе.

Стамбульскія джами или султанскія мечети большею-частію передѣланы изъ греческихъ церквей или выстроены по ихъ образцу, а потому всѣ почти напоминаютъ Ая-Софію. Арабская архитектура, такъ оригинальная въ кіоскахъ и фонтанахъ, не имѣла большаго вліянія на постройку главныхъ мечетей: въ нихъ замѣтно видѣнъ христіанскій храмъ, въ которомъ алтарь замѣнился нишею съ Кораномъ, а на куполахъ вмѣсто креста сверкаетъ полумѣсяцъ. Всѣ главныя джами стоятъ, какъ московскіе монастыри, на прекрасныхъ мѣстахъ, и отъ нихъ открываются всегда живописные виды. Онѣ окружены обыкновенно дворомъ, обведеннымъ арабской аркадою на мраморныхъ колоннахъ и обсаженнымъ платанами и кипарисами.

На дворѣ этомъ видны обыкновенно пристройки, гдѣ помѣщаются медресе или школы, кельи имамовъ и богадѣльни, или имареты. При каждой мечети есть фонтаны. У однихъ стоятъ они на дворѣ отдѣльно, въ видѣ кіоска изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, съ выгнутой шатромъ позолоченной кровлею, покрытаго арабесками и тѣми чудными надписями, которыя изъ письма переходятъ уже въ искусство, пред-

ставляя изящные узоры изъ переплетенныхъ золотыхъ буквъ. У другихъ мечетей фонтаны примыкаютъ къ основанію стѣны, въ видѣ круглыхъ полубассейновъ изъ бѣлаго мрамора. Тутъ всегда сидятъ на корточкахъ турки, съ засученными по локоть рукавами, съ обнаженными колѣнами, и покачивая головою, совершаютъ омовеніе. При большихъ джами видишь особый мраморный павильонъ: это тюрбе или гробница султана, построившаго храмъ.

Третье утро бэйрама я посвятилъ на прогулку по константинопольскимъ мечетямъ. Кромѣ недоступной для иностранцевъ Эюбъ-джами, куда не пускаютъ никого и съ фирманомъ, теперь вездѣ можно проникнуть за деньги. Прежде всего я пошелъ съ своимъ проводникомъ въ Ахмедіе, которую турки называютъ шестиминаретной джами. Съ Атмейдана черезъ бронзовыя двери входишь на дворъ, со всѣхъ сторонъ обнесенный аркадами на порфировыхъ колоннахъ. Но всѣ эти прекрасныя арки заложены теперь досками, и мраморная галерея обращена для склада военной амуниціи. Передъ нею ходитъ часовой. Внутренность мечети, куда мы проникли, послѣ долгихъ споровъ съ имамами, напоминаетъ Софійскій-соборъ, съ большой примѣсью арабскихъ украшеній.

Отсюда пошли мы въ Баязидіе. Ограда ея — верхъ совершенства арабскаго вкуса. Это сквозная галерея изъ легкихъ мавританскихъ арокъ, на мраморныхъ и порфировыхъ колоннахъ необыкновенной легкости и красоты.

Нигдѣ я не видалъ такого множества голубей, какъ на дворѣ Баязидіе: они унизываютъ всѣ арки и карнизы и стаями носятся надъ мечетью. Ихъ кормятъ въ опредѣленное время, какъ и голубей св. Марка съ Венеціи. У входа въ джами стоитъ большой кипарисный сундукъ съ пшеницею, а подлѣ него сидитъ на коврѣ старый турокъ. Когда мы вошли, онъ всталъ, зачерпнулъ деревянной чашкой изъ ящика, подошелъ ко мнѣ и проговорилъ: «Подайте на пропитаніе птицамъ божіимъ!» Я далъ ему піастръ, и онъ высы-

палъ пшеницу на дворъ. Тысячи голубей со всѣхъ сторонъ ринулись внизъ и покрыли всю площадку бѣлой массою трепещущихъ крыльевъ. Въ одну минуту на дворѣ не осталось ни зерна.

— Откуда этотъ обычай кормить голубей? спросилъ я турка черезъ моего переводчика.

— Блаженный султанъ Баязидъ, построившій эту джами, отвѣчалъ старикъ: — принесъ ей въ даръ пару голубей. Съ тѣхъ-поръ правовѣрные кормятъ ихъ потомство на спасеніе души падишаха.

Споры съ имамами такъ надоѣли мнѣ, что я не пошелъ въ Баязидову-мечеть, а поспѣшилъ въ Сулейманіе. Это самая обширная и изящная джами во всемъ городѣ, послѣ Ая-Софіи, и что важнѣе всего — не передѣлка или подражаніе христіанской церкви, а вполнѣ магометанская мечеть, сооруженная въ лучшую эпоху турецкаго вкуса, когда мавританская архитектура процвѣтала въ Константинополѣ.

Сулейманова мечеть стоитъ на одной изъ лучшихъ высотъ Стамбула, надъ лѣвымъ берегомъ Золотаго-Рога. Мы вошли на гаремъ-джами, обширный дворъ, огороженный со стороны залива каменнымъ парапетомъ и замкнутый по угламъ башнями, откуда витыя лѣстницы ведутъ на пролегающую внизу улицу. Съ другихъ сторонъ тянется ограда и каменныя строенія, гдѣ помѣщаются многочисленныя имареты и медресе. Посреди этой площади, усаженной липами и платанами, стоитъ узорчатый корпусъ мечети съ арабскими галереями, унизанный множествомъ свинцовыхъ куполовъ, и передъ нимъ четыре граціозные минарета съ золотой луною подымаются, какъ исполинскія восковыя свѣчи, зажженныя передъ святилищемъ ислама. У передней стѣны мечети видны два отдѣльные кіоска, въ видѣ ротондъ, обведенныхъ аркадами на колоннахъ изъ розоваго и бѣлаго мрамора. Это тюрбе Сулеймана-Великаго и жены его Кассеки, извѣстной больше подъ именемъ Роксоланы.

Пока проводникъ мой торговался съ имамомъ за входъ

въ гробницы, я подошелъ къ оградѣ полюбоваться видомъ, который открывается съ двора на Золотой-Рогъ и всю панораму Галаты и Перы. Но меня поразило отвратительное зрѣлище. Вдоль всего гаремъ-джами тянется каменная скамья, примыкающая къ парапету. На ней сидѣло, поджавъ ноги, десятка три нищихъ и калѣкъ, съ язвами на тѣлѣ, — и вся эта честная кампанія, снявъ свои грязныя рубища, внимательно занималась очистительной ловлей, которую предписываетъ Коранъ на-ряду съ умовеніями. Я убѣжалъ отъ прокаженной толпы.

Папатоли окончилъ между-тѣмъ свои переговоры съ смотрителемъ тюрбе. Турокъ отперъ рѣшетчатую, позолоченную дверь, обмахнулъ полою халата пыль съ моихъ сапоговъ, и мы вошли въ павильонъ Сулеймана. Это круглая комната съ арабскимъ сводомъ, вся выложенная мраморомъ и покрытая рѣзьбою и золотыми узорчатыми надписями. Посреди ротонды, за фигурной рѣшеткой съ перламутровой инкрустаціей и позолотой, стоятъ три гробницы. Это могилы султана и двухъ сыновей его. Гробница Сулеймана окутана вся покровами изъ великолѣпной золотой парчи съ зелеными узорами. Въ головахъ лежитъ на ней большая чалма, изъ бѣлой драгоцѣнной шали съ алымъ бархатнымъ колпакомъ, на которой подымается съ-боку большое стоячее перо, пристегнутое бриллiантовымъ полумѣсяцемъ. Передъ гробницей горятъ огромныя восковыя свѣчи въ серебряныхъ канделябрахъ, похожихъ на наши церковные подсвѣчники, а съ потолка спускаются на проволокахъ лампады съ подвѣшенными внизу страусовыми яицами. На особомъ столикѣ стоитъ деревянная модель Мекки. Боковыя гробницы меньше, но убраны въ томъ-же вкусѣ. Весь павильонъ отличается роскошью и изяществомъ.

Сторожъ привелъ насъ къ другой тюрбе и опять вытеръ мнѣ сапоги. Гробница Роксоланы гораздо меньше, чѣмъ памятникъ ея мужа. За позолоченной рѣшеткой стоитъ саркофагъ, окутанный кашемировыми шалями и увѣнчанный тюр-

банномъ съ остроконечной скуфейкою и бриллiантовымъ аграфомъ. Кажется, это единственная женская тюрбе во всемъ Стамбулѣ, какъ и сама Роксолана была единственной женской личностью во всей турецкой исторiи. Другiя султанши погребены въ общихъ тюрбе съ своими мужьями. При выходѣ нашемъ турокъ сверхъ условленной платы попросилъ бакшишъ за обтирку моихъ сапогъ.

Мимо ряда мраморныхъ бассейновъ, примыкающихъ къ боковому фасаду джами, прошли мы къ главному входу въ Сулейманiе. Панатоли просилъ меня подождать и пошелъ въ маленькую дверь, которая вела въ келью сторожевыхъ имамовъ. Въ ожиданiи его я поднялся на мраморныя ступени крыльца. Двери въ мечеть были отворены, и черный суконный занавѣсъ, весь въ заплатахъ, былъ до половины приподнятъ. Я подошелъ къ самымъ дверямъ: внутри джами тускло мерцали лампады и не слыхать было ни малѣйшаго звука. Мнѣ надоѣло ждать Панатоли; я переступилъ за порогъ, и шагъ за шагомъ пробрался наконецъ на самую середину мечети.

Внутренность Сулейманiе поражаетъ оригинальнымъ величiемъ. Архитектура ея не напоминаетъ уже христiанской церкви: это зданiе, посвященное вполнѣ исламизму. Въ немъ нѣтъ ни величественнаго купола Ая-Софiи, ни ея колоссальныхъ хоръ, ни рѣзныхъ мраморныхъ карнизовъ; но арабскiя арки, подымающiяся, какъ изогнутыя сабли, на колоннахъ розоваго гранита, легкiе своды, испещренные золотыми арабесками, стрѣльчатыя окна съ цвѣтными стеклами, — все напоминаетъ лучшее время мавританскаго искусства. Стѣны всѣ покрыты узорчатыми надписями: кажется, это полный экземпляръ Корана, писанный золотомъ на исполинскихъ мраморныхъ скрижаляхъ. Подобно Юстинiану, Сулейманъ сбиралъ мраморы для своей джами со всего Константинополя: въ нее переносились древнiя колонны съ площадей и изъ христiанскихъ храмовъ. Въ числѣ четырехъ устоевъ, подпирающихъ своды, стоитъ и порфировая колонна съ Ав-

густеона — подножіе бронзовой статуи Юстиніана, къ которой Магометъ II бросилъ окровавленную голову послѣдняго греческаго императора. Но при всемъ богатствѣ мраморовъ, красотѣ арокъ и разнообразіи украшеній, мечеть поражаетъ какою-то пустотой и холодностью: въ ней будто недостаетъ чего-нибудь, какъ въ богатой и роскошной квартирѣ холостяка, не оживленной присутствіемъ женщины.

Обстановка здѣсь та-же, что и въ другихъ мечетяхъ. Въ глубинѣ обширной ниши бѣлѣетъ мраморная рѣзная мира для храненія Корана, и вокругъ развѣшены таблицы съ золотыми начертаніями священныхъ текстовъ или съ именами султановъ. У переднихъ колоннъ стоитъ минбаръ и султанская ложа изъ бѣлаго мрамора. Съ потолка висятъ на проволокахъ безчисленныя лампады, то рядами поперекъ мечети, то сгруппированныя въ видѣ люстръ. Полъ устланъ тростниковыми рогожками. Я осмотрѣлся и замѣтилъ, что мечеть была не пуста. Съ десятокъ турокъ въ разныхъ мѣстахъ совершали итикафъ, то-есть лежали ничкомъ, поджавъ колѣна и опустя головы на вытянутыя и сложенныя руки. У колоннъ стояло нѣсколько женщинъ, скорѣе похожихъ на зрительницъ, чѣмъ на молящихся. Магометъ оттолкнулъ женщину не только отъ общественной жизни, но даже и отъ Аллаха: ей не дано мѣста и въ раю, гдѣ живутъ ея соперницы, черноглазыя гуріи.

Я осмотрѣлъ всю мечеть и, кажется, никто изъ турокъ меня не замѣтилъ. Только при выходѣ двѣ или три головы поднялись и окинули меня свирѣпымъ взглядомъ. Оборванный имамъ встрѣтился со мною въ дверяхъ, прокричалъ хриплымъ голосомъ вѣроятно какое-нибудь не совсѣмъ лестное привѣтствіе, но къ крайнему удивленію моему не попросилъ денегъ. Прогулка по Сулейманіе не стоила мнѣ ни копѣйки.

По выходѣ изъ мечети я не могъ отыскать Папатоли. Напрасно обошелъ я весь дворъ, заглянулъ въ келью имамовъ: проводникъ мой исчезъ. Между-тѣмъ на каменной скамьѣ нищіе продолжали охотиться въ своихъ лохмотьяхъ. Я

взглянулъ черезъ парапетъ. Подъ самой стѣною тянулась грязная улица, обставленная рядомъ законченныхъ лачугъ, передъ которыми гнѣздились кузнецы и слесаря, какъ черные тараканы въ смрадной щели. У одной избушки стоялъ мой Папатоли; онъ замѣтилъ меня и знаками приглашалъ сойти. По витой лѣстницѣ я спустился на улицу и у входа встрѣтилъ своего проводника. Онъ былъ очень встревоженъ.

— Что съ вами случилось? спросилъ я,

— Вы совсѣмъ меня не жалѣете, отвѣчалъ онъ. — Какъ-же можно ходить въ мечеть безъ позволенія: вѣдь имамы не пускаютъ сегодня ни за-какія деньги.

— Я и даромъ посмотрѣлъ.

— Что-же вы со мной-то дѣлаете? Собака я что-ли? Вѣдь я одной вѣры съ вами... одной-ли, скажите ради Бога?

— Положимъ такъ, да чего вы испугались! Еслибъ со мной что-нибудь случилось, — вамъ-то что за бѣда!

— Какъ что́? Вы русскій, васъ не тронутъ; а я вѣдь беззащитный рая, меня могутъ палками отдуть.

— За что-же? Вѣдь вы не водили меня въ мечеть: я самъ пошелъ.

— Стану́тъ они слушать мои оправданія! я какъ увидѣлъ васъ въ джами, меня такъ сюда и сбросило... Да гдѣ-же у васъ были сапоги?

— Совсѣмъ забылъ снять.

— Въ сапогахъ ходили!... Какъ-же это они васъ не задержали! Ослѣпли что-ли они, собаки!... Въ сапогахъ! вотъ чудо-то!

— Ну, послѣ подивитесь; пойдемте-ка пить кофе.

Мы зашли въ ближнюю кофейню. За трубкою Папатоли началъ приходить въ себя, но все еще подозрительно осматривался, какъ-будто опасаясь, чтобы кто-нибудь и здѣсь не схватилъ его за мою прогулку въ Сулейманіе. Въ дверяхъ онъ вѣжливо посторонился передъ грязными собаками. Но когда мы сходили по пустой улицѣ къ пристани, чтобы сѣсть въ каикъ, онъ закричалъ съ одушевленіемъ: «въ сапогахъ и

въ бэйрамъ! славно!» При этомъ грекъ мой схватилъ камень, посмотрѣлъ во всѣ стороны, и убѣдясь, что въ переулкѣ не видать турокъ, энергически швырнулъ его въ стаю собакъ.

Когда я вечеромъ пришелъ къ обѣду, въ залѣ шелъ одушевленный разговоръ. Разнесся слухъ, что въ Константинополѣ готовится дипломатическій кризисъ, по вопросу о выборахъ въ Дунайскихъ-княжествахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ въ Валлахіи разыгрывалась комедія, которая грозила принять серьозный оборотъ. Подъ вліяніемъ султанскаго комиссара выборы сдѣланы были совершенно по-турецки, съ помощью кошельковъ и палки. Французскій посланникъ протестовалъ въ Диванѣ и требовалъ распущенія такъ любезно созванной палаты, а султанъ Ретклифъ поддерживалъ свою любезную Турцію. За обѣдомъ корреспондентъ французскаго журнала говорилъ съ жаромъ о великой роли, которую взяло на себя въ этомъ дѣлѣ неизреченно-великодушное правительство императора Наполеона III. Русская барыня спрашивала съ безпокойствомъ, не помѣшаютъ-ли ей дунайскіе выборы говѣть и пріобщиться въ Іерусалимѣ. А молдаванская принцесса посматривала на насъ съ большимъ достоинствомъ, какъ-будто изъ-за нея лично готово разорваться знаменитое сердечное согласіе между Англіей и Франціей.

— Какое великое время! говорила старуха: — вотъ и наша Молдавія принимаетъ участіе въ судьбахъ Европы.

Хозяинъ нашъ съ благоговѣніемъ прислушивался къ словамъ румынской принцессы, какъ-будто она была пиѳія, готовая открыть ему судьбу Константинополя и будущее величіе Hôtel d'Europe.

VII.

Дервиши.

Если въ Константинополѣ нѣтъ театра, за-то туристамъ открыты любопытныя представленія дервишей мевлеви и шемси. Коранъ, не позволяющій туркамъ допускать гяуровъ въ мечети во время богослуженія, совсѣмъ кажется не стѣсняетъ дервишей, отъ которыхъ слѣдовало бы ждать больше фанатизма и нетерпимости. Они охотно позволяютъ европейцамъ посѣщать свои мистеріи, и не только не стѣсняются при невѣрныхъ гостяхъ, но еще съ большимъ одушевленіемъ вертятся и ревутъ при нихъ во славу Аллаха. Эти священныя труппы даютъ свои представленія всякую недѣлю, а въ бэйрамъ съ особенной торжественностью.

Текке или монастырь дервишей мевлеви построенъ въ Перѣ, недалеко отъ нашей Hôtel d'Europe. Въ первое воскресенье меня пригласилъ туда Франкуди, редакторъ греческаго журнала *Θελξινόη*, съ которымъ я познакомился по одному изъ моихъ рекомендательныхъ писемъ. Мы пришли къ каменной оградѣ, и какой-то старый турокъ отворилъ намъ желѣзныя ворота. Небольшой дворъ впереди оканчивается кладбищемъ, гдѣ въ зелени кипарисовъ стоятъ мраморные надгробные столбики. Налѣво тянется низенькое де-

ревянное строеніе съ черепичной крышею, занятое кельями; направо мечеть съ двойнымъ высокимъ крыльцомъ. Посерединѣ двора фонтанъ.

Въ два часа на крыльцѣ показался довольно грязный муэззинъ, взялъ себя обѣими руками за уши, закрылъ глаза и затянулъ монотонный призывъ къ молитвѣ. Мы замѣнили сапоги желтыми бабушами и поспѣшили въ мечеть.

Мы вошли въ довольно-большую залу, съ трехъ сторонъ обведенную двойной галереей. Въ нижнемъ ряду, отдѣленномъ балюстрадой, помѣщаются богомольцы и зрители; въ верхнемъ ярусѣ прямо надъ входомъ — оркестръ, а по бокамъ рѣшетчатыя ложи для женщинъ. Зала освѣщена, какъ въ театрѣ, большой люстрою. Въ передней стѣнѣ видна круглая ниша съ намалеваннымъ внутри изображеніемъ горящей лампады, и передъ нею разостланъ пунсовый коверъ. По бокамъ висятъ синія доски въ золотыхъ рамахъ съ суратами изъ Корана. Въ залѣ полъ гладко навощенъ, а въ галереѣ устланъ египетскими цыновками.

Когда мы вошли, сцена была еще пуста, но нижняя галерея наполнялась уже зрителями, турками и европейцами, а наверху въ ложахъ, сквозь зеленыя рѣшетки, виднѣлись неясные силуэты фигуръ, закутанныхъ въ бѣлые яшмаки. Я помѣстился съ товарищемъ у самой балюстрады, подлѣ какихъ-то француженокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ часть рѣшетчатой ограды отворилась, и мевлеви потянулись въ залу. Впереди шелъ молодой человѣкъ съ прекрасными чертами лица, въ черной рясѣ и коричневой чалмѣ, густо обвитой внизу зеленой тесьмою. Это молла или настоятель секты. За нимъ по-парно выступало человѣкъ двадцать дервишей, въ коричневыхъ рясахъ и войлочныхъ шапкахъ, похожихъ на опрокинутый цвѣточный горшокъ. Потупя глаза и сложа руки на груди, входили они въ залу, не слышно ступая босыми ногами, раздѣлялись въ обѣ стороны и становились вокругъ балюстрады.

Молодой молла вошелъ въ нишу, обратился къ лампадѣ и тихимъ, выразительнымъ голосомъ началъ читать молитву. На хорахъ раздалось визгливое пѣніе. Дервиши разомъ опустились на колѣна, вытянули впередъ сложенныя руки и упали на нихъ головами съ крикомъ: Алла экберъ! Потомъ они дружно откинулись назадъ и снова съ тѣмъ-же завываньемъ упали на протянутыя руки. Четверть часа прошло въ этой религіозной гимнастикѣ,—и вотъ пѣніе замолкло и дервиши поднялись съ пылающими лицами. Настоятель, опустя рѣсницы, медленно вошелъ на разостланный передъ нишею пунсовый шелковый коверъ.

Вдругъ послышались рѣзкіе звуки флейты и визгливое пѣніе. Мевлеви сбросили мантіи и остались въ однѣхъ юпкахъ и кофтахъ съ длинными рукавами. Одинъ изъ сектантовъ медленно подошелъ къ молодому красавцу, поклонился ему въ поясъ, потомъ отпрянулъ на середину сцены, сложилъ руки на груди и началъ тихо повертываться на пяткахъ. За нимъ такъ-же вышелъ и закружился другой, затѣмъ опять новый, и скоро вся сцена наполнилась бѣлыми вертящимися фигурами. Мало-по-малу руки ихъ вытягивались горизонтально, какъ на распятіи, головы склонялись на-бокъ, глаза начинали смыкаться и лица засверкали восторженной улыбкой. Съ каждой минутой дикое пѣніе становилось порывистѣе, дервиши кружились быстрѣе, бѣлыя юбки ихъ развертывались шире, надувались какъ полотняный колоколъ, надъ которымъ мельками только распростертыя руки и голова въ войлочномъ наконечникѣ. А молла стоялъ на коврѣ, набожно потупя глаза.

Прошло четверть часа. Музыка и пѣніе умолкли; дервиши отступили шатаясь къ балюстрадѣ и опустились на колѣна. Это былъ молитвенный антрактъ. Но скоро опять флейта завизжала еще быстрѣе и пронзительнѣе, и мусульманская труппа закружилась съ усиленной энергіей. При быстротѣ поворотовъ едва можно было видѣть облитыя потомъ, красныя лица, подернутыя улыбкой фанатическаго во-

сторга. Это была не мистификація: въ религіозномъ опьяненіи вѣроятно не одному изъ этихъ блаженныхъ подвижниковъ видѣлся уже рай Магомета съ лежащими на зеленыхъ изголовьяхъ черноглазыми гуріями. Но блаженство безумья дается не всякому: большая часть дервишей изнемогла въ этой душеспасительной пляскѣ. Имамы подбѣгали беспрестанно къ вертящимся мевлеви и одного за другимъ выводили изъ мечети. Послѣ третьей молитвы на сценѣ осталось только семеро дервишей. Тутъ музыка дошла до страшной быстроты, пѣніе превратилось въ бѣшеные визги, и бѣлыя фигуры закружились точно спущенные волчки. Этотъ религіозный балетъ, это бѣснованіе во спасеніе души продолжались около часу. И вовсе это время красавецъ-молла смотрѣлъ съ набожнымъ восторгомъ на свою вертящуюся труппу и только изрѣдка обращалъ глаза на галерею, кака-бы желая подмѣтить, какое впечатлѣніе производитъ на гяуровъ этотъ подвигъ во славу Магомета.

Представленіе кончилось тѣмъ, что мевлеви, шатаясь точно пьяные, отступили къ балюстрадѣ, упали на колѣна и, отдохнувъ за новой молитвою, вышли изъ мечети. Актеры скрылись, и публика бросилась отыскивать не экипажи, а оставленные за дверьми сапоги. У крыльца женщины толпились взглянуть на моллу. Сквозь покрывала виднѣлись тѣже нѣжные взгляды, какими бывало въ оперѣ наши дамы встрѣчали Маріо.

Въ Скутари находится текке другой сумазбродной секты шемси, которой члены не составляютъ монашескаго ордена, какъ мевлеви, а принадлежатъ къ разнымъ сословіямъ и только собираются на общее моленье. Я ѣздилъ туда на пароходѣ въ цѣлой кампаніи французовъ изъ нашего отеля. По извилистой улицѣ пришли мы къ воротамъ, надъ которыми видна какая-то арабская надпись. Съ крытаго крыльца прямо подымается входъ въ мечеть, а направо въ открытую комнату безъ дверей, которая служитъ чѣмъ-то въ родѣ фойе. По стѣнамъ ея развѣшены рясы для собирающихся

дервишей: при насъ здѣсь облачались двое гвардейскихъ офицеровъ.

Мы вошли въ мечеть. Это такая-же зала, какъ и у мевлеви, обведенная съ трехъ сторонъ галереей, надъ которою подымаются хоры для женщинъ, заставленные рѣшетками. На передней стѣнѣ видна ниша съ надписями изъ Корана. Но если арена вертящихся дервишей похожа на танцовальную залу, то молельня шемси напоминаетъ инквизицію. По стѣнамъ развѣшены какіе-то дикіе снаряды: двойныя алебарды, съ остреями въ видѣ полумѣсяца, кривыя иззубренныя сабли, уродливые щипцы и желѣзные крючья, тонкіе кинжалы, съ мѣднымъ шаромъ вмѣсто рукояти. Надъ арками висятъ странные барабаны, похожіе на обтянутыя кожей воронки.

Галерея была уже биткомъ набита зрителями, но имамъ растолкалъ безъ церемоніи турокъ и провелъ насъ къ балюстрадѣ. На сценѣ, передъ самой нишею, сидѣлъ на аломъ коврѣ молла. Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти, въ розовой рясѣ и зеленой чалмѣ, худой какъ отощавшій паукъ, съ сѣдой бородою и красными вѣками, которыя безпрестанно подымались и опускались. По сторонамъ его расположилось четверо стариковъ, въ лиловыхъ и желтыхъ халатахъ, а напротивъ около балюстрады сидѣло на овчинахъ человѣкъ сорокъ дервишей въ темныхъ рясахъ. Въ числѣ ихъ было трое негровъ.

Когда мы вошли, имамы разносили почтеннымъ отцамъ музыкальные инструменты: моллѣ подали мѣдныя тарелки, какія бываютъ у насъ въ полковыхъ оркестрахъ, старикамъ — бубны, или лучше сказать рѣшета, обтянутыя кожей, остальнымъ — маленькіе барабаны съ привѣшенными къ нимъ продолговатыми ремнями. Всѣ сидѣли неподвижно съ потупленными глазами, и только красныя вѣки старика хлопали, какъ у засыпающей птицы. Но вотъ онъ поднялъ руки, и рѣзкій ударъ его тарелокъ прозвучалъ въ залѣ: дервиши вздрогнули. Раздался другой и третій ударъ, — и на него

откликнулись глухимъ гуломъ всѣ бубны и барабаны. Дикіе раскаты уродливаго оркестра съ каждой минутой становились быстрѣе, и какъ-будто готовили къ чему-то нечеловѣческому. Затихая на нѣсколько мгновеній, мрачная гармонія звучала опять съ новой силою, съ удвоенной быстротою и дикостью, и наконецъ все слилось въ бѣшеный хаосъ, гдѣ въ дикомъ гулѣ и грохотѣ гремѣли раздирающіе звуки металлическихъ тарелокъ, поражая слухъ и потрясая нервы. Въ этой адской музыкѣ было что-то безумное и увлекающее: глаза дервишей разгорались, изъ-подъ красныхъ вѣкъ старика сверкали бѣшеные взгляды.

Вдругъ всѣ шемси поднялись и бросили инструменты. Послышалась хриплая молитва стараго моллы. Человѣкъ тридцать дервишей стали плотнымъ рядомъ, сверкая дикими глазами. Едва замолкла молитва, старикъ въ желтой рясѣ выступилъ впередъ и рѣзкимъ голосомъ, похожимъ на визгъ пилы, затянулъ какой-то порывистый мотивъ. Дикій грохотъ барабановъ откликнулся на хорахъ. При этомъ вся шеренга дервишей, ступя впередъ правой ногою, начала покачиваться, разомъ наклоняясь и откидываясь назадъ съ дикимъ завываньемъ: Алла-гу! Алла-гу! Рѣзкій голосъ старика звучалъ съ каждой минутой пронзительнѣе, качанье бѣснующихся дѣлалось быстрѣе и ниже, хриплый ревъ ихъ сильнѣе и чудовищнѣе. Лица фанатиковъ разгарались румянцемъ, глаза сверкали безумнымъ огнемъ, голосъ превращался въ нечеловѣческій ревъ. Весь рядъ этихъ дикарей разомъ склонялся впередъ, прижикая лбомъ почти до полу, и всей массой перегибался назадъ, едва не касаясь до земли затылкомъ, съ бѣшенымъ завываньемъ, похожимъ на ревъ голодной стаи дикихъ звѣрей.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ толпы остальныхъ дервишей вышелъ негръ. Молла снялъ со стѣны два кинжала съ шаровидными ручками, сталъ опять на коверъ, медленно проговорилъ какую-то молитву и провелъ языкомъ по свѣтлымъ лезвеямъ. Негръ преклонилъ колѣна и принялъ кинжалы, по-

томъ отскочилъ на середину залы, сорвалъ съ себя мантію и остался въ однихъ бѣлыхъ шальварахъ съ чернымъ обнаженнымъ торсомъ. Дико поднялъ онъ бѣлые глаза, шагнулъ впередъ, взмахнулъ надъ головой кинжалами и направилъ ихъ себѣ въ грудь. Молла совсѣмъ поднялъ красныя вѣки, уставилъ тупые глаза въ потолокъ и ускоренно шевелилъ губами; а бѣшеный хоръ дервишей надрывался неистовымъ ревомъ, перегибаясь ежеминутно взадъ и впередъ цѣлымъ строемъ. И по милости Аллаха набожный акробатъ остался невредимъ.

Но кажется негръ до конца хотѣлъ исчерпать на себѣ милосердіе Магомета: онъ опять сдѣлалъ шагъ впередъ, приставилъ острія кинжаловъ къ груди и не сгибаясь ринулся на полъ, такъ что мѣдные шары глухо ударились о паркетъ и лезвіе впилось въ тѣло чернаго мученика. Струя крови потекла на полъ. Святой мужъ съ дикимъ воемъ перекинулся на спину, держа вертикально на груди свои атаганы. Молла, поддерживаемый имамами, медленно подошелъ къ нему, сталъ на ручки кинжаловъ, и хлопая красными вѣками, началъ читать благодарственную молитву Пророку за чудо, совершенное во славу ислама.

— Да этотъ фокусъ я ужъ видѣлъ на парижскомъ Гипподромѣ! сказалъ мнѣ одинъ изъ сосѣдей.

Имамы подняли негра, вырвали у него кинжалы, накинули на него мантію и вынесли изъ мечети. Молла вскрикнулъ, и весь рядъ воющихъ дервишей опустился на колѣна.

Я думалъ, что этимъ все кончится, но мы видѣли еще только половину сумазбродной комедіи. Чрезъ пять минутъ опять зазвучалъ на хорахъ барабанъ и раздался визгливый напѣвъ желтаго шемси. Снова поднялся дикій строй, сомкнулся и закачался при неистовыхъ воплях: Алла-гу! Алла-гу! Къ довершенію удовольствія одинъ мевлеви, который сидѣлъ до-тѣхъ-поръ въ галереѣ, подошелъ къ старому моллѣ, поцѣловался съ нимъ, потомъ сбросилъ рясу, распростеръ

руки, завертѣлся и его бѣлая юбка развернулась колоколомъ передъ строемъ ревущихъ дикарей.

Въ это время принесли въ мечеть ребенка, хорошенькую дѣвочку двухъ или трехъ лѣтъ. Молла коснулся до нея рукой и началъ читать молитву. Малютку положили на алый коверъ, и она поводила глазками то на воющихъ шемси, то на вертящагося мевлеви. Двое имамовъ взяли старика подъ руки, подвели къ дѣвочкѣ; онъ поставилъ ей на грудь сперва одну ногу, потомъ другую и выпрямился. При всей увѣренности въ искусствѣ фокусника, я не могъ удержаться отъ непріятнаго чувства. Малютка однакожъ не вскрикнула: кажется, старикъ опирался локтями на имамовъ и ноги его едва касались ребенка.

— Это исцѣленіе больныхъ! сказалъ одинъ изъ нашихъ французовъ.

— Чтобы старику вылѣчить своей благодатью и самую Турцію! замѣтилъ другой.

— Это ужъ дѣло моллы Ретклифа: вѣдь онъ именно для того и наступилъ на горло Портѣ.

Продѣлка повторилась еще надъ десяткомъ дѣтей, которыхъ одного за другимъ клали на коверъ. Старый молла, при неумолкающемъ ревѣ своихъ шемси и круженьи бѣлаго дервиша, становился имъ на грудь или спину, поддерживаемый двумя имамами. Иныя дѣти лежали молча, другія плакали, но кажется не отъ боли, а скорѣе отъ страха при дикомъ завываньѣ безумцевъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго. Въ заключеніе на полу улеглось пятеро солдатъ, — и старикъ, никѣмъ уже не поддерживаемый, прошелся взадъ и впередъ по ихъ спинамъ: они поднялись очень-довольные и поцѣловали у него руку. Между-тѣмъ дервишей одного за другимъ выносили изъ мечети: подъ-конецъ въ ряду воющихъ во имя Пророка осталось только десять человѣкъ. Это были настоящіе герои фанатизма, избранники людскаго безумія: съ закатившимися глазами, съ кровавой пѣ-

ной на губахъ, эти мусульманскіе кликуши все изгибались взадъ и впередъ съ нечеловѣчески-свирѣпымъ ревомъ.

Когда оборванный турокъ надѣвалъ мнѣ при выходѣ сапоги, открытая комната, примыкающая къ сѣнямъ, была полна народу. Одни скидали мантіи и надѣвали казакины, другіе лежали въ изнеможеніи на коврахъ, точно распаренные въ русской банѣ, иные сидя кружкомъ курили трубки. Между ними былъ и негръ, игравшій роль съ кинжалами. Черный мужъ, на которомъ такъ очевидно почила благодать Пророка, сидѣлъ на корточкахъ, и сверкая бѣлыми зубами, весело болталъ съ товарищами, какъ актеръ въ театральномъ фойе, послѣ трудной, но удачно исполненной роли.

VIII.

Атмейданъ. — Цистерны.

Какъ въ Ая-Софіи, сквозь турецкую закраску, проглядываютъ греческія мозаики, такъ и въ самомъ Константинополѣ, въ лабиринтѣ грязныхъ улицъ, среди хлама жалкихъ домишекъ, таятся памятники старой Византіи. Нерѣдко въ одномъ и томъ-же мѣстѣ сливаются воспоминанія двухъ эпохъ, какъ переплетенныя вмѣстѣ страницы двухъ разрозненныхъ лѣтописей, но одинаково мрачныя и печальныя. Таковъ знаменитый Атмейданъ или древній Гипподромъ. Чего только не видала эта площадь, на которой во времена имперіи мчались золотыя колесницы синихъ и зеленыхъ, а въ цвѣтущіе годы Турціи ичогланы носились на арабскихъ лошадяхъ въ играхъ джерида, гдѣ приверженцы Ипатія погибли подъ мечемъ Юстиніана при торжественномъ моленіи въ соборахъ, а трупы махмудовыхъ янычаръ висѣли на платанахъ, въ виду развѣвающагося санджакъ-шерифа!

Площадь представляетъ теперь продолговатый четыреугольникъ. Съ одной стороны ея стоитъ великолѣпная мечеть Ахмедіе, съ изящной арабской галереей на мраморныхъ колоннахъ, гдѣ въ 1822 году выставлено было красное знамя Пророка. Остальныя три стороны застроены ря-

дами жалкихъ деревянныхъ домишекъ, съ промежутками узкихъ и грязныхъ улицъ, которыя бѣгутъ отсюда во всѣ концы Стамбула. Поверхность площади, изрытая ямами и заваленная кучами притоптаннаго мусора, похожа на неровное поле, размытое дождевыми протоками. Кое-гдѣ зеленѣетъ трава и подымаются старые платаны.

При Юстиніанѣ Гипподромъ уставленъ былъ колоннами, бронзовыми и мраморными статуями, которыя въ продолженіе вѣковъ свозились сюда съ цѣлаго свѣта. Немногіе изъ этихъ памятниковъ спаслись отъ турокъ. Входя на площадь отъ Сераля, видишь сперва большой обелискъ розоваго гранита: это памятникъ временъ строителя Ая-Софіи. До-сихъ-поръ онъ скрывался на нѣсколько аршинъ подъ землею, но англичане во время послѣдней войны откопали его до основанія и обвели чугунной рѣшеткою. На пьедесталѣ открылись мраморные барельефы и греческія надписи. Засыпанные четыре вѣка щебнемъ, они почернѣли, но зато вполнѣ сохранились: въ барельефахъ представлено открытіе обелиска, а надписи выражаютъ похвалы императору за его сооруженіе. За нимъ стоитъ Змѣиная-колонна, одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ въ мірѣ, описанный еще Геродотомъ. Извѣстно, что Константинъ вывезъ ее изъ дельфійскаго храма, гдѣ она поставлена была на память платейской побѣды, отъ лица всѣхъ греческихъ племенъ, которыя участвовали въ битвѣ. Это три бронзовые змѣя, которые, опираясь хвостами на пьедесталъ, сплетаются въ вертикально подымающуся колонну и наверху опять раскидываютъ головы на три стороны. Но теперь осталось одно ихъ скрученное туловище. Магомедъ II, при взятіи города, прискакалъ на Гипподромъ и срубилъ одну голову саблею, а турки отбили остальныя, думая найти здѣсь сокровища. Преданіе о томъ, что при осадѣ Константинополя греки спрятали въ витой колоннѣ золото и дорогіе камни, держалось такъ упорно, что еще лѣтъ сорокъ назадъ евреи заплатили большую сумму, чтобъ имъ позволили осмотрѣть памятникъ, и разумѣется ничего

не нашли. Англичане отрыли его и обнесли рѣшеткой. При этомъ на нижней части колонны открылись надписи: это имена городовъ, которые принимали участіе въ платейской битвѣ. Теперь оба памятника стоятъ какъ-будто въ колодцахъ. Позади дельфійскихъ змѣй подымается еще колонна, сложенная изъ тесанныхъ камней и угрожающая скорымъ паденіемъ. Это такъ-называемый термосъ Константина. Въ старину она обита была серебряными листами, и теперь на камняхъ видны еще пробоины, которыми прикрѣплялась эта обшивка. Вотъ все, что осталось на Атмейданѣ. Остальное истреблено турками: колонны взяты на постройку мечетей, мраморныя статуи разбиты, бронзовыя переплавлены въ пушки. Только четверка мѣдныхъ коней, увезенныхъ дожемъ Зено въ Венецію, стоитъ теперь надъ порталомъ св. Марка, какъ единственная память былаго величія Гипподрома.

На этой-то площади были знаменитыя ристалища синихъ и зеленыхъ, изумлявшія Византію роскошью и кровавыми побоищами. Теперь не осталось и слѣдовъ тѣхъ мраморныхъ галерей, откуда богачи и вельможи рукоплескали, когда золотыя квадриги неслись по усыпанной цвѣтнымъ пескомъ аренѣ, соперничая быстротою лошадей и ловкостью наѣздниковъ, одѣтыхъ въ туники враждебныхъ цвѣтовъ. Бѣгъ начинался отъ юстиніанова обелиска: отъ него мчались колесницы, огибая полукругъ къ константинову термосу, и отсюда другимъ полукругомъ возвращались къ обелиску. Змѣиная-колонна была центромъ ристалища. Вокругъ этихъ-же памятниковъ при Солиманѣ-Великомъ, въ праздникъ бэйрама, скакали турецкіе наѣздники на арабскихъ лошадяхъ, въ драгоцѣнныхъ чалмахъ и шитыхъ золотомъ одеждахъ.

Теперь Атмейданъ опустѣлъ. Я былъ на немъ нѣсколько разъ и только однажды видѣлъ, какъ трое оборванныхъ турокъ, вѣроятно лакеи какого-нибудь паши, рыскали въ перегонку по площади на довольно-жалкихъ лошадяхъ. Когда въ послѣдній разъ я пришелъ сюда съ Франкуди, который вызвался объяснить мнѣ старинныя надписи, площадь

показалась мнѣ еще печальнѣе. Гдѣ, бывало, синіе и зеленые соперничали своими конями и одеждами, теперь у входа въ Ахмедіе лежало съ десятокъ нищихъ въ грязныхъ рубищахъ, а вмѣсто раззолоченной квадриги по Гипподрому двигалась неуклюжая талика, запряженная парой дымчатыхъ быковъ, и босоногій сансъ шелъ лѣниво, держась одной рукою за изогнутый рогъ.

Талика остановилась подлѣ Змѣиной-колонны. Сансъ отворилъ дверцу и высадилъ сперва негритянку, всю одѣтую въ бѣломъ, а потомъ женщину въ голубомъ фередже, плотно окутанную яшмакомъ. Поддерживаемая подъ руку черной невольницей, турчанка поплелась къ рѣшеткѣ памятника, шлепая желтыми туфлями. Подойдя къ колоннѣ, она болѣзненно оперлась на ограду. Черная невольница набрала горсть мелкихъ камней, подала голубой женщинѣ, и турчанка принялась кидать ихъ за рѣшетку, стараясь попасть въ отверстіе колонны. Хоть это было и не трудно, но рука ея дрожала, и камешки звеня о бронзу, падали въ глубину обрытаго колодца. Наконецъ одинъ попалъ внутрь дельфійской колонны. Голубая женщина видимо обрадовалась: она оперлась опять на руку невольницы и пошла къ бронзовымъ дверямъ Ахмедіе.

— Знаете-ли, что это такое? сказалъ Франкуди.

— Нѣтъ... мнѣ кажется только, что эта женщина нездорова.

— Да, это больная. Турки говорятъ, что Магометъ II, отрубивъ змѣиныя головы, спряталъ въ колонну всѣ злыя болѣзни, и чтобъ онѣ не могли вылетѣть, заложилъ отверстіе камнями. Съ-тѣхъ-поръ всякій выздоравливающій торопится бросить камень внутрь колонны, чтобы болѣзнь къ нему не возвратилась. Когда Махмудъ позволилъ жидамъ очистить памятникъ, въ городѣ ходили слухи, что съ этого времени показалось много больныхъ, и правовѣрные въ два дня засыпали опять колонну. Теперь, когда англичане, съ дозволенія султана, окопали и обнесли памятникъ рѣшеткой,

бросать камни стало труднѣе, и турки говорятъ, что варвары выдумали это нарочно для истребленія мусульманъ. Въ кофейняхъ фанатики и теперь толкуютъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ невѣрныя собаки огородили змѣиный столбъ, въ Стамбулѣ явились небывалыя болѣзни.

— И кажется, англичане не надолго отрыли колонну: посмотрите-ка, сколько набросано камней!

Въ-самомъ-дѣлѣ вокругъ Змѣиной-колонны, въ обрытомъ углубленіи, обведенномъ желѣзною рѣшеткой, по-крайней-мѣрѣ на четверть аршина накиданы уже мелкіе камни. Если каждый большой турокъ, бросая каменекъ въ колонну, будетъ дѣлать хоть по одному промаху, то черезъ годъ дельфійскій памятникъ опять будетъ засыпанъ.

Въ Константинополѣ даже подъ землею, въ глубинѣ почвы, таятся слѣды старой жизни, великіе памятники Византіи. Ни стѣны Ѳеодосія и величественная красота Ая-Софіи, ни исполинскій водопроводъ Валента, перебѣгающій съ холма на холмъ полосою двухъ-ярусныхъ арокъ, не поражаютъ можетъ-быть въ такой степени, какъ исполинскія цистерны, которыя таятся подъ массою турецкихъ построекъ. Какъ Парижъ стоитъ на катакомбахъ, такъ цѣлые кварталы Стамбула построены надъ подземными водохранилищами. Здѣсь и въ глубинѣ земли скрыты памятники искусства.

Одна изъ древнихъ цистернъ извѣстна теперь у турокъ подъ именемъ Бинъ-биръ-дирека или подземелья Тысячи-и-одной Колонны. Она находится недалеко отъ Атмейдана. Я былъ тамъ еще въ одну изъ первыхъ моихъ прогулокъ съ Папатоли. Мы пришли на заваленный щебнемъ пустырь, гдѣ въ старину былъ одинъ изъ императорскихъ дворцовъ. Между грудами мусора видны на землѣ симметрическія отверстія, въ видѣ углубленныхъ воронокъ. Изъ нихъ слышенъ былъ гулъ человѣческихъ голосовъ. Съ одной стороны пустырь оканчивается обрывомъ, съ массивной аркою, въ которой опускается въ землю лѣстница. При входѣ встрѣтилъ насъ старый турокъ.

Мы опустились въ подземелье, освѣщенное сверху, черезъ круглыя отдушины каменныхъ воронокъ. Передо мною тянулись ряды бѣлыхъ колоннъ, саженъ въ пять вышиною, и съ капителей ихъ выгибались во всѣ стороны безчисленные своды. Кажется, стоишь въ каменномъ лѣсу правильно насаженныхъ пальмъ, которыя сплелись наверху исполинскими листьями, выгнутыми зонтикомъ, кое-гдѣ только пропуская лучи свѣта Я насчиталъ двадцать рядовъ арокъ, но видно, что съ обѣихъ сторонъ часть подземелья засыпана. Полъ, неровный и ухабистый, обнажаетъ мѣстами выгибы новыхъ арокъ, отъ которыхъ опускается, говорятъ, внизъ еще такое-же подземелье, теперь совсѣмъ заваленное. И эта исполинская постройка сдѣлана только для воды!

Бинъ-биръ-дирекъ совершенно теперь сухъ, и въ немъ помѣщается мастерская для размотки шелка. Между колоннами разставлены станки, у которыхъ оборванные мальчишки вертятъ колеса, а по корридорамъ изсякшаго водохранилища тянутся шелковыя нити, наматываясь на катушки. Турокъ взялъ меня за руки, привелъ на конецъ подземелья и показалъ рельефный крестъ, вырубленный на колоннѣ.

— Это крестъ Константина! сказалъ онъ, протягивая руку за бакшишемъ.

Еще замѣчательнѣе колоссальная цистерна Эрбатанъ-серай или Подземный-дворецъ. Это древняя константинова нимфея, которая цѣлые три вѣка была неизвѣстна туркамъ и открыта только въ прошломъ столѣтіи. Подземелье это, пролегающее подъ Софійскимъ-кварталомъ, служитъ у мусульманъ предметомъ суевѣрнаго страха и фантастическихъ разсказовъ. Я не надѣялся видѣть его, потому-что туда не пускаютъ безъ особаго фирмана. Но случай помогъ мнѣ. Еще на второй день бэйрама одинъ французъ изъ нашего отеля добылъ позволеніе осмотрѣть цистерну и пригласилъ меня участвовать въ подземномъ плаваньи на половинныхъ издержкахъ.

Когда я воротился съ Гипподрома, мнѣ сказали, что

канкъ съ утра еще перенесенъ въ цистерну. Товарищъ мой зашелъ ко мнѣ. Мы взяли съ собой Панатоли.

Недалеко отъ Ая-Софіи пришли мы на какое-то пожарище, заваленное грудами почернѣвшаго щебня, надъ которыми торчали кое-гдѣ остатки печей и закоптѣлыя трубы. Намъ указали большую яму въ углу пустыря. Въ глубинѣ ея видна была ветхая каменная лѣстница: она вела ко входу въ константинову нимфею. Передъ нами открылся каменный парапетъ съ рядомъ подземныхъ арокъ, на исполинскихъ мраморныхъ колоннахъ съ коринѳскими капителями. За нимъ въ подземной глубинѣ воды тянулись вдаль ряды такихъ-же громадныхъ колоннъ бѣлаго мрамора, и безчисленныя арки, сплетаясь однѣ съ другими, пропадали въ темнотѣ. Изъ глубины цистерны вѣяло холодомъ.

У крайней арки ожидала насъ лодка. Молодой канкчи зажегъ два фонаря. Мы сошли въ канкъ и поплыли водянымъ корридоромъ въ глубь подземелья, между двумя рядами подымающихся изъ воды мраморныхъ великановъ. Медленно подвигались мы, цѣпляясь багромъ отъ одной до другой колонны. Когда я черезъ четверть часа обернулся назадъ, арка казалась уже маленькимъ окошечкомъ, а впереди ряды мраморныхъ колоннъ все тянулись въ даль, недосягаемую для глазъ. Свѣтъ отъ нашихъ фонарей падалъ на мраморные столбы и освѣщалъ въ промежуткахъ ихъ безконечные ряды другихъ, въ обѣ стороны убѣгающихъ колоннадъ. Не знаю, что можно сравнить съ этимъ подземнымъ лабиринтомъ: воображеніе отказывается признать его человѣческой работой, а между-тѣмъ онъ не похожъ и на дѣло природы. Кажется, видишь постройку какихъ-нибудь исполиновъ. Что значатъ наши кристальные дворцы и тоннели передъ этою работою великановъ, которые подъ землею ставили тысячи мраморныхъ колоннъ, какими мы гордимся въ дворцахъ и храмахъ!

— Чѣмъ-же у васъ страшно это подземелье? спросили мы канкчи.

— Да разсказываютъ, эффенди, что здѣсь живутъ джины, злые духи, заключенные царемъ Сулейманомъ. Аллахъ знаетъ, правда-ли это, а все людямъ тутъ страшно. Вотъ посмотрите-ка сюда!

Кайкчи поднялъ фонарь, и мы увидѣли деревянную трубу, которая изъ воды упиралась вертикально въ сводъ подземелья. Это насосъ для подъема воды въ какой-нибудь домъ или садъ.

— На сводахъ, эффенди, много отверстій, продолжалъ турокъ. — Вы знаете, что Пророкъ велѣлъ мусульманамъ строго держать женъ и наказывать ихъ за невѣрность. Такъ вотъ въ прежніе годы, когда вѣру соблюдали, въ эти отверстія часто кидали женщинъ въ мѣшкахъ. Утопленицы и теперь еще, говорятъ старики, живутъ въ Эрбатанъ-сераѣ и по ночамъ плаваютъ между столбами. Лѣтъ пять назадъ одинъ кайкчи съ нашей пристани забрелъ вечеромъ къ этому подземелью. Смотритъ онъ, на ступеняхъ сидитъ молодая женщина, совсѣмъ безъ яшмака и горько плачетъ. Не успѣлъ онъ два раза сказать маша-аллахъ, какъ она скакнула въ воду и пропала въ подземномъ дворцѣ. Вѣдь Аллахъ великъ и милостивъ!

Напрасно искали мы надписей въ цистернѣ: на одной только колоннѣ замѣтили мы два выпуклые креста и подъ ними какія-то полуизглаженныя буквы. Мой товарищъ, мечтавшій объ археологической жатвѣ, былъ недоволенъ поѣздкой. Можетъ-быть, въ крайнихъ боковыхъ корридорахъ и есть что-нибудь, но кайкчи боялся заблудиться въ цистернѣ и не хотѣлъ плыть далеко въ сторону. Говорятъ, цистерна проходитъ даже подъ серальскіе сады и сообщается съ Золотымъ-Рогомъ, но теперь выходъ закладенъ. Долго подвигались мы впередъ, а корридору не было и конца, и въ обѣ стороны все тянулись безконечныя галереи мраморныхъ столбовъ. Наконецъ, по настоянію кайкчи, мы повернули назадъ. Черезъ нѣсколько минутъ вдали показался свѣтлый полукругъ, началъ постепенно рости и обозначился наконецъ

аркой. Я былъ доволенъ прогулкой, которая познакомила меня съ однимъ изъ величайшихъ сооруженій въ свѣтѣ. Когда я выпрыгнулъ изъ каика, меня такъ и обдало теплыми лучами солнца.

Возвращаясь въ гостиницу, я встрѣтился на Галатскомъ-мосту съ Франкуди.

— Знаете-ли новости? сказалъ онъ, подходя ко мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ. — Французскій посланникъ подалъ ультиматумъ по вопросу о дунайскихъ выборахъ, и его поддерживаютъ Россія, Пруссія и Сардинія.

— Ну, а что-же англійскій посланникъ? спросилъ я.

— Разумѣется, поддерживаетъ Турцію. Говорятъ, лордъ Редклифъ и слышать не хочетъ о соединеніи Дунайскихъ-княжествъ. Ночью назначенъ по этому дѣлу большой совѣтъ подъ предсѣдательствомъ великаго-визиря.

— Увидимъ, кто перескачетъ, синіе или красные!

Вечеромъ въ Перѣ шли горячіе толки о предстоящемъ разрывѣ съ Франціей: греки, такъ мягкіе и молчаливые при туркахъ, горячились въ своихъ кружкахъ и рвались изъ всѣхъ силъ, доказывая другъ-другу необходимость новой войны на Востокѣ. Я думаю, синіе и зеленые не спорили съ такой энергіей за тронъ византійской имперіи, какъ теперь доблестные потомки Комненовъ и Палеологовъ толковали о близкомъ паденіи турецкой власти въ Константинополѣ. А турки спокойно сидѣли въ кофейняхъ, не подозрѣвая, кажется, этихъ тревогъ, а можетъ-быть утѣшаясь фаталистической мыслью, что время не перевернуло еще той страницы вѣчной книги, въ которой судьба назначила имъ покинуть берега Босфора.

IX.

Безестенъ.

Всматриваясь въ Константинополь, каждый день находишь въ немъ что-нибудь общее съ Москвою. Тотъ и другой городъ поражаютъ живописной мѣстностью и красотою видовъ. Съ панорамой Стамбула отъ высоты Бугурлу можно сравнить только картину Москвы отъ Воробьевыхъ-горъ: въ обѣихъ та-же масса строеній и садовъ, колоколенъ и минаретовъ, золотыхъ крестовъ и полумѣсяцевъ. Нигдѣ нѣтъ такой иллюминаціи, какъ въ ночь на свѣтлое-воскресенье въ Москвѣ и наканунѣ бэйрама въ Константинополѣ, не по количеству огней, а по таинственной прелести и оригинальности. Въ самой жизни обѣихъ столицъ есть черты поразительно-близкія. Домъ турецкаго паши такъ-же набитъ поварами, чубукчами, сапсами, какъ дворъ истинно-московскаго барина богатъ лакеями, форрейторами, прачками и суомойками. Квартальные и кавасы, купеческіе сынки и цивилизованные шампанскимъ молодые османлисы, кликуши Троицкой-лавры и воющіе дервиши, — все это невольно поражаетъ какимъ-то родственнымъ сходствомъ.

Рѣдкій изъ европейскихъ туристовъ не восхищался оригинальностью Безестена, главнаго базара въ Константино-

полѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ жителю Парижа или Лондона, послѣ ихъ разбросанныхъ по домамъ магазиновъ, базаръ этотъ долженъ казаться необыкновеннымъ. Но кто знаетъ московскіе Городскіе-ряды, тотъ найдетъ въ немъ много знакомаго. Конечно, въ стамбульскомъ базарѣ есть свои особенности, но общимъ характеромъ онъ напоминаетъ московскій Гостиный-дворъ: оба они состоятъ изъ полутемныхъ переходовъ, гдѣ не живутъ, а только торгуютъ, поручая на ночь лавки охраненію спущенныхъ по веревкамъ собакъ. Во всѣ дни бэйрама Безестенъ былъ пустъ, какъ московскій Гостиный-дворъ на святой-недѣлѣ. Въ первый разъ я видѣлъ его во всемъ разгарѣ на другой день послѣ моей прогулки въ константиновой цистернѣ. Мы согласились идти туда съ французскимъ купцомъ, который жилъ въ нашемъ отелѣ, и взяли проводникомъ Папатоли.

Безестенъ лежитъ недалеко отъ Галатскаго-моста, между мечетями Валидэ-Султань и Баязидіе. По извилистой улицѣ, сплошь застроенной кофейнями, пришли мы къ каменнымъ воротамъ, сведеннымъ аркою. Они ведутъ въ корридоръ со сводами, слабо освѣщенный изъ отверстій, пробитыхъ въ небольшихъ куполахъ. Вдоль и поперекъ извивается множество другихъ переходовъ, неправильныхъ и перепутанныхъ, какъ и стамбульскія улицы. Это цѣлый городокъ изъ сотенъ темныхъ рядовъ, обведенныхъ съ обѣихъ сторонъ лавками. Каждый рядъ, какъ и въ Москвѣ, носитъ особое названіе: шелковый, оружейный, москательный: Лавки освѣщены тѣмъ полусвѣтомъ, въ которомъ при выборѣ вещи слѣдуетъ возлагать упованіе не на свои глаза, а на увѣренія купца и милость Аллаха. Въ греческихъ и армянскихъ лавкахъ есть двери, а въ турецкихъ нижняя часть деревянной стѣны откидывается въ корридоръ, и изъ нея дѣлается передъ лавкою родъ дивана. Тутъ разстилается тюфякъ или коверъ, и купецъ сидитъ на немъ, поджавъ ноги. Съ перваго взгляда можно отличить греческую лавку отъ турецкой: въ одной хлопотливая дѣятельность, въ другой мертвая тишина. Гре-

ческій торговецъ въ постоянномъ движеніи: онъ разбираетъ товаръ, болтаетъ съ покупателями, а если и сидитъ у лавки, то бойко перебираетъ комболойо и звонкимъ голосомъ перекликается съ сосѣдомъ. Турокъ, обыкновенно въ халатѣ и чалмѣ, сидитъ неподвижно на своемъ коврѣ, уставя глаза на одинъ предметъ, или вынимаетъ лѣниво товаръ, объявляетъ цѣну и спокойно ждетъ, возьмете вы его или нѣтъ. Здѣсь старый костюмъ и обычаи, такъ-же какъ и у насъ, удержались больше всего въ купечествѣ, и вы рѣдко увидите на торговцѣ казакинъ или махмудовскій тарбушъ. Курить въ Безестенѣ не позволено. Поэтому, какъ московскій торговецъ любитъ посидѣть за чаемъ въ Новотроицкомъ-трактирѣ, такъ и турецкій купецъ нѣсколько разъ въ день сходитъ въ кофейню помолчать за трубкой или наргилэ. Передъ лавками, какъ и въ нашемъ Гостиномъ-дворѣ, шныряютъ разнощики съ лотками и бродятъ нищіе и попрошайки.

Если въ Безестенѣ нѣтъ мальчишекъ, которые зазываютъ у насъ покупателей, зато въ немъ водятся другаго рода нищейки, которые во всякомъ случаѣ не уступаютъ московскимъ. При входѣ на базаръ васъ встрѣтитъ непремѣнно человѣкъ въ пальто или казакинѣ, съ поклонами начнетъ допрашивать — чего вы желаете, и предложитъ рекомендовать баснословно-дешевые товары. Это не торговецъ, а комиссіонеръ, который ловитъ проходящихъ въ лавки и получаетъ за это бакшишъ съ купцовъ и съ покупателей.

Только-что вошли мы на базаръ, какъ нашъ европейскій костюмъ началъ привлекать этихъ стамбульскихъ кулаковъ. На всѣхъ языкахъ предлагали они свои услуги, и Папатоли едва успѣвалъ отражать ихъ рѣшительнымъ увѣреніемъ, что онъ самъ настоящій комиссіонеръ. Однако-жъ одинъ черненькій грекъ явно не признавалъ за нимъ этой профессіи и упорно преслѣдовалъ насъ шагъ за шагомъ.

— Что вамъ угодно, господа? говорилъ онъ по-французски: — я отведу васъ въ самый лучшій магазинъ во всемъ Безестенѣ.

Мы не отвѣчали. Онъ принялся напѣвать ту-же фразу по-итальянски, по-англійски и наконецъ по-нѣмецки.

— У насъ свой проводникъ, сказалъ я: — вы напрасно только теряете время.

— Вашъ проводникъ ничего не знаетъ: это наше дѣло. Я покажу вамъ лавку, гдѣ вы купите въ пятеро, въ десятеро дешевле. Развѣ вамъ не угодно купить за пять піастровъ вещь, которая стоитъ пятьдесятъ?

Папатоли довольно-нецеремонно оттолкнулъ его, но онъ нисколько не смутился и продолжалъ преслѣдовать насъ съ прежней настойчивостью.

Въ шелковомъ и галантерейномъ ряду больше всего попадаются женщины. Онѣ бродятъ отъ одного магазина къ другому, шлепая своими туфлями, или сидятъ передъ лавками и разсматриваютъ матеріи, шитыя золотомъ и серебромъ туфли, опахала изъ павлиньихъ перьевъ, овальныя зеркала съ узорчатыми ручками. Мы остановились передъ лавкою бородатаго турка въ шалевой чалмѣ. Товарищъ мой купилъ янтарныя четки, а я коверъ съ вышитымъ шелками вензелемъ султана. Пока мы смотрѣли вещи, черненькій грекъ все вертѣлся около насъ и усердно старался, чтобы купецъ его замѣтилъ. Когда мы расплатились, онъ подбѣжалъ къ турку, и тотъ далъ ему мелкую серебряную монету.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть знаменитое восточное оружіе. Папатоли привелъ насъ въ большой магазинъ какого-то армянина. Вся лавка убрана была оружіемъ и сбруею въ старинномъ вкусѣ. На стѣнахъ висѣли длинныя ружья съ камнями и золотой насѣчкой, изогнутыя сабли синеватой стали съ золотыми турецкими надписями, атаганы и кинджары въ бархатныхъ и серебряныхъ ножнахъ съ бирюзой, яхонтами и топазами, высокія сѣдла, всѣ въ дорогихъ камняхъ съ шитыми золотомъ чепраками. Все это напоминало старую Турцію. Армянинъ очень-любезно показывалъ свои рѣдкости. Но оружіе здѣсь чрезвычайно дорого: за простой клинокъ дамасскаго кинжала просятъ тысячу піастровъ, а сабли цѣ-

нятся почти на вѣсъ золота. Мы видѣли кривую саблю, которая стоитъ будто-бы пять-тысячъ рублей серебромъ. Купецъ жаловался, что настоящіе знатоки оружія теперь переводятся, и даже турки начинаютъ предпочитать старинным пистолетамъ англійскіе ривольверы.

Во все это время комиссіонеръ стоялъ у дверей. Только что мы вышли, онъ шмыгнулъ въ магазинъ и принялся что-то нашептывать купцу въ надеждѣ вѣроятно получить бакшишъ и зато, что мы ничего не купили. На этотъ разъ ему однакожъ не посчастливилось: армянинъ вытолкалъ его за дверь. Грекъ торопливо догналъ насъ.

— Не забудьте, господа, комиссіонера! проговорилъ онъ, забѣгая впередъ: — я ходилъ съ вами два часа.

— А кто-же виноватъ! сказалъ мой товарищъ:—мы васъ предупреждали... Впрочемъ, хотите получить десять піастровъ? — покажите намъ, какъ здѣсь прибиваютъ за уши плутовъ къ дверямъ лавокъ.

— Теперь ужъ не прибиваютъ! отвѣчалъ грекъ съ видомъ крайняго сожалѣнія.—Прежде дѣйствительно вотъ такихъ мошенниковъ, какъ этотъ армянинъ, приколачивали гвоздями, а нынче это совсѣмъ вывелось. Что дѣлать—другія времена. Не обидьте-же своего комиссіонера!

Мы расхохотались. Но Папатоли взглянулъ на дѣло совершенно серьозно: онъ бойко схватилъ за шиворотъ своего соотечественника, повернулъ и далъ ему такой братскій пинокъ, что грекъ исчезъ въ боковомъ коррпдорѣ.

Нигдѣ я не видалъ такого разнообразія въ деньгахъ, какъ на стамбульскомъ Безестенѣ. Здѣсь въ обращеніи звонкая монета всей Европы: французскіе двадцати-франковики, русскіе цѣлковые, австрійскіе цванцигеры, англійскіе шиллинги. Это служитъ прекраснымъ средствомъ, при расчетѣ курса на піастры, обманывать покупателей. Всего рѣже встрѣчаются въ Константинополѣ деньги турецкія, кромѣ разумѣется бумажекъ и мѣди. Каиме или ассигнаціи въ двадцать пять и пятьдесятъ піастровъ ходятъ однакожъ хорошо,

даже и фальшивыя, если только онѣ порядочно сдѣланы. Мѣдная монета по-большей-части перечеканена изъ русскихъ пятаковъ и копѣекъ, и какъ софійскія мозаики свѣтятся изъ-подъ турецкой замазки, такъ изъ-подъ шифра Абдулъ-Медшида проглядываетъ вензель Николая I.

Когда мы ходили по Безестену, въ греческихъ и армянскихъ лавкахъ шли горячіе толки о послѣднихъ событіяхъ въ Константинополѣ. Дѣло по молдавскимъ выборамъ начинало шевелить все христіанское населеніе столицы. Bulletin de Constantinople переходилъ изъ рукъ въ руки, и купцы читали статью о протестѣ четырехъ державъ почти съ такимъ-же увлеченіемъ, какъ извѣстія о биржевомъ курсѣ. Греки сообщили намъ, что совѣтъ у великаго-визиря тянулся всю ночь, и члены Дивана разъѣхались уже при утреннемъ крикѣ муэззиновъ. Съ минуты на минуту ждали извѣстія, чѣмъ рѣшила Порта. Въ одной изъ послѣднихъ лавокъ купецъ сообщилъ намъ, что побѣда осталась за лордомъ Ретклифомъ.

Мы пошли смотрѣть Вальде-хане́, главный складочный базаръ азіятскихъ товаровъ. Это обширный дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ арабской галереей въ два яруса аркадъ, уставленныхъ наверху сплошнымъ рядомъ маленькихъ куполовъ. Посреди двора стоитъ кіоскъ, въ которомъ помѣщается кофейня. Подъ нижней аркадою сидятъ на коврахъ персы, грузины, курды; въ верхней галереѣ хранятся въ кладовыхъ товары. Мы смотрѣли азіятскія матеріи: все это теперь далеко уступаетъ ліонскимъ тканямъ и по грубости рисунка не годится уже для Европы. Говорятъ, что торговля эта падаетъ съ каждымъ годомъ: французскія шали съ восточнымъ рисункомъ нарочно возятъ теперь въ Смирну или Константинополь, клеймятъ въ таможняхъ, потомъ отправляютъ опять въ Марсель, мѣтятъ французскими пломбами и продаютъ въ Парижѣ за настоящія индѣйскія шали. И послѣ такой прогулки ліонскіе кашемиры все еще дешевле азіятскихъ.

Пока мы смотрѣли товары, Папатоли побѣжалъ собирать новости. Онъ воротился въ необыкновенно-торжественномъ настроеніи и объявилъ намъ, что французскій посланникъ получилъ уже паспортъ и сегодня-же выѣзжаетъ изъ Константинополя.

Мы не вѣрили. Но когда я воротился въ гостинницу и сошелъ къ обѣду, оказалось, что въ утреннихъ слухахъ было много правды. Послѣ ночной дипломатической битвы у великаго-визиря, Диванъ въ-самомъ-дѣлѣ отвергъ французскій ультиматумъ. Тувенель потребовалъ паспортъ. Въ Перѣ тотчасъ-же разнесся слухъ, что французы готовятся снимать флагъ съ посольскаго дома въ Терапіи. Толпы европейцевъ и грековъ отправились на Босфоръ смотрѣть французскій парадъ. Хозяинъ нашъ воротился въ половинѣ обѣда съ разсказами: въ Терапіи въ-самомъ-дѣлѣ разыграли эффектную церемонію. Французы подвели къ своему посольскому дворцу военный бригъ Аjассіо и свезли на него свой трехцвѣтный флагъ съ пушечной пальбой, привѣтственными криками и другими внушительными эфектами. Къ сожалѣнію, на капкахъ, которыми покрытъ былъ въ это время Босфоръ, совсѣмъ не было турокъ. Лѣнивые османлисы и не полюбопытствовали взглянуть на французскую комедію.

— Говорятъ, французскій флотъ уже въ Дарданеллахъ! сказалъ мнѣ пресерьозно Папатоли, когда я уходилъ наверхъ.

— Такъ, пожалуйста, разбудите меня, если ночью будутъ бомбардировать Константинополь.

Грекъ сердито посмотрѣлъ на меня своимъ одинокимъ глазомъ.

X.

Стѣны и кладбища.

Константинополь обведенъ со всѣхъ сторонъ двойнымъ поясомъ греческихъ стѣнъ и турецкихъ кладбищъ, которыя окоймляютъ весь городъ исполинской рамой зелени и развалинъ. Я никогда не забуду моей прогулки съ обязательнымъ Франкуди, когда мы объѣхали верхомъ около всей старой Византіи. Это какъ-будто цѣлая поѣздка въ странѣ съ разноплеменнымъ населеніемъ, съ разнохарактерными ландшафтами, встрѣчами и легендами.

По берегу Золотаго-Рога пріѣхали мы сначала въ греческій кварталъ Фанаръ. Здѣсь все отличается уродливой смѣсью азіятскаго и европейскаго быта: старинные каменные дома облѣплены модными бельведерами, въ окнахъ видны желѣзныя рѣшетки древнихъ генкеевъ, а у подъѣздовъ стоятъ вѣнскія коляски на лежачихъ рессорахъ. Это наслѣдственное логовище потомковъ византійской аристократіи, откуда выползали эти драгоманы, господари и каймакамы, которые въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ сосали кровь и золото у мусульманъ и раевъ. За Фанаромъ тянется жидовскій кварталъ Балата, настоящая столица грязи, обѣтованная земля зловонія и нищенства. Черезъ все предмѣстіе идетъ одинъ длинный клоакъ, обставленный лачугами изъ досокъ, зава-

ленный кучами нечистотъ, между которыми бродятъ тощія собаки и шныряютъ турецкіе Шейлоки въ отвратительныхъ лохмотьяхъ. Въ Европѣ спрашиваютъ: откуда берется въ Турціи чума? Но проѣзжая по улицамъ Балаты, я удивлялся, какимъ образомъ она можетъ прекращаться на цѣлые годы въ этой зловонной ямѣ, которая затѣмъ, кажется, и устроена, чтобъ порождать и разводить всякія язвы и заразы.

Мимо дворца Велизарія проскакали мы за городъ и повернули налѣво вдоль стѣны Ѳеодосія, которая тянется отъ Золотого-Рога до Мраморнаго-моря. Дорога, вся изрытая ямами, пролегаетъ около знаменитыхъ стѣнъ, подымаясь съ холма на холмъ. Съ лѣвой стороны, за широкимъ рвомъ, кое-гдѣ заваленнымъ щебнемъ или зеленѣющимъ посѣвами кукурузы, тянется сплошная массивная стѣна, нескончаемымъ каменнымъ валомъ; за нею поднимается другая вдвое выше, унизанная круглыми башнями, а позади ея встаетъ третья высокая стѣна съ зубцами и четырехъ-угольными бастіонами. И эта колоссальная ограда опоясываетъ городъ на разстояніи пяти верстъ. Я не видалъ разрушенія болѣе картиннаго! Стѣны мѣстами обвалились, башни растрескались, и природа одѣла все это чудной зеленью. Въ промежуткахъ ограды растутъ купы липъ и платановъ, изъ трещинъ и обваловъ подымаются вѣтвистыя рябины и фиговыя деревья, а плющъ и дикій виноградъ, взбѣгая на вершины стѣнъ и башенъ, опускаются оттуда гирляндами. Мѣстами вся стѣна кажется одной исполинской шпалерою, и только кое-гдѣ изъ-подъ зеленаго пояса виднѣется золотая греческая надпись или рельефный мраморный крестъ. А по правую сторону дороги идетъ другой зеленый поясъ изъ нескончаемаго турецкаго кладбища. Сплошныя рощи могильныхъ кипарисовъ съ цѣлымъ лѣсомъ надгробныхъ мраморныхъ столбиковъ, примыкая одна къ другой, образуютъ величайшее поле смерти, такъ-же живописное какъ и стѣны. Мы ѣхали между двумя зелеными оградами, и по обѣ стороны разрушеніе и смерть кажется спорили красотою.

У воротъ Топъ-Капу, черезъ которые вошелъ въ городъ Магометъ II, повернули мы на дорогу къ греческому монастырю Балукли. Посерединѣ двора, обнесеннаго оградою, стоитъ каменная церковь, а отъ нея галерея ведетъ къ подземному храму Живоноснаго-Источника.

Мы спустились по лѣстницѣ и вошли въ небольшую церковь, освѣщенную лампадами. Направо подымается иконостасъ изъ бѣлаго мрамора, подаренный султаномъ Махмудомъ; налѣво каменная балюстрада, за которой лѣстница опускается въ глубокую нишу. Въ ней видѣнъ круглый мраморный бассейнъ, до половины скрытый подъ землею. Это знаменитый источникъ, такъ уважаемый греками.

Вмѣстѣ съ какимъ-то греческимъ семействомъ мы сошли къ нишѣ. Пока старуха и двое пожилыхъ мущинъ пили святую воду, молоденькая дѣвушка, стройная, какъ древнія статуи, нагнулась надъ бассейномъ, и ея античное личико отразилось въ прозрачныхъ струяхъ. Она опустила серебряную монету, и вдругъ изъ подземной половины бассейна выплыло нѣсколько рыбокъ и закружилось надъ этимъ подаркомъ. Мнѣ не случалось видѣть такой породы: съ одного бока всѣ онѣ бѣлыя, съ другаго золотистыя. Въ это время подошелъ монахъ и монотоннымъ басомъ началъ разсказывать легенду: — «Когда турки бросились на послѣдній приступъ къ Византіи (переводилъ мнѣ мой товарищъ), въ Балукли одинъ старый монахъ готовилъ себѣ на завтракъ три рыбки. Онъ уже поджарилъ ихъ съ одной стороны и собирался перевернуть на другую, какъ прибѣжалъ послушникъ съ извѣстіемъ, что непріятели одолѣли и ворвались въ городъ. «Я повѣрю этому тогда, когда моя рыба будетъ плавать!» сказалъ недовѣрчивый старикъ. При этихъ словахъ его полуизжаренныя рыбки прыгнули со сковороды и скрылись въ источникѣ. Съ-тѣхъ-поръ онѣ навсегда такъ и остались: одинъ бокъ у нихъ изжаренный, а другой свѣжій!»

Мы опять выѣхали на дорогу, которая все тянулась между зеленью живописныхъ стѣнъ и кипарисами нескончае-

маго кладбища. И вотъ сверкнуло наконецъ Мраморное-море, и ѳеодосіева стѣна замкнулась на берегу его темной массою Семибашеннаго-замка. Старый солдатъ предложилъ намъ осмотрѣть знаменитую тюрьму, и мы вошли на широкій дворъ, заваленный щебнемъ и заросшій травой. Турецкая бастилія, гдѣ сотни жертвъ погибли подъ петлей и кинжаломъ, и гдѣ перебывали въ заточеніи посланники всѣхъ европейскихъ націй, теперь опустѣла и разваливается. Посереди двора стоитъ деревянная мечеть, обсаженная липами, а около стѣнъ тянутся гряды съ огурцами и салатомъ. Прямо передъ входомъ подымается ветхая башня, съ узенькими окнами, загороженными желѣзной рѣшеткой: это Золотыя-ворота Ѳеодосія, гдѣ бывало разжалованные визири и сераскиры ждали шелковаго снурка. Въ противоположной башнѣ заключались европейскіе посланники. Стѣна этой тюрьмы вся покрыта надписями, но онѣ почти совсѣмъ искажены. Вполнѣ уцѣлѣла только одна: Stephanus Alberti, 1697. Венеціянцы видно и здѣсь такъ-же прочно выбивали свои имена, какъ въ ньомбахъ Дожева-дворца. Остальныя башни въ развалинахъ, а по стѣнамъ начинаетъ уже раскидывать зеленую сѣть дикій виноградъ.

Черезъ греческій кварталъ Псамматію мы въѣхали опять въ турецкій городъ и по извилистымъ улицамъ его добрались до Галатскаго-моста.

Константинополь можно назвать городомъ кладбищъ. Турки, кажется, затѣмъ и поселились въ немъ, чтобъ покрыть его надгробными памятниками и кипарисами. Какъ стѣна Ѳеодосія окоймлена полемъ смерти, такъ и по другую сторону Рога и Босфора тянутся могильныя рощи. Въ самомъ городѣ при каждой мечети есть султанскія тюрбе, надгробные кіоски пашей или ограды съ могильными памятниками; даже на улицахъ, подъ окнами домовъ, встрѣчаются кипарисы и мраморные столбики съ чалмою. Здѣсь какъ-будто живутъ для-того, чтобы разводить могилы.

Любимое кладбище турокъ въ Скутари. Въ послѣдній разъ

я ѣздилъ туда съ Франкуди, послѣ прогулки около стѣнъ. У Галатскаго-моста мы отдали лошадей и сѣли въ базаръ-кайкъ, родъ омнибуса, который ходитъ постоянно на азіятскую сторону. Онъ наполненъ былъ бородатыми турками и закутанными въ покрывала женщинами. Шестеро гребцовъ, каждый съ двумя веслами, при всякомъ взмахѣ дружно опускались и опять вставали во весь ростъ. Теченіе не позволяетъ плавать въ прямомъ направленіи черезъ Босфоръ, а потому кайкъ подымается обыкновенно вверхъ по проливу къ дворцу Дольма-Бахче и оттуда уже спускается къ азіятскому берегу.

Скутари обстроенъ лучше Стамбула: улицы въ немъ шире, дома красивѣе. Тутъ сохранился еще характеръ старой Турціи: передъ ханé лежатъ, поджавъ ноги, верблюды и между ними сидятъ на корточкахъ караванные погонщики, на улицахъ попадаются нищіе дервиши съ растрепанной бородою и дикимъ взглядомъ, передъ кофейнями видны старики въ мѣховыхъ шубахъ и огромныхъ тюрбанахъ, и даже женщины плотнѣе кутаются здѣсь въ свои яшмаки. Видно, что туркамъ на азіятскомъ берегу живется лучше, нежели въ Европѣ.

Довольно-широкая улица, подымаясь отъ набережной въ гору, ведетъ къ Большому-кладбищу. Это исполинскій кипарисный лѣсъ, перерѣзанный вдоль и поперекъ множествомъ аллей. При входѣ стоитъ фонтанъ, въ видѣ арабскаго павильона, весь въ узорчатыхъ арабескахъ и золотыхъ надписяхъ, а подлѣ него кофейня, передъ которою сидитъ толпа турокъ съ трубками и наргилэ. Рядомъ, на площадкѣ дымится рядъ жаровенъ, гдѣ на вертикальныхъ желѣзныхъ спичкахъ жарится кебабъ, и навалены груды арбузовъ, сложенныхъ въ пирамиды, какъ пушечныя ядра на Топханѣ.

По главной аллеѣ, вымощенной по краямъ обломками надгробныхъ памятниковъ, вошли мы въ большую кипарисную рощу. Вѣковыя деревья съ темной зеленью плотно тѣснятся между могилами. Подъ ихъ густой тѣнью стоятъ памятники: тюрбе визирей и пашей, въ видѣ мавританской бесѣдки, мраморные саркофаги съ высѣченной звѣздою и полу-

мѣсяцемъ, гробницы моллъ, увѣнчанныя тюрбаномъ, и безчисленное множество стоячихъ плоскихъ столбиковъ, съ чалмою или фесомъ и золотыми арабскими надписями. Одни обсажены кустами розъ или жесминовъ, другіе окружены рѣшеткой, узорчато-сплетенной изъ золоченой проволоки.

Мѣстами подлѣ столбика валяется особаго рода чалма съ краснымъ верхомъ, очевидно отбитая нарочно.

— Это памятники янычаръ! сказалъ мнѣ Франкуди.

— Зачѣмъ-же чалмы на нихъ обломаны?

— Это послѣднее мщеніе султана Махмуда. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ истребленія янычаръ, онъ встрѣтилъ на какомъ-то кладбищѣ памятникъ съ ненавистной чалмой и срубилъ ее саблей. Послѣ того и на другихъ кладбищахъ казнили всѣ янычарскіе памятники.

Здѣсь всякій день гуляютъ толпы народа. На могильныхъ плитахъ, подъ тѣнью кипарисовъ, разостланы ковры, и на нихъ группами сидятъ женщины, окутанныя въ бѣлые яшмаки, неподвижныя и молчаливыя, какъ могильные памятники. Вокругъ ходятъ продавцы фруктовъ и разнощики холодной воды, съ серебряной чашей и перевѣшеннымъ черезъ плечо бурдюкомъ. Подъ-вечеръ Скутарійское-кладбище играетъ ту-же роль, какъ парижскій Итальянскій-бульваръ или лондонская Реджентъ-Стритъ. Въ аллеяхъ показываются молоденькія женщины въ темныхъ ферелже, съ прозрачными кисейными покрывалами, изъ-подъ которыхъ видны нарумяненныя щеки и раскрашенныя брови. Придерживая покрывало рукой, раскрашенной хиною, онѣ бросаютъ вовсе недвусмысленные взгляды на турецкихъ донъ-жуановъ, которые бродятъ съ кипарисными хлыстиками.

Возвращаясь по главной аллеѣ, мы встрѣтили двѣ процессіи. Со стороны предмѣстья Гайдеръ-Паши медленно двигалась большая арба, изукрашенная фольгою, лентами и разноцвѣтными шелковыми кистями, запряженная парою дымчатыхъ быковъ, которыхъ вели за рога двое сансовъ. Въ ней сидѣло съ десятокъ молодыхъ дѣвушекъ: однѣ изъ нихъ ко-

лотили во всю мочь въ барабаны, похожіе на половину отрѣзаннаго арбуза, а другія визгливо напѣвали какую-то дикую пѣсню, прыгая и ломаясь, точно въ судорахъ. Позади, въ парной таликѣ, расписанной яркими цвѣтами, въ пестрой группѣ женщинъ, сидѣла неподвижная фигура, окутанная точно мумія въ плотное бѣлое покрывало. Это была невѣста. И въ то время, какъ свадебный поѣздъ медленно подвигался въ домъ новобрачнаго, навстрѣчу ему какой-то мертвый торопливо спѣшилъ къ вырытой могилѣ. Шестеро турокъ несли на плечахъ округленный на-верху гробъ, закутанный такъ-же плотно, какъ и невѣста, въ блѣдно-зеленую шелковую матерію. Впереди бѣжалъ высокій и худой молла, въ халатѣ и бѣлой чалмѣ, позади шлепали туфлями четыре наемныя плакальщицы въ отрепанныхъ фередже. И вся эта похоронная церемонія бѣжала, обливаясь пóтомъ, какъ-будто торопилась на какое-нибудь зрѣлище. Когда гробъ поровнялся съ арбою, барабанщицы принялись стучать еще сильнѣе, а плакальщицы завыли отчаяннѣе. Кажется, встрѣча съ покойникомъ не смутила свадебнаго поѣзда, а скорѣе встревожила похоронный ходъ, потому-что покойника понесли еще скорѣе. Съ десятокъ собакъ, привлеченныхъ музыкой и воплемъ, дружно выли на могилахъ.

Вечеромъ мы воротились въ городъ на пароходѣ, который всякой часъ ходитъ отъ скутарійской пристани къ Галатскому-мосту. Пароходъ былъ загруженъ народомъ: одинъ конецъ его по обыкновенію бѣлѣлъ сплошной массою женскихъ покрывалъ, на другомъ алѣли одни мужскіе тарбуши,— и точно на кладбищѣ, все молчало и не двигалось.

XI.

Стамбульскія бани.

Если кладбища составляютъ у турокъ любимыя гулянья, то бани замѣняютъ для нихъ клубы. Тутъ восточный человѣкъ наслаждается своимъ кейфомъ, слушаетъ новости и даже подъ-часъ занимается политикой. Поэты и туристы столько потратили красокъ, описывая эти пріюты азіятской нѣги, что я считалъ преступленіемъ прожить двѣ недѣли въ Турціи и не побывать въ восточныхъ баняхъ. Хоть я и потерялъ вѣру въ знаменитую азіятскую роскошь, но тутъ не думалъ разочароваться. Неразъ, проходя мимо зданія съ мраморными колоннами и арабскими куполами, я принималъ его за дворецъ, а потомъ оказывалось, что это бани. Какъ-же не побывать въ этихъ чертогахъ восточной нѣги! Я просилъ Папатоли свести меня въ лучшія константинопольскія бани.

Въ восемь часовъ утра мы отправились въ Топхану. На большой улицѣ стоитъ каменное зданіе, съ перистилемъ на мраморныхъ колоннахъ, унизанное маленькими куполами и покрытое скульптурными арабесками. Пройдя небольшія сѣни, мы черезъ дверь, завѣшанную ковромъ, вошли въ круглую залу, выложенную мраморомъ и освѣщенную множествомъ маленькихъ окошекъ на кругломъ сводѣ. Вокругъ тянулась

галерея или хоры на деревянныхъ столбахъ, и у самаго входа съ обѣихъ сторонъ подымались туда отлогія лѣстницы. Посерединѣ стоялъ мраморный бассейнъ, обставленный горшками розъ, и тонкая струя фонтана журчала пріятнымъ шелестомъ, а въ мѣдныхъ клѣткахъ, привѣшенныхъ на проволокахъ, звонко пѣли надъ нимъ четыре канарейки. За бассейномъ—дверь въ бани, и по одну сторону печь, уставленная кофейниками, а по другую—коллекція трубокъ и наргилэ.

Мы поднялись на галерею. Здѣсь на деревянномъ, довольно грязномъ полу стояли сплошнымъ рядомъ турецкіе диваны, покрытые простынями. На нихъ лежали и сидѣли фигуры, всѣ окутанныя въ бѣлые саваны, изъ-подъ которыхъ виднѣлись только лица, да руки съ трубками и мундштуками наргилэ. Одна изъ спеленанныхъ мумій что-то разсказывала, остальныя слушали, пуская изрѣдка тонкія струйки дыма и уставя тупые глаза въ пространство. Вотъ это-то и есть восточный послѣбанный кейфъ. «Какъ вы думаете, Папатоли: способенъ-ли гяуръ къ турецкому блаженству?» сказалъ я. Проводникъ мой повелъ кругомъ одинокимъ глазомъ и не отвѣчалъ ни слова на этотъ либеральный вопросъ. Ко мнѣ подбѣжалъ мальчикъ въ курткѣ, коротенькихъ шальварахъ и тарбушѣ. Черезъ минуту костюмъ мой очутился на табуретѣ, а моя особа окутана была съ пояса до пятъ пештымалой, то-есть бѣлымъ, тонкимъ покрываломъ. Турокъ взялъ меня подъ-руку, повелъ съ лѣстницы и на послѣдней ступени прицѣпилъ на ноги деревянныя подставки, въ родѣ какихъ-то широкихъ коньковъ съ кожаными зацѣпками. Съ перваго шага я чуть не упалъ

— Папатоли! научите, какъ мнѣ ходить на вашихъ ходуляхъ! закричалъ я наверхъ.

— Да вы не шагайте, а только двигайте ноги!

Я попробовалъ и оказалось, что на этихъ деревянныхъ бабушахъ легко скользить по мраморному полу. Въ дверяхъ бани мальчикъ передалъ меня теллаку, молодому турку, за-

вернутому съ нояса клѣтчатымъ передникомъ. Онъ повелъ меня въ храмъ восточнаго блаженства.

Мы вошли въ четыреугольную комнату съ круглымъ арабскимъ сводомъ, пронизаннымъ маленькими окнами, изъ которыхъ лился пріятный полусвѣтъ. Посерединѣ возвышалась мраморная платформа, съ полъ-аршина вышиною, устланная египетскими рогожками. На одной изъ нихъ лежалъ съ закрытыми глазами сѣдобородый человѣкъ, окутанный такъже какъ и я пештымалой: не знаю, спалъ онъ или наслаждался своимъ кейфомъ. Теллакъ положилъ меня рядомъ съ нимъ на рогожку, покрывъ ее простынею. Я не понялъ сначала, для чего этотъ ранній отдыхъ, но пока разсматривалъ мраморныя стѣны и моего неподвижнаго сосѣда, тонкій паръ отъ нагрѣтаго снизу пола охватилъ меня нѣжными ароматическими струями. Ясно, что я вкушалъ уже начатки восточнаго блаженства.

Мнѣ это однакожъ надоѣло, и я позвалъ теллака. Онъ опять прицѣпилъ мнѣ коньки и повелъ въ другую залу. Это была ротонда изъ бѣлаго мрамора, съ пятью прелестными мавританскими куполами, усѣянными множествомъ круглыхъ отверстій, изъ которыхъ свѣтъ падалъ сквозь малиновыя стекла, бросая на все нѣжный розовый оттѣнокъ. Это настоящій храмъ кейфа. Среди залы стояли три мраморныя возвышенія, въ видѣ большихъ саркофаговъ, покрытыя тонкими египетскими цыновками. Тутъ ожидаетъ васъ вторая степень блаженства, въ теплой и благоуханной атмосферѣ. Крайніе саркофаги заняты были двумя бѣлыми фигурами, которыя неподвижно лежали на спинѣ, съ закрытыми глазами, серьозныя и величавыя, какъ статуи епископовъ на гробницахъ Майнцкаго-собора. Проводникъ привелъ меня къ середней плитѣ. Но я рѣшительно не видалъ нужды лежать въ качествѣ могильнаго памятника и потребовалъ перехода къ новымъ удовольствіямъ. Теллакъ посмотрѣлъ съ сожалѣніемъ на мою западную нетерпѣливость.

На противоположной сторонѣ ротонды мавританскія арки

ведутъ въ три храмика, примыкающіе къ ней въ видѣ глубокихъ нишъ, съ мраморнымъ полусводомъ. Турокъ привелъ меня въ одинъ изъ этихъ кіосковъ. Къ стѣнѣ примыкаютъ два мраморные бассейна, похожіе на разрѣзанныя поперекъ чаши, и надъ каждымъ торчатъ изъ стѣны мѣдные краны. На карнизѣ разставлена серебряная посуда, въ родѣ чайныхъ блюдечекъ, исписанныхъ золотыми арабскими надписями. Это стихи изъ Корана, въ которыхъ говорится о чистотѣ тѣла, о необходимости омовеній, объ утѣхахъ, ожидающихъ правовѣрныхъ въ будущей жизни. Теллакъ отперъ краны и струи горячей и холодной воды полились въ мраморный бассейнъ. Освободя меня отъ исштымалы, онъ положилъ на разостланную на полу рогожку, и натянувъ рукавицу изъ верблюжьей шерсти, принялся натирать меня, обливая водой изъ серебрянаго блюдечка. Очевидно, что я поднялся на новую степень турецкаго наслажденія.

Черезъ нѣсколько минутъ теллакъ принесъ мѣдную чашу и гибкую кисть изъ бѣлыхъ тонкихъ мочалокъ. Съ ловкостью кондитера, взбивающаго сабайонъ, напѣнилъ онъ мыльную массу, которая, подымаясь миріадами бисерныхъ, сверкающихъ пузырьковъ, превратилась въ ароматную пѣну. Бойко обмакивая кисть, турокъ натеръ меня съ ногъ до головы этимъ горячимъ благоуханнымъ снѣгомъ, потомъ приналъ на меня колѣномъ, и проводя локтями по спинной кости, принялся ломать и вывертывать мнѣ руки и ноги. Сначала я думалъ, что отъ меня останется одинъ торсъ, но черезъ минуту почувствовалъ, какъ все тѣло начинаетъ свѣжѣть и укрѣпляться, будто его обвили новыми, желѣзными нервами. Трудно объяснить всю прелесть этой оживляющей пытки, все упоеніе этой восхитительной инквизиціи. Наконецъ я въ анагогѣ восточнаго блаженства.

Между-тѣмъ какой-то турокъ, котораго другой теллакъ ломалъ въ это время у сосѣдняго бассейна, повернулся на спину, и его начали отдѣлывать съ другой стороны. Я не считалъ себя достойнымъ, подобно правовѣрному мусульма-

нину, испить до дна всю чашу банныхъ удовольствій и рѣшился отказаться отъ окончательнаго блаженства выворачиванья суставовъ. Теллакъ взглянулъ на меня съ презрѣніемъ, какъ на жалкаго гяура, не понимающаго истинныхъ наслажденій. Онъ проворно облилъ меня водою изъ двухъ блюдечекъ, окуталъ пештымалой, вывелъ въ ротонду и положилъ отдыхать на саркофагѣ, между бѣлыми турками, которые все еще лежали съ неподвижностью каменныхъ майнцкихъ епископовъ. Дѣло пошло къ развязкѣ, и мнѣ оставалось вкусить удовольствія успокоительныя.

Впрочемъ теллакъ мой, кажется, убѣдился, что съ гяуромъ не слѣдуетъ терять времени: онъ безъ зову явился ко мнѣ черезъ пять минутъ, попросилъ встать, окуталъ сухимъ покрываломъ, обмоталъ мнѣ голову полотенцемъ въ видѣ чалмы и подсунулъ подъ ноги коньки. Въ видѣ такой правовѣрной муміи я покатился въ переднюю залу и, поддерживаемый туркомъ, поднялся на верхнюю галерею. Папатоли уложилъ меня на диванъ, на разостланный седзяде или шолковый коврикъ. Прежній молодой прислужникъ поднесъ мнѣ стаканъ лимонада, поставилъ у ногъ хрустальное наргилэ и всунулъ въ руку янтарный мундштукъ. Наконецъ я достигъ послѣдней степени наслажденія, удовольствій прославленнаго турецкаго кейфа.

— Довольны-ли вы? спросилъ Папатоли.

— Я просто на седьмомъ магометовомъ небѣ! сказалъ я шутя.

Онъ торопливо посмотрѣлъ на лежавшихъ около турокъ и оборотился ко мнѣ съ упрекомъ.

Но въ-самомъ-дѣлѣ я былъ доволенъ турецкой баней. Во всемъ тѣлѣ моемъ разливалась пріятная теплота и нѣга, но безъ всякой слабости, безъ малѣйшаго утомленія. Нельзя не похвалить эти мраморныя стѣны и бассейны, серебряныя чаши съ изящными золотыми надписями, этотъ невидимый паръ отъ горячаго пола, упоительную пытку подъ колѣномъ теллака и наконецъ отдыхъ всего тѣла, млѣющаго въ послѣд-

нихъ ощущеніяхъ нѣжной испарины, въ струяхъ благовоннаго наргилэ. Чего-же недостаетъ для полнаго наслажденія!

Но вдругъ почувствовалъ я что-то нарушающее удовольствія кейфа. Я приподнялся и замѣтилъ на бѣльѣ нѣсколько черныхъ, бойко прыгающихъ точекъ.

— Чего вы смотрите? спросилъ Папатоли.

— Поглядите-ка сюда.

— Это блохи! отвѣчалъ онъ спокойно, и поймавъ одну изъ прыгающихъ точекъ, очень вѣжливо опустилъ ее на полъ.

Я сбросилъ свою чалму и мантію и началъ одѣваться. Между-тѣмъ сосѣди мои преспокойно лежали на диванахъ, изрѣдка втягивая струйку дыма изъ своихъ наргилэ съ такимъ наслажденіемъ, какъ-будто имъ видѣлся уже рай Магомета съ поцѣлуями его гурій. Это-ли самозабвеніе не даетъ имъ чувствовать ничего непріятнаго, или константинопольскія блохи бросаются на однихъ гяуровъ, но правовѣрные невозмутимо блаженствовали въ своемъ кейфѣ. Банщикъ подалъ мнѣ финджанъ кофе и трубку, а вслѣдъ за-тѣмъ поднесъ круглое зеркальцо съ ручкою: это для-того, чтобъ вы полюбовались своей особою и положили на него бакшишъ. Я въ одну минуту выпилъ кофе, положилъ десять піастровъ на зеркало, и мы вышли.

Вотъ лучшія константинопольскія бани: въ нихъ, какъ и во всей турецкой жизни, видна таже смѣсь богатства и нищеты, роскоши и грязи. Мраморные полы и холстинные диваны, серебряная посуда и нечистая галерея, нѣжный ласкающій паръ и блохи, — все это вполнѣ характеризуетъ поэтическій Востокъ. Но конецъ концовъ, какъ говорятъ турки, я вышелъ изъ стамбульскихъ термъ свѣжимъ и бодрымъ, готовый на трудъ или прогулку, безъ малѣйшихъ слѣдовъ одуряющаго вліянія русской бани.

— Отчего-же это вы боялись убить турецкую блоху? спросилъ я Папатоли.

Онъ осмотрѣлся своимъ одинокимъ глазомъ, и убѣдясь, что вблизи не было турокъ, сказалъ съ энергической зло-

бою: «я-бы ихъ самихъ передавилъ всѣхъ, какъ блохъ! О, еслибы намъ грекамъ дали власть!»...

Въ это время изъ переулка показался хамаль, и мой проводникъ замолчалъ, подозрѣвая его, кажется, въ знаніи французскаго языка. Но когда мы поднялись въ Перу, онъ спросилъ меня:

— Знаете-ли, о чемъ турки толковали въ банѣ?

— Разскажите, пожалуйста.

— Да говорятъ, Россія, Пруссія и Сардинія открыто приняли сторону Франціи, и посланники готовятся къ отъѣзду.

Въ-самомъ-дѣлѣ, во время завтрака въ нашемъ триклиніумѣ, я узналъ о разрывѣ съ Портою. Утромъ еще на посольскихъ домахъ трехъ державъ, которыя протестовали по дѣлу молдавскихъ выборовъ, спустили національные флаги, хотя и не съ такимъ эфектомъ, какъ у французовъ. Въ посольствахъ шли приготовленія къ отъѣзду. Bulletin de Constantinople извѣщалъ, что съ прекращеніемъ дипломатическихъ сношеній французскіе подданные переходятъ подъ покровительство Испаніи, а русскіе должны обращаться по дѣламъ къ голландскому консулу. Когда я выходилъ изъ дома послѣ завтрака, толпы перотовъ бѣжали къ русскому дворцу смотрѣть на нашъ завѣшанный гербъ. Я прошелъ туда-же. Передъ домомъ стояли уже густыя толпы зѣвакъ, и любуясь полотнянымъ чехломъ, которымъ закрытъ былъ орелъ, толковали о будущей войнѣ. Папатоли вертѣлся тутъ-же, и перешептываясь съ греками, поминутно посматривалъ на закутанный гербъ, кажется въ ожиданіи, что вотъ-вотъ русскій деревянный орелъ сброситъ покрывало, взлетитъ надъ Константинополемъ и крикнетъ объ изгнаніи турокъ

— Слышали новости? сказалъ онъ, подбѣгая ко мнѣ торопливо.

— Нѣтъ... ужъ не взяли-ли французы Константинополь?

— Вы все шутите, а послушайте-ка, что разсказываютъ въ Фанарѣ.

— Что-же такое?

— Султанъ отказался отъ престола!

Я не могъ удержаться отъ смѣха къ крайнему неудовольствію грека. Мнѣ вообще плохо вѣрилось, чтобы послѣ недавней войны изъ настоящаго fiasco могло выдти что-нибудь серьозное, и я смотрѣлъ на дипломатическую борьбу такъ-же спокойно, какъ турки. А они были совершенно равнодушны: правда, въ султанскомъ дворцѣ и въ Портѣ замѣтно было несовсѣмъ обыкновенное скопленіе экипажей, у великаго-визиря безпрестанно собирались паши и члены англійской и австрійской миссій, но внѣ Сераля турки не обращали ни малѣйшаго вниманія на эту политическую игру.

Когда я воротился вечеромъ обѣдать, одинъ изъ знакомыхъ грековъ сказалъ мнѣ шопотомъ: — въ Фанарѣ сейчасъ разсказывали, что русская армія переходитъ уже въ Валахію.

— Жаль, что я уѣзжаю, отвѣчалъ я серьозно: — мнѣ и не удастся завтра посмотрѣть парадъ русской гвардіи передъ Софійскимъ-соборомъ.

Перотъ посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ, удивляясь очевидно такому упорному невѣрію въ истину фанаріотскихъ разсказовъ.

XII.

Больной и врачи.

Гдѣ-же этотъ могучій и роскошный Востокъ? думалъ я всякій день, бродя по улицамъ Константинополя: гдѣ этотъ волшебный городъ съ чудесами Тысяча-и-одной Ночи, при имени котораго намъ мерещились, бывало, отважные всадники на арабскихъ лошадяхъ и справедливые, неподкупные кади, величавые визири въ золотыхъ одеждахъ и таинственныя красавицы съ языкомъ цвѣтовъ? Въ прошедшемъ, за гранью махмудовой реформы, видны только плавающія по Босфору женщины въ мѣшкахъ, купцы пригвожденные за уши къ дверямъ лавокъ, повѣшенные на воротахъ греки, паши съ шелковой петлей на шеѣ. Въ настоящемъ это грязный вертепъ, застроенный безобразными лачугами, населенный рабами и тиранами, нищими и собаками, съ хронической язвой безвыходнаго варварства и деспотизма. Что-же такое этотъ больной Константинополь съ его восточнымъ вопросомъ? Недавно еще думали, что Турція, съ каждымъ днемъ слабѣющая въ Европѣ, владѣетъ большимъ запасомъ здоровыхъ силъ въ массахъ азіятскаго населенія. Послѣдняя статистическая ревизія показала всю обманчивость этого миража: если въ Азіи много магометанъ, то настоящаго

турецкаго племени осталось въ ней небольше, чѣмъ и въ Европѣ. Среди бедуиновъ и феллаховъ, курдовъ и вехабитовъ, османы такъ-же рѣдки теперь, какъ въ массѣ албанцевъ и румыновъ, грековъ и болгаръ, — и все это разноплеменное населеніе одинаково ненавидитъ турокъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Племя грозныхъ османлисовъ, недавно еще такъ страшное, исчезаетъ незамѣтно и быстро, какъ породы американскихъ дикарей, и теперь во всей европейской и азіятской Турціи едва-ли осталось три милльона той страшной орды, которая грозила нѣкогда наводнить всю Европу. Въ то время, когда послѣ реформы Махмуда Константинополь считали городомъ почти не-турецкимъ, оказалось, что въ него-то и прилила вся кровь изъ хладѣющихъ оконечностей больной имперіи, что въ немъ-то и скопились ея послѣднія жизненныя силы.

Никогда разложеніе Турціи не было такъ оче видно, какъ въ наше время. Предсказаніе о гибели оттоманской имперіи черезъ четыре вѣка владычества въ Константинополѣ сбылось совершенно, хотя и не съ той стороны, откуда ожидали греки. Есть легенда, будто при взятіи города Магометомъ II, въ Софійскомъ-соборѣ епископъ служилъ обѣдню. Когда турки ворвались въ храмъ съ окровавленными саблями, старикъ взялъ чашу съ дарами, сталъ въ царскихъ дверяхъ, осѣнилъ народъ и сказалъ: «христіане, мы кончимъ святую службу черезъ четыре столѣтія!» Послѣ этого онъ задернулъ алтарную завѣсу и исчезъ, такъ-что турки не могли найти его. При послѣдней войнѣ греки ожидали, что старый прелатъ выйдетъ съ дарами изъ-подъ мраморнаго помоста Ая-Софіи и кончитъ обѣдню въ освобожденномъ храмѣ. Но если это, къ крайнему огорченію ихъ, и не сбылось, то судьба имперіи все-таки рѣшилась въ срокъ, указанный пророчествомъ. Послѣдняя война, поддержавъ Турцію, добила ее окончательно. До-сихъ-поръ она кое-какъ вела еще войны съ Россіею, но теперь, когда усилія всей Европы едва могли спасти ее, въ народѣ явилось убѣжденіе, что судьба Турціи

зависитъ уже не отъ собственныхъ ея силъ, а отъ одного случая. Парижскій миръ былъ для турокъ печальнѣе и оскорбительнѣе всѣхъ прежнихъ трактатовъ: онъ показалъ всю безнадежность больной Турціи. Всѣ поняли, что роль Петра не удалась Махмуду не отъ недостатка генія и энергіи, а по невозможности привить вѣтку европейской цивилизаціи къ чужеядному растенію, источенному внутренней гнилью. Сами турки догадываются, что ни торжественное провозглашеніе гатти-гумаюновъ и танзиматовъ, ни пышныя прокламаціи парижскаго конгреса о принятіи ихъ въ европейскую семью не оживятъ умирающей націи. Положеніе Абдулъ-Медшида теперь совершенно то-же, что и послѣднихъ византійскихъ императоровъ: при всей видимой обширности Турціи, его значеніе замкнуто теперь въ одномъ Константинополѣ. Да и тутъ это уже не тѣнь Аллаха на землѣ, какъ величали турки своихъ повелителей, а тѣнь какого-нибудь султана Ретклифа, какъ выразился одинъ изъ моихъ константинопольскихъ знакомыхъ.

Населеніе Константинополя не имѣетъ ничего подобнаго въ мірѣ. Это исполинскій городъ, куда въ продолженіе многихъ столѣтій сливались общественные подонки изъ двухъ частей свѣта. Всякая эпоха, каждое народное движеніе выбрасывали въ него свои грязные остатки. Крестовые походы, перенося фанатическія толпы въ Азію, оставляли здѣсь все гадкое и низкое, какъ морской отливъ оставляетъ соръ на мраморныхъ крыльцахъ венеціянскихъ дворцовъ. Генуя и Венеція, покидая свои восточныя колоніи, отряхали сюда всѣ отребья своего торгашескаго люда. Злодѣйства Аббасовъ и Надиръ-шаховъ наводняли городъ выходцами изъ Персіи и Арменіи; наконецъ вся Европа и Азія наполняли его жадной и безнравственной сволочью эмигрантовъ и ренегатовъ. Все это, смѣшавшись съ остатками византійскихъ грековъ и дикой ордою пришлыхъ оттомановъ, составило уродливую массу, не связанную ни какимъ нравственнымъ единствомъ. Населенный такимъ-образомъ самыми враждебными племе-

нами, переполненный тиранами и рабами, фанатиками и спекуляитами, невѣждами и людьми sans loi et foi, Константинополь представляетъ безобразную смѣсь вѣръ и народностей, костюмовъ и языковъ, между которыми не можетъ быть ничего общаго.

Среди этого пестраго населенія на первомъ планѣ стоятъ разумѣется турки. Съ перваго взгляда можно замѣтить, что это не народъ, поселившійся въ прекраснѣйшемъ уголкѣ земнаго шара для гражданской жизни и развитія, а дикая орда, которая силой раскинула таборъ на чужой землѣ и, не снимая его цѣлыя четыре столѣтія, отвыкла уже отъ выгодъ кочеваго быта и нисколько не усвоила плодовъ жизни постоянной. На каждомъ шагу видно въ нихъ варварство и невѣжество, взлелѣянныя продолжительной страстью владычества и дикимъ фанатизмомъ, который съ уничтоженіемъ янычаръ, шелковыхъ шнурковъ и выставки соленыхъ ушей, не смягчился, а только одряхлѣлъ и обезсилѣлъ. Въ четыре столѣтія турки не утратили ни пошлой неприступности своихъ нравовъ, ни апатической неподвижности мысли, — и вся цивилизація молодаго поколѣнія ограничивается у нихъ только фесомъ да бутылкой шампанскаго.

Рядомъ съ турками вы видите стамбульскихъ грековъ. У насъ обыкновенно думаютъ, что это одно племя съ греками Мореи и Архипелага, только больше испорченное, оттого-что угнетеніе его было суровѣе и продолжительнѣе. Но кто былъ въ Аѳинахъ и Константинополѣ, тотъ съ этимъ не согласится. Это два разныя племени, совсѣмъ непохожія одно на другое. Морейскіе греки — потомки того народа, который воспиталъ новыя общества плодами своей цивилизаціи и славы, завѣщалъ намъ свою науку и искусство, и самъ воспитанный вѣковыми преданіями смѣло занялъ теперь мѣсто въ ряду просвѣщенной семьи европейцевъ. Константинопольскіе греки — выкидыши византійской имперіи, памятной свѣту однимъ утонченнымъ развратомъ, послѣдніе остатки общества, которое образовалось во время нравствен-

ной порчи Рима, наслѣдовало всѣ пороки языческаго міра, не сохранивъ его доблестей, и не приняло отъ христіанства ничего, кромѣ одной мертвой схоластики. Въ обитателяхъ Фанара и Псамматіи, закаленныхъ въ деспотизмѣ и рабствѣ двухъ имперій, нѣтъ ничего общаго съ греками Аѳинъ или Спарты.

Остальные раи, уступая можетъ-быть грекамъ въ коварствѣ, не отстаютъ отъ нихъ ни въ жадности къ прибытку, ни въ отсутствіи чести и человѣческаго достоинства. Только въ Константинополѣ могутъ гнѣздиться эти армяне, у которыхъ обманъ служитъ священнымъ принципомъ торговли и оборотовъ, начиная съ банкира до послѣдняго продавца вареной кукурузы. Гдѣ, кромѣ Балаты, можно найти такихъ евреевъ, которые, пресмыкаясь въ невысыхающихъ flumina Babilonis грязи, прячутъ нажитое самымъ утонченнымъ плутовствомъ золото подъ лохмотьями отвратительныхъ рубищъ. Къ этому примѣшивается наконецъ безнравственная толпа франковъ, наводняющихъ Перу отребьями всѣхъ европейскихъ націй, жадной сволочью безстыдныхъ грабителей, для которыхъ нѣтъ ничего священнаго, кромѣ денегъ. Какъ могильные черви, привлеченные разложеніемъ трупа, всѣ эти выродки Азіи и Европы гнѣздятся въ Константинополѣ, питаясь кровью умирающей Турціи.

Судьба Константинополя стоитъ теперь загадочнымъ сфинксомъ передъ лицемъ Европы. Послѣдняя война не только не разрѣшила этой загадки, а еще больше затемнила ее новыми вопросами. Что-же въ-самомъ-дѣлѣ будетъ съ этой прекрасной страною, съ этимъ городомъ, который отъ самой природы поставленъ, кажется, на великую роль въ жизни человѣчества. Въ послѣднее время политическіе врачи внимательно наблюдали больнаго и съ самымъ похвальнымъ усердіемъ прописывали ему разные спасительные рецепты. Но чѣмъ-же рѣшилъ европейскій консиліумъ?

Дипломатическіе врачи думали сперва, что Турція можетъ переродиться въ государство просвѣщенное, не отка-

зываясь отъ мусульманства. Теперь эта пріятная надежда начинаетъ проходить у самыхъ смѣлыхъ поклонниковъ политической медицины. Приверженцы магометанской цивилизаціи догадались, что никакіе сильные пріемы танзиматовъ и гатти-гумаюновъ не помолодятъ дряхлой, умирающей націи. Кто-то замѣтилъ, что эти политики, думавшіе ввести христіанскій элементъ греческаго населенія въ общественную жизнь Турціи, напоминаютъ тѣхъ безумцевъ, которые хотѣли продлить годы старика, впуская въ его жилы кровь молодой дѣвушки. Но въ этомъ оживленіи дряхлости посредствомъ прилива молодой крови есть еще какой-то смыслъ вѣроятія, тогда какъ новые дипломаты думали освѣжить одно отжившее племя кровью такихъ-же дряхлыхъ и растлѣнныхъ раевъ.

Другіе знахари и лѣкарки увѣряли въ набожномъ умиленіи, что для спасенія Турціи султану слѣдуетъ принять христіанство. Мнѣніе это было въ особенномъ ходу въ Ватиканѣ. Скептики однакожъ качали головами. Если вы не поможете умирающей націи, прописывая пріемы гюльханейскихъ конституцій, говорили они,—то едва-ли больше пособите ей и предсмертнымъ пріобщеніемъ Сераля къ лону католической церкви. Сомнительно, чтобъ такое политическое соборованье масломъ, при кастратскомъ пѣніи l'Univers, спасло умирающую имперію и остановило духъ въ хладѣющемъ тѣлѣ.

Мысль о возстановленіи въ Константинополѣ византійской имперіи нравится особенно врачамъ изъ грековъ. Но изъ какихъ-же началъ сложится это будущее государство? Положимъ, что въ Кандіи или Самосѣ есть племя, свѣжее, какъ и морейскіе греки, но кѣмъ заселена остальная Турція и Константинополь! Не останутся-ли въ нихъ тѣже потомки старой византійской имперіи, представители рабства и разврата, эти фанаріоты, которые изгибаясь и ползая въ продолженіе четырехъ вѣковъ, высасывали кровь изъ враговъ и друзей своихъ. Не повторится-ли здѣсь новое изданіе старой Византіи, съ ея тиранами и рабами, съ ея роскошью и

развратомъ! Греки указываютъ обыкновенно на свое молодое поколѣніе. Но посмотрите на фанаріотскихъ франтовъ, которые гуляютъ по вечерамъ на Скутарійскомъ-кладбищѣ, или еще лучше пройдите по большой Галатской-улицѣ. У дверей кофеенъ увидите вы греческихъ мальчиковъ, съ блѣдными лицами и впалыми глазами, въ шитыхъ золотомъ шальварахъ и алой фескѣ, которые сидятъ, поджавъ ноги, на коврикахъ и умильно улыбаются проходящимъ туркамъ. Не въ этомъ-ли молодомъ поколѣніи будущность новой восточной имперіи.

Наконецъ есть мудрецы, которые думаютъ, что Константинополь можетъ быть вольнымъ городомъ. Но какіе-же элементы для образованія въ немъ городскаго управленія находятъ эти политическіе хакимы! Развѣ это какой-нибудь Гамбургъ, съ честнымъ и уважаемымъ купечествомъ, съ выработанными для торговой жизни нравами, съ биржевыми преданіями и довѣріемъ. Какая можетъ быть жизнь въ этомъ вольномъ городѣ съ милліономъ разноплеменнаго населенія, гдѣ рѣдкая ночь проходитъ безъ убійства и всякій день слышишь разсказы о какомъ-нибудь грабежѣ. Такой вольный городъ пришлось-бы вѣчно держать въ осадномъ положеніи.

Константинопольскіе раи постоянно мечтаютъ объ изгнаніи турокъ. Но развѣ сами они имѣютъ болѣе права оставаться въ этой прекрасной странѣ? Во все время своего порабощенія христіанское населеніе не обнаружило здѣсь ни малѣйшей жизненной силы, ничѣмъ не заявило протеста и не высказало правъ на свободу. Во всѣ четыре столѣтія ни въ наукѣ, ни въ государственной жизни, ни въ литературѣ не явилось ни одного имени, которое обратило бы вниманіе на стамбульскихъ раевъ, вызвало къ нимъ симпатію и участіе. Они даже ни разу не взялись за оружіе, не сдѣлали ни одной попытки къ возстанію. У грековъ отнимали вѣковыя права, церкви ихъ обращали въ мечети, патріарховъ вѣшали на воротахъ, уважаемыхъ людей сажали на колъ, — они покорно терпѣли и платили харачъ. Конечно, сила была

не на ихъ сторонѣ и возстаніе кончилось бы еще большимъ угнетѣніемъ, но зато оно послужило бы знакомъ какой-нибудь жизни, одушевляющимъ залогомъ лучшей будущности. Морейскіе греки протестовали по-крайней-мѣрѣ своими клефтами и личнымъ мщеніемъ противъ пашей и беевъ; константинопольскіе раи только лизали задавившую ихъ ногу и безотвѣтно переносили рабство. Въ четыреста лѣтъ не нашлось между ними нетолько Ріэнзи, но даже Орсини. За Грецію говорили постоянно Европѣ науки и памятники искусства, безпрерывные протесты и упорное кипѣніе заглушаемой жизни; но что-же даетъ право константинопольскимъ раямъ на родовое наслѣдство послѣ больной Турціи!

Загадка восточнаго сфинкса, значитъ, до-сихъ-поръ не разъяснилась. Можно сказать одно: чѣмъ-бы не кончилась болѣзнь Турціи, Константинополь всегда останется великимъ и многолюднымъ городомъ. Онъ вызванъ къ жизни не временными интересами человѣчества, а самой природою, которая дала ему счастливѣйшее въ мірѣ положеніе, лучшій на свѣтѣ портъ и прекраснѣйшій климатъ. Его создала не жизнь одного великаго народа, какъ Лондонъ или Парижъ, не временное развитіе и направленіе торговой дѣятельности, какъ Венецію или Гамбургъ, не вѣра и духовное преобладаніе, какъ Римъ, не прихоть времени и лица, какъ Петербургъ и Мадритъ, но несравненное его положеніе, котораго не измѣнятъ ни политическіе перевороты, ни желѣзныя дороги и телеграфы, никакія перемѣщенія центровъ наукъ и гражданской жизни. Какъ-бы ни измѣнились судьбы Востока, Константинополь всегда будетъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ человѣческой дѣятельности, связью Азіи и Европы, городомъ властителемъ — sceptred city, какъ говоритъ Байронъ.

XIII.

Босфоръ.

Черезъ недѣлю по окончаніи бэйрама я взялъ билетъ въ конторѣ русскаго пароходства для возвращенія въ Одессу. Мы должны были выдти въ пятницу вечеромъ. Утромъ я пошелъ смотрѣть парадный поѣздъ султана въ Топханскую-мечеть. Абдулъ-Медшидъ пріѣхалъ въ двадцати-весельномъ каикѣ, раззолоченномъ и убранномъ коврами, съ пурпуровымъ навѣсомъ. Отъ самой пристани до входа въ джами разостлано было красное сукно, а на немъ еще полоса шелковой матеріи. Толпа сановниковъ и хохлатыхъ пашковъ ожидала его на пристани, а по сторонамъ стояла въ линію гвардія. Шествіе въ мечеть показалось мнѣ повтореніемъ церемоніи курбатъ-бэйрама, но только съ меньшей пышностью. На лицѣ султана выражалось еще больше усталости: видно, что дунайское дѣло сильно мѣшало благополучію его кейфа. Послѣ молитвы онъ уѣхалъ въ томъ-же каикѣ въ Высокую-Порту на новую дипломатическую битву.

Когда я воротился домой, Папатоли пришелъ сказать мнѣ, что русскій пароходъ сего-дня не пойдетъ и отъѣздъ мой отлагается.

— Отчего-же это? спросилъ я.

— Русскій посланникъ объявилъ войну и завтра уѣзжаетъ на пароходѣ со всей свитою.

Я пошелъ въ Галату узнать, въ чемъ дѣло. Въ конторѣ пароходства мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ сказали, что поѣздка отлагается до-завтра, по требованію нашего посланника, который отправляетъ съ пароходомъ депеши въ Петербургъ. Я радъ былъ этой задержкѣ—и цѣлый день гулялъ по городу и катался въ каикѣ по Босфору. Не хотѣлось разстаться съ этимъ чуднымъ небомъ и воздухомъ.

Я не знаю климата, который можно было бы сравнить съ константинопольскимъ. Прославленное небо Италіи и Греціи не всегда привлекательно: въ его нѣжности и любви къ вамъ бываютъ порывы, которые утомляютъ и мучатъ, какъ восторги пылкой страсти. Въ Аѳинахъ лѣтніе дни дотого жарки, что самому неугомонному туристу приходится сидѣть съ закрытыми окнами или плотнымъ зонтикомъ защищаться отъ язвительныхъ лучей солнца. На площади св. Марка, хоть Венеція и стоитъ по колѣна въ водѣ, бываетъ душно, какъ въ нагрѣтой печи. На сто верстъ отъ Босфора къ сѣверу или къ югу климатъ уже незавидный: въ Адріанополѣ дуетъ сѣверный вѣтеръ съ Балканъ, въ Бруссѣ по цѣлымъ днямъ вѣетъ африканскій широкко. Къ Константинополѣ не растутъ правда ни апельсинныя рощи, ни итальянскія пальмы, но чудная свѣжесть воздуха, оживляемая вѣтрами двухъ морей, тепло никогда не переходящее въ зной, отсутствіе продолжительныхъ засухъ и частыхъ дождей и вѣчное двойное теченіе въ Босфорѣ, — все представляетъ условія самаго пріятнаго и здороваго климата въ мірѣ.

Въ какомъ другомъ мѣстѣ могъ бы жить безнаказанно милліонъ людей такъ, какъ живетъ онъ въ Константинополѣ! Человѣкъ здѣсь усердно старался создать постоянную заразу: эти груды гніющей падали, смрадные потоки никогда невысыхающей грязи, отвратительная пища простаго народа — на всякомъ шагу вызываютъ чуму или холеру. Во всякомъ другомъ климатѣ, — не говоря о болотахъ Невы

или туманахъ Темзы, но въ самой Италіи или Греціи, — городъ при такихъ условіяхъ былъ бы вѣчнымъ лазаретомъ. Но здѣсь воздухъ дотого свѣжъ и здоровъ, что еслибъ на каждой улицѣ не попадались кладбища, то кажется забылъ бы о самой возможности умереть подъ этимъ благословеннымъ небомъ.

На слѣдующій день, во второмъ часу, я переѣхалъ на палубу русскаго парохода Паллады. Пассажиры, по большей части греки, отправляющіеся въ Одессу и Таганрогъ, неутомимо толковали о послѣднихъ событіяхъ. Ровно въ два часа мы снялись съ якоря и вошли въ Босфоръ.

Трудно передать красоту этого исполинскаго протока, раздѣляющаго двѣ части свѣта, обставленнаго холмистыми берегами, на которыхъ по обѣимъ сторонамъ, отъ Мраморнаго-моря до Чернаго, въ зелени виноградниковъ и кипарисныхъ рощъ, тянется на тридцать верстъ безконечный рядъ дворцовъ и кіосковъ. Я не знаю ничего величественнѣе этой водной голубой улицы, на которой Азія и Европа сошлись лицомъ къ лицу во всей красотѣ и роскоши. Ни Темза съ своими парками, фабриками и коттеджами, ни Рейнъ съ виноградниками, замками и легендами, не производятъ такого обаятельнаго впечатлѣнія, какъ Босфоръ.

Едва вышли мы изъ Золотаго-Рога и оставили назади Леандрову-башню, налѣво показались султанскіе дворцы, смѣнившіе въ послѣднее время старый, покинутый Сарай-Бурну. Прежде всего видѣнъ Дольма-Бахче, любимый дворецъ Абдулъ-Медшида. Это большое зданіе изъ бѣлаго мрамора, представляющее странную, но удачную смѣсь всевозможныхъ стилей. Средній корпусъ въ венеціянскомъ вкусѣ, отдѣленный отъ Босфора золоченой рѣшеткою восточнаго узора, соединяется мавританскими галереями съ двумя боковыми флигелями, которые выдаются впередъ колоннадами греческихъ портиковъ, и все это унизано итальянскими окнами, сквозными балконами, готическими розетами и арабскими орнаментами. Кажется, видишь декорацію какого-ни-

будь волшебнаго балета, фантастическій рисунокъ, набросанный артистомъ въ минуту увлеченія сказками Шехеразады. За нимъ въ густой зелени бѣлѣетъ дворецъ Чираганскій, построенный султаномъ Махмудомъ.

Съ каждымъ взмахомъ пароходныхъ колесъ голубая водная улица, изгибаясь змѣею, развертываетъ передъ вами свою цвѣтущую панораму, заставляя въ одно время любоваться берегами Европы и Азіи. Съ обѣихъ сторонъ тянутся одинъ за другимъ дворцы султанскихъ сестеръ и дочерей, загородные кіоски пашей и сановниковъ, веселыя мѣстечки съ мечетями и кофейнями, всѣ потопленныя въ зеленой гущѣ кипарисовъ и виноградниковъ. Безконечная набережная пролегаетъ по обоимъ берегамъ, отъ дворца къ деревенькѣ и отъ деревни къ новому дворцу. Проливъ мѣстами съуживается тѣсной рѣкою, мѣстами разливается въ свѣтлый заливъ, и двѣ части свѣта то отступаютъ одна отъ другой, то опять сближаются, соперничая красотою видовъ. На холмахъ поднимаются гдѣ китайскій кіоскъ или полуразрушенная генуэзская башня, гдѣ узорчатый фонтанъ, осѣненный деревьями, или бѣлая игла минарета съ сверкающимъ полумѣсяцемъ. Турецкіе домики, такъ жалкіе вблизи, граціозно нагибаются впередъ верхними этажами и глядятся въ синемъ потокѣ. Набережная вездѣ оживлена народомъ: передъ кофейнями сидятъ турки съ неизбѣжными чубуками, по улицамъ селеній разъѣзжаютъ всадники; даже золоченыя рѣшетки въ окнахъ кіосковъ часто отворяются, и въ нихъ показываются женщины безъ докучныхъ яшмаковъ. Нигдѣ европейская цивилизація не сдѣлала между турками такихъ успѣховъ, какъ на берегахъ Босфора. Въ одномъ кіоскѣ, при нашемъ проѣздѣ, слышалось фортепьяно. Когда мы поровнялись съ нимъ, музыка умолкла, рѣшетка въ окнѣ отворилась, и молоденькая турчанка, опершись рукой на подоконникъ, проводила насъ долгимъ взглядомъ. Проливъ усѣянъ каиками, которые носятся по всѣмъ направленіямъ, съ группами мужчинъ и женщинъ; а между ними изрѣдка показы-

вается полоса бѣлыхъ всплесковъ отъ играющихъ дельфиновъ, и надъ водою проносятся стая сѣрыхъ птицъ, которыя съ непонятнымъ упорствомъ летаютъ цѣлый день между Мраморнымъ и Чернымъ-моремъ.

Черезъ часъ мы прошли въ самомъ узкомъ мѣстѣ Босфора, между замками Румели и Анатоли-Гиссари, съ зубчатыми стѣнами и башнями, которые не столько страшны укрѣпленіями, сколько привлекательны живописнымъ разрушеніемъ. На лѣвомъ берегу показалось мѣстечко Терапія съ домами англійскаго и французскаго посольствъ: на одномъ вѣялъ широкій флагъ, на другомъ торчалъ одинъ только шестъ. Напротивъ поднимается Ункіаръ-Скелесси, гдѣ въ 1833 году стоялъ лагеремъ русскій отрядъ, который спасъ погибавшую Турцію отъ египетскаго Гёрги. Говорятъ, тутъ былъ какой-то памятникъ, но турки уничтожили его въ послѣднюю войну. Отсюда Босфоръ разливается широкимъ заливомъ, и на европейскомъ берегу раскидывается мѣстечко Буюкъ-Дере, съ изящнымъ домомъ русскаго посольства. Это одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ на проливѣ. На выгнутомъ дугою берегу, по отлогости холма, тѣснятся бѣлые домики, всѣ окутанные зеленью; по набережной бродятъ гречанки и играютъ толпы дѣтей. Мы остановились передъ дворцомъ посольства, и черезъ четверть часа курьеръ съ депешами переѣхалъ на пароходъ.

Не смотря на единство картины, каждая сторона Босфора отличается особой физіономіей: на европейскомъ берегу больше дворцовъ и селеній, на азіятскомъ рощъ и садовъ; одинъ оживленнѣе, другой живописнѣе. Прославленныя поѣздки по Рейну, между Кельномъ и Майнцемъ, далеко уступаютъ прогулкѣ на поэтическомъ Босфорѣ. Это неистощимый рядъ самыхъ восхитительныхъ видовъ, подъ прекраснѣйшимъ небомъ, въ ласкающей свѣжести и прохладѣ. Чѣмъ ближе къ выходу, тѣмъ природа кажется безъискуственнѣе, не теряя однакожъ своей прелести: загородные дома показываются рѣже, а рощи становятся гуще, и проливъ посте-

пенно расширяется. Вотъ наконецъ показались послѣднія укрѣпленія на европейскомъ и азіятскомъ берегу, въ видѣ низенькихъ, жалкихъ батарей, дальше на оконечностяхъ пролива выросли бѣлыя башни маяковъ, а за ними необозримымъ темнымъ зеркаломъ развернулось Черное-море. Не одинъ я обернулся назадъ проститься съ Босфоромъ.

Послѣ голубыхъ водъ Архипелага и сверкающей синевы Прононтиды, Черное-море показалось мнѣ мрачнымъ и пустыннымъ. Не даромъ древніе называли его негостепріимнымъ, не даромъ и теперь зовутъ чернымъ. Для пріѣзжающихъ съ юга въ-самомъ-дѣлѣ есть что-то печальное и непривѣтливое въ этой грустной водяной массѣ. Я съ невольнымъ стѣсненіемъ въ сердцѣ смотрѣлъ на его матовую, пепельно-синюю поверхность, и меня поразила его пустынность: на всей видимой дали его не замѣтно было ни одного паруса, и только вправо тянулась на горизонтѣ темная полоса дыма отъ далекаго парохода, который шелъ въ Трапезондъ, да стадо дельфиновъ, провожавшее насъ изъ Босфора, прыгало по волнамъ, разбѣгавшимся за нашей кормою.

Но Черное-море, не смотря на свою суровость и непривѣтливость, приняло Палладу очень гостепріимно. Во всѣ сорокъ-шесть часовъ плаваніе наше не возмущалось ни малѣйшимъ вѣтромъ. Говорятъ, такія тихія и спокойныя поѣздки бываютъ здѣсь очень-нечасто. Избалованный удобствами пароходовъ австрійскаго Ллойда и припоминая непріятности, какія бывало случалось видѣть на пароходахъ финляндскихъ и рижскихъ, гдѣ съ пассажирами обращаются грубѣе, чѣмъ съ кладью, я сначала смотрѣлъ на родное судно съ предубѣжденіемъ. Но это было недолго. Паллада оставила во мнѣ пріятное воспоминаніе: любезность капитана, вниманіе къ путешественникамъ, порядокъ и въ то-же время отсутствіе нѣмецкаго педантизма — превосходятъ даже заграничные пароходы. Въ одной только кухнѣ Паллада отстала отъ австрійской компаніи: обѣдомъ не довольны были даже самые умѣренные греки.

Общество наше было не многолюдно, но дружно и весело. Погода постоянно баловала насъ. Ясные дни, съ зари до зари осыпавшіе море трепетнымъ золотомъ солнечныхъ лучей, смѣнялись тихими ночами, и мѣсяцъ игралъ на водѣ тѣмъ живымъ серебромъ, которое Айвазовскій такъ удачно переносилъ на свои картины. Кораблей мы почти не встрѣчали: конецъ лѣта самое глухое время для черноморской навигаціи. Во весь переѣздъ мы видѣли только дельфиновъ, которые стаями гонялись за пароходомъ, прыгая и кувыркаясь по волнамъ. На третье утро на лѣвой сторонѣ показался низменный берегъ, съ высокой башней Аккерманскаго маяка. Первымъ вѣстникомъ родной земли была саранча которая за тридцать верстъ залетѣла къ намъ на пароходъ, загнанная вѣтромъ съ бессарабскаго берега.

— Что не здороваешься съ земляками? сказалъ матросъ, сажая на носъ кочегару одного изъ залетныхъ гостей.

— Увидимся еще въ Одессѣ! отвѣчалъ тотъ лѣниво.

Въ самый полдень мы подошли къ Одессѣ, которая рядомъ бѣлыхъ зданій поднималась на темномъ подножіи высокаго берега. Паллада бросила якорь въ Коммерческой-гавани. Городъ съ моря кажется очень-красивымъ и смотритъ такъ-же привѣтливо, какъ Тріестъ.

Вѣроятно для-того, чтобъ мы вполнѣ могли налюбоваться родной панорамою, насъ полчаса держали на пароходѣ. Наконецъ явился большой катеръ съ какими-то форменными, прекрасно-застегнутыми лицами, и послѣ внимательнаго пересмотра какихъ-то бумагъ намъ разрѣшили съѣхать на берегъ. Здѣсь уже не было шумной толпы лодочниковъ и комиссіонеровъ, какими бывало наводнялся пароходъ въ средиземныхъ портахъ: никто не хватался за мой чемоданъ, не предлагалъ услугъ для осмотра города, не навязывался съ рекомендаціей квартиръ и гостинницъ. Правда, съ полдюжины лодокъ подошло къ пароходу, но гребцы ихъ ждали, пока сами пассажиры попросятъ ихъ объ услугахъ. Я съ трудомъ добился, чтобы матросъ принялъ въ лодку мой че-

моданъ и удостоилъ перевести меня на берегъ. Послѣ странствія по лабиринту отечественной таможни, расписавшись и расплатившись кое-гдѣ, я получилъ взятый у меня въ Константинополѣ паспортъ, потомъ отправился по мытарствамъ цензуры, для освобожденія отобранныхъ у меня гидовъ и картъ, написалъ тамъ какую-то просьбу по диктовкѣ чиновника, расписался въ какой-то шнуровой книгѣ и наконецъ добрался до гостинницы, довольно грязной, но зато лучшей въ городѣ. Отъ всей души благословилъ я уничтоженіе карантина, одна мысль о которомъ нагоняла уже печальную тѣнь на всѣ свѣтлыя воспоминанія моего путешествія.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

		Стран.
I.	Корфу	3
II.	Лепантскій-заливъ	11
III.	Коринскій-перешеекъ	20
IV.	Пирей — Пріѣздъ въ Аѳины	29
V.	Акрополь	38
VI.	Пниксъ и Ареопагъ — Тюрьма Сократа	46
VII.	Храмы Тезея и Юпитера	55
VIII.	Новый городъ	63
IX.	Университетъ — Арсакеонъ	71
X.	Гротъ-нимфъ	78
XI.	Патисія	86
XII.	Архипелагъ — Дарданеллы	94

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.	Золотой-Рогъ	105
II.	Курбатъ-Бэйрамъ	114
III.	Изнанка Константинополя	123
IV.	Ая-Софія	132

Стран.

V. Топханское гулянье — Сладкія-Воды 141
VI. Мечети и тюрбе 150
VII. Дервиши 158
VIII. Атмейданъ — Цистерны 167
IX. Безестенъ 176
X. Стѣны и кладбища 183
XI. Стамбульскія бани 190
XII. Больной и врачи 198
XIII. Босфоръ 206

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DF919
.M55
1859